

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.
Рецензент: генерал-майор И. К. Карпов
Лит. обработка Г.Т. Черноусько.

Оглавление

Посвящение в Красную Армию	
Боевое крещение	
Первые шаги командирской службы	
Не пропустить фашистов!	
На новом направлении	
Освобождение Великих Лук	
Встреча с Москвой и новое назначение	
По дорогам Украины	
Бросок к предгорьям Карпат	
Львовско-Сандомирская наступательная	
От Вислы до Одера	
От Одера к Гдыне	
Впереди — Берлин	
Штурм фашистского логова	
Мир на земле	
Послесловие	
Приложение	

Иван Федорович Дрёмов — Герой Советского Союза, генерал-лейтенант в отставке, прошел большой жизненный путь от рядового красноармейца в годы гражданской войны до командующего танковой армией. В период Великой Отечественной войны танкисты под командованием И.Ф. Дрёмова освобождали земли Смоленщины, Калининской области, Украины, сражались у берегов Днестра, Сана, Буга, Вислы, Одера и закончили войну в Берлине. Этим славным событиям и посвящена его книга воспоминаний.

ПОСВЯЩЕНИЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ.....	2
БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ	5
ПЕРВЫЕ ШАГИ КОМАНДИРСКОЙ СЛУЖБЫ	8

ПОСВЯЩЕНИЕ В КРАСНУЮ АРМИЮ

Суровыми были сентябрьские дни 1919 года для Страны Советов. Молодая республика - находилась в огненном кольце интервенции, контрреволюционных мятежей, разрухи, голода и тифа.

Неприветливо встретили нас, деревенских ребят, бывшие николаевские казармы в Самаре. Мрачные своды тускло освещали фонари «летучая мышь». Спать довелось на голых нарах. Но уже утром нам выдали красноармейскую форму. Потрепанные лапти и зипуны мы с удовольствием отправили в полковой мусорный ящик. В буденовках и гимнастерках тотчас почувствовали себя новыми людьми, полноценными бойцами за родную Советскую власть. Красноармейцы и командиры окружили нас, молодых воинов, поистине отеческой заботой.

В первом запасном полку, куда нас определили, я встретился с Алешкой Воронцовым, односельчанином и другом детства. Узнать Алешку было трудно: некогда вихрастая, а теперь стриженная наголо голова, уши торчком и улыбка до ушей. Все мы, да и я в том числе, как две капли воды, похожи друг на друга.

...Строй новобранцев тянет руки по швам, молодецки выпячивает грудь. «Убрать харчи», — шутливо, но без тени улыбки приказывает командир отделения Пузик, и мы моментально втягиваем животы. Наш командир идет вдоль строя и четко выполняет ружейные приемы. Он бывалый солдат, четыре года провел в окопах первой мировой войны. Строг, справедлив, требователен, никогда не оскорбит и не унижит подчиненного. «Храбрый всегда впереди — и жив. Трусиску и позади убивают», — любит повторять он суворовские слова. Мы сразу же от всей души полюбили своего первого командира.

Незаметно бегут дни нашей учебы. Даже ночью, в коротких солдатских снах, я вижу не родную Ишковку и милый сердцу Малый Иргиз весь в плакучих ивах, а без конца разбираю и собираю трехлинейку, пулемет «максим», хожу в штыковую атаку. Вскоре нам выпадает и первое боевое испытание. И не во сне, а наяву.

Наш взвод неожиданно перебрасывают в одну из казацких станиц Оренбургской губернии, где создалась довольно напряженная обстановка. Короткая речь командира взвода краскома Некрасова, его призыв: «Революция в опасности!» — словно резанули меня по сердцу, рука невольно крепче сжала винтовку.

Вечерело, когда я получил приказ на охрану собрания партячейки станицы. Один за другим подходили к зданию бывшей управы коммунисты — казаки, всего человек двадцать. Но вот стемнело окончательно, и на улицу валом повалили станичники, кулачье, в прошлом царские опричники. Раздалась пьяная матерщина, угрозы.

— Разойдись! — предупредил я. В ответ посыпался град камней. Один из них больно саданул в плечо. Я поспешно выстрелил вверх.

— Стой! Стрелять буду!

В неярком свете луны блеснули оголенные шашки. Пришлось открыть прицельный огонь. Неподалеку послышался топот ног. Это на помощь мне спешили товарищи во главе с краскомом Некрасовым. Утром перед строем мне

объявили благодарность за отличное выполнение служебного долга.

Наше обучение подходило к концу. Все чаще в беседах комиссаров, на перекурах звучали названия фронтов, легендарные для нас, еще необстрелянных бойцов, имена Михаила Васильевича Фрунзе, Василия Константиновича Блюхера, Семена Михайловича Буденного. Затаив дыхание, слушал каждый из нас пересказ выступления товарища Ленина на Красной площади перед бойцами, отправлявшимися на фронт.

И наконец свершилось. Ранней весной 1920 года, когда Волга еще дыбилась ледоходом, маршевая рота Самарского запасного полка покинула казармы и погрузилась в товарные вагоны. Наш эшелон медленно потянулся на запад.

Для раздумий и споров в пути времени вдоволь. Много для нас, вчерашних сельских ребят, было в диковинку. Проезжали большие города, шумные вокзалы, переполненные беженцами и мешочниками, пересекали могучие реки, угрюмые леса. Вокруг эшелона кружились бескрайние степи с тусклыми огоньками убогих деревень. Таких же убогих, как и наша с Алешей родная Ишковка. Это была наша Родина — измученная Россия начала 20-х годов. Но что-то в ней изменилось, что-то неуловимое менялось каждый день.

В Сызрани, где эшелон простоял полдня, местные железнодорожники вышли на коммунистический субботник. Они шли с лопатами, кирками на плечах, с развернутыми знаменами, под звуки духового оркестра. Шли, как на праздник. Праздничное настроение, чувство гордости прямо-таки лучилось у них из глаз. Это настроение счастья труда невольно передалось и нам. С разрешения командования мы высыпали на помощь железнодорожникам. С каким наслаждением схватились за лопаты и кирки истосковавшиеся по труду и земле солдатские руки, руки вчерашних рабочих и крестьян! А потом мы поделились с железнодорожниками своим, нехитрым красноармейским пайком.

Эшелон отмахал уже сотни километров, а душу каждого из нас все еще грело чувство радости от сделанного нами доброго дела, из теплушек неслись песни, звучавшие на субботнике: «Мы наш, мы новый мир построим...», «Смело мы в бой пойдем...».

Наступает вечер. И вместе с ним к сердцу подкрадывается грусть. Мы с Алешей лежим на верхних нарах и в узкое окно вагона-теплушки вглядываемся в мрак, пронизываемый снопами искр из паровозной трубы. Гудят рельсы, им жалобно подпевают телеграфные провода. А память уносит нас в родные края. Давно уже не было весточки из дому. Я закрываю глаза и, словно наяву, вижу наш саманный покосившийся домишко на краю деревни, степь, выжженную суховеем, над речкой погост, где похоронены еще молодыми отец и мать, слышу голоса односельчан...

Родился я 15 октября 1901 года в небольшом селении Ишковка, затерявшемся в степных просторах Самарской губернии, здесь же прошло мое детство. По рассказам односельчан, отец мой пас скот, портняжничал и служил сельским пожарным. Жили они с матерью мирно и дружно, несмотря на суровую жизнь. Судьба рано лишила меня родительской ласки, и бедность прочно свила гнездо в нашей семье, С младшим братом Василием мы остались на попечении бабушки, которая хоть и была не по годам подвижной, энергичной, но часто

прихварывала. Восьмилетним мальчишкой я впервые увидел солдата.

Он был высок, статен, красив и выглядел весьма внушительно. Двухъярусная фуражка с петушиным хохолком, увешанная сверкающими медалями — знаками воинской доблести — грудь. Многими ребятами, в том числе и мной, овладела мечта стать солдатом.

В августе 1914 года вспыхнула первая мировая война, полились рекой людские слезы. Бедняки и батраки ругали войну. Кулаки и зажиточная часть крестьян открыто поддерживали кровавую затею царя.

Перед самой войной закончил я церковно-приходскую школу. Учеба давалась трудно. Не имея учебников, готовил уроки от случая к случаю, пользуясь книгами товарищей. С горечью сознавал — дальнейший путь к образованию для меня закрыт.

Вскоре искалеченные войной солдаты стали партиями возвращаться домой. На многое раскрыли они глаза односельчанам. Оказывается, каждый третий воин ходил в атаку без винтовки...

А жить становилось все труднее. От голода, болезней вымирали целые семьи. Плуги, сохи на полях тянули не лошади и быки, а старики, женщины да подростки. Наша саманная хатка все глубже вращалась в землю, разваливалась. Не было одежды, хлеба, топлива.

Революционные свершения застали меня в деревне. На первых порах трудно было разобраться в том, что происходило в России. События стремительно нарастали. Деревенская беднота и прибывшие с фронта солдаты пытались понять истинный смысл новых явлений. Крестьяне от непрерывных церковных богослужений перешли к длительным сходкам, жадно выслушивали наезжающих из города ораторов. Собрания, митинги проходили бурно. Все говорили долго и складно. В ораторах и громких речах не было недостатка. Пустые и звонкие фразы настораживали солдат и крестьян. Они ждали другого — конца войны, мира, земли.

Я, собственно, не знал, к какому берегу прибьет меня народная волна в эти тревожные и неясные дни.

Война с немцами окончилась, но начиналась другая. События подходили к логической развязке. Стороны как будто определились. Бедняки вскоре разобрались в речах ораторов и пошли за Советской властью. Громкие слова на митингах, сходках постепенно уступали место боевому оружию.

Ярко запомнилась картина одного дня.

...Было еще темно, когда сильный взрыв снаряда внезапно разбудил наше село. Все всполошились, высыпали на улицу, внимательно вслушиваясь в артиллерийские и ружейно-пулеметные залпы.

— Вот и сюда война достала, — сказал бывший солдат и заковылял на самодельном костыле.

С восходом солнца бой приблизился к деревне. Мы с другом Алешей забрались на соломенную крышу нашей ветхой избы и, крепко охватив руками закопченную трубу, пристально вглядывались в даль.

Свистели пули, рвались снаряды, вздымая клубы дыма и пыли. К центру деревни двигались навстречу друг другу редкие солдатские цепи, назревала

штыковая схватка. В это солнечное утро мы увидели не только солдатскую кровь, но и услышали мучительные стоны раненых.

— Эй, хлопцы! — крикнул бегущий мимо солдат, — слезайте с крыши, а то ведь пуля-дура ненароком зацепит.

Красноармейцы в солдатской форме с красными бантами на груди лихо пошли в атаку. И белогвардейские ряды дрогнули, начали отступать. К полудню беспорядочные выстрелы стихли, скрылись за горизонтом белые и красные, оставив в нашей деревне россыпи стреляных гильз, воронки, убитых и раненых.

Время бежало. Нам с Алексеем не удалось в те дни вступить в Красную Армию. Но вот теперь наша мечта сбылась...

Эшелон, миновав Сызрань, Пензу, следует в Москву. Многие из нас никогда не были в ней и потому с трепетом ожидали встречи.

А вот и она — белокаменная красавица. Навстречу поезду бегут многоэтажные дома, скверы, заводские корпуса, церкви. Только угрюмо и неприветливо встретил нас город. Всюду проглядывают голод и нищета. Потерянно бродят оборванные и истощенные дети; женщины, старики предлагают последние пожитки за кусок черствого хлеба. До боли сжимается сердце при виде обездоленных. Красноармейцы раздадут москвичам часть своего скудного пайка. Здесь же, на вокзальной площади, бойко орудуют спекулянты и стяжатели, наживаясь на народном горе.

— Черное воронье! — скрипит зубами Алеша. — Стрелять таких мало...

Раздается протяжный гудок паровоза. Мы быстро вскакиваем в свои вагоны. Москвичи провожают нас со слезами на глазах.

Теперь эшелон мчится по белорусской земле. Чем ближе фронт, тем отчетливее ощущается его дыхание.

Где-то впереди грохочет артиллерийская канонада, леса и даже редкие перелески заполнены военными.

Остановливаемся на станции Птичь. Ветер с запада доносит запах гари и пороховых газов. Это довольно угнетающе действует на каждого из нас.

— Выходи! — несется от вагона к вагону команда. Приказ краток: немедленно получить оружие, патроны, гранаты и с наступлением темноты двинуться маршем к фронту.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

В вечерних сумерках, соблюдая полную тишину, мы покидали прифронтную железнодорожную станцию Птичь. Еще до рассвета нашу роту влили в состав 16-й стрелковой дивизии, части которой вели тяжелые бои с белополяками восточнее Пинска.

Едва рассвело, на лесных прогалинах открылась удручающая картина недавнего жаркого боя. Санитары с носилками в руках спешили на передовую. Рота наша была пока в тылу, и все же целый день белополяки подвергали нас артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Лишь с наступлением темноты огонь прекратился и роту выдвинули на передовую.

Первую ночь мы провели в окопах. При каждом разрыве снаряда песчаная пыль забивала глаза и уши, лезла в нос.

С восходом солнца разгорелся бой. С непривычки мне казалось, что все пули летят на меня. Вскоре появилась пехота противника, она плотными цепями двигалась в нашу сторону. Когда расстояние уменьшилось, по цепи прокатился приказ командира роты: «Залпами — огонь!»

Однако неприятель продолжал наступать. Сначала ускоренным шагом, потом короткими стремительными перебежками, а когда его прижали к земле, ползком.

Теперь нас разделяла неширокая речушка. Оставалось каждой из сторон сделать встречный бросок — и пошли бы в ход штыки и приклады.

Сильный огонь нашей роты вынудил белополяков отойти назад. Едва утихли ружейные и артиллерийские залпы, мы принялись совершенствовать свою оборону, которая не отвечала требованиям ведения боя.

— Окоп — твой дом, твоя крепость, твоя жизнь, — твердил наш командир, — хорошенько закопаешься в землю, уверенней будешь чувствовать себя в бою.

Фронтная жизнь учила заранее определять, каким будет день сегодняшней, завтрашний. Если, скажем, сегодня раздатчик пищи выдавал банку мясных консервов на двух бойцов, верный признак — предстоит наступление, если же на четырех — оборона.

Стояло теплое тихое утро. Изредка пролетали над головой снаряды. И вдруг команда: «Приготовиться!»

Артиллеристы и пулеметчики открыли по врагу массированный прицельный огонь, не давая ему поднять голову. Цепи атакующих двинулись вперед. И тут ко всеобщей радости красноармейцев из нашего тыла появился бронепоезд. Эту грозную стальную громаду мы впервые увидели на поле боя. Она стремительно носилась взад-вперед по железнодорожному полотну, осыпая вражескую оборону непрерывным артиллерийским и пулеметным огнем.

Не выдержав внезапного удара, противник начал отход к Пинску. Белополяки в смятении бросали все: оружие, боеприпасы, продовольствие. Некоторые, потеряв от страха голову, охваченные ужасом, бежали в нашу сторону. Воспользовавшись паникой врага, мы устремились вперед.

Сражение подкатывалось к городу. Уже отчетливо были видны контуры домов, утопавших в зелени. Но с ходу овладеть населенным пунктом не удалось. С наступлением темноты противник, подтянув резервы, усилил огонь по всему фронту.

В эту ночь никто из нас не смыкал глаз. Готовились к новому бою. Помню, мне не давала покоя ручная граната, я носил ее при себе, не зная принципа действия. Некоторые бойцы тайком относили свои гранаты за сотню шагов от окопа, зарывали их в землю и лишь тогда спокойно ложились спать. Как узнал об этом командир отделения Пузик — уже не скажу, но он тут же рассказал о ручной гранате образца 1914 года и наглядно показал, как ею пользоваться в ближнем бою.

Рассвело. На городской окраине замелькали фигурки. Это двинулись в нашу сторону боевые порядки вражеской пехоты. Ее плотно прикрывали своим огнем

артиллерия и пулеметы.

На мушки трехлинейек ползли и ползли неприятельские солдаты. Их цепи вплотную подходили к нашей обороне. Мы отчетливо видели солдат в пепельных мундирах.

— Приготовиться к контратаке! — пронеслась команда.

Артиллерийская канонада стихла, уступая место ручной гранате, штыку, прикладу. Когда цепи сблизилась примерно на тридцать-сорок шагов, крики атакующих слились в протяжный гул. Я тоже кричал «ура» и лишь на какую-то долю секунды замер на месте, увидев перед собой шеренгу незнакомых людей. А спустя мгновение устремился вперед, выбирая на ходу для штыкового удара по своему росту вражеского солдата.

Схватка длилась недолго. Пехота дрогнула и, не выдержав нашего натиска, в беспорядке отступила. Часть белополяков сдалась в плен. Но вскоре на правом фланге появилась вражеская кавалерия. Однако что-то помешало ей атаковать позиции.

Ни одной из сторон многодневные бои за Пинск не дали заметных результатов, так как велись они в замкнутой полосе: справа — железная дорога, слева — непроходимое болото.

Как-то во время одного из боев исчез красноармеец Чернышев. Объявился, когда наша рота отошла на прежний рубеж.

— Это кто же тебя так размалевал? — поинтересовался Алеша.

— Да так, один раненый, — уклончиво ответил Чернышев, но под давлением «наводящих» вопросов уступил и рассказал подробнее о происшедшем.

— Гляжу, орет, бедняга, во всю глотку: «Помогите, помогите!» Подошел к нему. Вижу: кровь из руки ручьем хлещет. Ну, я взял бинт, давай перевязывать. Не помню, как очутился на земле. Очнулся, а надо мной, как ястреб, навис раненый боец: «Запомни накрепко, — хрипит, — не умеешь врачевать — не берись».

Мы от души посмеялись над Чернышевым и посочувствовали пострадавшему. Грамотную перевязку из нас никто не умел сделать.

Вскоре роту отвели в резерв. Не прошло и трех недель передышки, как снова полк бросили в бой, но уже против банды Булак-Булаховича, бесчинствовавшей в районе городка Речица.

Разные слухи ходили о местонахождении банды, которая занималась грабежами и погромами еврейского населения. Из достоверных источников нам стало известно, кто состоит в «воинстве» Булаховича. Это были уголовники, кулацкие сынки и другое никчемное отродье.

Лесными тропами мы шли всю ночь. Утренний рассвет застал отряд на окраине Речицы. Все население, несмотря на ранний час, радушно приветствовало нас. Неожиданно южнее пассажирского вокзала раздались ружейные выстрелы. Роты полка сразу же развернулись в боевой порядок и повели наступление на банду.

Ружейный и пулеметный огонь усиливался. Со стороны густого лесного массива через ровную, как скатерть, поляну навстречу нам двигались нестройные бандитские ряды. Не обращая ни малейшего внимания на наш

сильный и меткий огонь, пьяная орда ускоренным шагом неуклонно приближалась.

— Без команды не стрелять! — передал по цепи приказ краском Чуркин.

Напряжение нарастало. Две роты нашего батальона, охватывая левый фланг, наступали в тыл банды.

— Приготовиться к атаке! — негромко скомандовал командир отделения Пузик. — Огонь!

Три дружных ружейных залпа слились со взрывами ручных гранат. Чтобы избежать полного окружения, банда Булак-Булаховича отступила к Днепру. В бою было уничтожено около 300 бандитов, захвачены одна пушка и шесть станковых пулеметов.

Полк продолжил преследование банды, но нашу роту отвели в резерв и расположили на некоторое время в городе Речица.

С какой радостью приняли нас жители! Прямо на улице они накрыли столы для угощения, делились с нами последним куском. Ведь мы были их освободителями.

ПЕРВЫЕ ШАГИ КОМАНДИРСКОЙ СЛУЖБЫ

Весной 1921 года нашу роту направили в Слуцк для несения пограничной службы. Тогда она мало чем отличалась от фронтовой: частые перестрелки, вооруженные стычки. Границу нарушали шпионы, диверсанты, контрабандисты. Из Варшавы и других польских городов спекулянты везли сахарин, спирт, кожу, золото, мануфактуру, оружие, опиум, наживая на этом огромные барыши.

Служба проходила беспокойно, в очень сложных условиях. Красноармейцы нередко недосыпали, недоедали, были плохо обмундированы. И все же, несмотря на лишения, успешно вели борьбу с нарушителями границы. В этом немалую помощь оказывали местные жители. Мы быстро научились читать невидимые неопытному глазу следы, часами без движения сидеть в «секрете», заставить лазутчиков врасплох там, где они меньше всего этого ожидали.

Шло время. Одних демобилизовывали, других направляли на учебу в военные школы. Не обошло стороной счастье и меня с Алешей: мы стали курсантами 3-й пехотной Западной школы, находившейся в Смоленске.

Три года учебы пролетели незаметно. Нелегко было нам расставаться со школой, ее преподавателями, нашими командирами. Полюбился нам и древний Смоленск с его красивыми кремлевскими башнями и памятниками великой русской славы 1812 года. Самым радостным и знаменательным событием в школе я считаю встречу в 1925 году с Михаилом Васильевичем Фрунзе. Невысокого роста, коренастый, с размашистой походкой и приветливым взглядом, нарком покорила нас с первых же минут душевной простотой, непосредственностью в обращении с нами, курсантами, и командирами школы. Запомнилась его краткая беседа, в которой нарком подчеркнул следующую мысль: скоро мы, курсанты, станем красными командирами, но военный мундир не только олицетворяет принадлежность советского человека к вооруженным

силам и определяет характер его работы в период прохождения воинской службы, но предъявляет особые, повышенные требования к нему и, прежде всего, как самоотверженному защитнику первого в мире государства рабочих и крестьян.

Назначение я получил в город Витебск в 27-ю стрелковую дивизию, которой командовал герой гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени Степан Сергеевич Вострецов — волевой и бесстрашный военачальник. Первыми моими наставниками были: Михаил Павлович Анисимов — командир 2-й курсантской роты 3-й пехотной Западной школы комсостава, Андриан Васильевич Васильев — командир 1-го стрелкового батальона 81-го стрелкового полка и Михаил Ефимович Катукон — начальник полковой школы этого же полка.

— Моя наука проста, — часто повторял Михаил Ефимович Катукон, — делай, как я, и все будет в порядке.

Это были суровые, требовательные, справедливые и потому горячо любимые молодежью командиры. Мы перенимали их подтянутость, внутреннюю собранность, неиссякаемый оптимизм, готовность к любым неожиданностям, мы учились всему этому у своих наставников до тех пор, пока эти качества не стали для нас железным законом как на службе, так и в быту.

Я принял взвод в чудесную пору ранней осени 1925 года. Длительное время бойцы присматривались ко мне. В свою очередь я стал изучать каждого бойца, настойчиво подыскивая ключи к сердцам.

Признаюсь, было нелегко. Если раньше я отвечал только за себя, то теперь — за коллектив, за его обучение и воспитание, за имущество и оружие. И все же командирская работа доставляла мне большое удовольствие.

В свободные часы спешили в театр, посещали клубы, выкраивали время для чтения художественной литературы, слушали лекции. Каждый из командиров стремился вырваться вперед, показать свое подразделение с самой лучшей стороны.

На моих глазах многое менялось в методике, тактике и организационной структуре наших войск. Но единственное, что не двинулось пока с места — это солдатская экипировка.

Работа командира требовала высокой теоретической подготовки и полной отдачи сил. Мы теперь глубже изучали боевое оружие, уставы и тактику. В узком кругу не раз обсуждали вопросы военной организации частей и соединений развитых капиталистических государств. Не прекращались горячие споры и дискуссии по отдельным вопросам военной науки на специальных научных конференциях, на страницах печати. Жизнь показала, что споры, дискуссии принесли немалую пользу для укрепления мощи Красной Армии.

Летели годы. Военную академию имени М.В. Фрунзе я окончил как раз в то время, когда на Дальнем Востоке и на Западе вспыхивали военные конфликты. На глазах всего мира Гитлер и генералы вермахта принялись перекраивать карту Европы. Мир встал перед фактом новой войны.

Будучи командиром 729-го стрелкового полка 145-й стрелковой дивизии, я все чаще приходил к выводу, что предстоящие боевые операции потребуют от

наших воинов небывалой стойкости, физического и морального напряжения. Выработать эти качества можно только повседневной учебой и тренировкой, приближенной к боевым условиям.

Напряженная обстановка, которая к тому времени сложилась в Европе, заставила и наш командный состав пересмотреть вопросы учебы и боевой подготовки подразделений. Были проведены показательные занятия с отделениями, взводами по огневой подготовке, тактике и форсированию водных преград. Основной упор делался на отражение танковых атак и авиации противника.

Окончилась лагерная учеба. По итогам летней боевой подготовки 1940 года полк вышел на одно из первых мест в Вооруженных Силах СССР.

Мне, командиру полка, было приятно сознавать, что большая работа всех командиров, политработников, партийной и комсомольской организаций полка удостоена такой высокой оценки.

Последний мирный вечер перед войной я провел за чашкой чая в обществе своих товарищей — замполита Карпа Зиновьевича Кекешева и начальника штаба полка Николая Павловича Маевского. Мы говорили о надвигающейся войне, о миллионных армиях капиталистических государств, которые, как на дрожжах, разбухали и перевооружались.

Оба мои собеседника были молоды и войну представляли лишь по книгам, кинофильмам да рассказам бывших ее участников. Поэтому они дотошно расспрашивали меня о гражданской войне, финской кампании.

Все мы, конечно, понимали, что прошлые войны не идут ни в какое сравнение с предстоящей войной. Если в период первой мировой войны основным массовым видом оружия были винтовка, пулемет и пушка, то теперь появились автоматическое оружие, танки, самоходки, артиллерия и авиация.

Тучи на политическом небосклоне с каждым днем сгущались, чувствовалось: вот-вот разразится буря. Была повержена половина Европы. Захватив Польшу, фашистские войска стали непосредственно угрожать государственной границе СССР. По хвастливым заверениям главарей третьего рейха гитлеровская армия, прошедшая отменную боевую выучку в Европе, могла решать любые задачи не только на континенте, но и за его пределами.

— Я глубоко убежден, — в голосе Маевского сквозила тревога, — война уже на нашем пороге. Ведь не с визитом дружбы прибыли немецкие войска в Финляндию?.. — Он в волнении забарабанил пальцами по столу, потер виски и неожиданно резко сказал: — Не надо быть ни стратегом, ни дипломатом, чтобы понять смысл всей фашистской возни у наших западных границ.

— А может, нам нечего опасаться за западные границы? — выразил сомнение Кекешев. — Они прочно опоясаны железобетоном. Наркомат обороны довольно часто проводил там учения, отрабатывая вопросы современной тактики и ведения боя. К тому же, выделенные правительством средства на оборону и совершенствование нашей армии, в свою очередь, укрепят наши позиции.

Немного поразмыслив, Кекешев вдруг бросился в другую крайность:

— А действительно, готовы ли мы, командиры, к войне с Гитлером?

— Я не могу ручаться за всю армию, округ, дивизию. Чего не знаю, того не знаю. А вот за полк, которым командую, и за себя поручиться могу, — хлопнул я рукой по столу.

На этом и закончился наш затянувшийся разговор. Мы разошлись встревоженные, хмурые, но никто не предполагал, что всего несколько часов отделяют нас от кровопролитных боев по всей западной границе нашей Родины. Проводив сослуживцев, я долго стоял возле дома и думал о нашем споре.

Светало. От реки Сейм тянуло прохладой. Проснулась птицы, и у моего дома, радуясь летнему рассвету, уже разлился трелью курский, вернее рыльский, соловей.

Наш полк, стоял в небольшом городишке Рыльск, под Курском. Предстоящий день располагал к чудесному воскресному отдыху, но об этом почему-то не думалось. В памяти всплыли последние указания наркома обороны по итогам финляндско-советского конфликта. Мне, как бывшему представителю Наркомата обороны, изучавшему опыт боевых действий войск в условиях суровой зимы, бездорожья, резко пересеченной местности, были отчетливо видны просчеты в подготовке мелких подразделений. Конфликт с белофиннами меня многому научил. Полученный боевой опыт пригодился в первый же день войны с немцами. Я сократил многочасовую теоретическую программу по подготовке личного состава и перенес все занятия в поле, обратив особое внимание на ведение разведки, оборудование огневых рубежей и маскировку. Но это случится позже, вечером.

Утром, без объявления войны, гитлеровские полчища вторглись на нашу священную землю. Уже несколько часов шли кровопролитные бои, а мы все еще жили мирной жизнью. Сразу после выступления по радио Наркома иностранных дел зазвонил телефон дивизионной связи.

— Обстановка ясна? — коротко бросил в трубку генерал А.А. Вольхин и едва успел добавить: — Действуйте по плану...

Хрипловатый голос комдива исчез внезапно, словно затерявшись в проводах, и я на миг растерялся. Но долго раздумывать не пришлось. Телефонные звонки участились.

Спустя несколько минут порог переступил майор Маевский. Он был в полной боевой готовности.

— Очень хорошо! — бодро сказал я. — Только подумал вас вызвать.

Начальник штаба окинул кабинет взволнованным взглядом, хотел, видимо, что-то произнести, но я опередил его.

— Пригласите в штаб заместителей.

Прерванный разговор с командиром дивизии генералом Вольхиным оставил в душе тревожный осадок. Что еще намеревался сказать комдив?

Закончив совещание, я попросил задержаться замполита полка майора Кекешева Карпа Зиновьевича и адъютанта Лебедева Бориса Федоровича. Несколько минут все молчали.

— Говорят, Гитлер был ефрейтором в первую мировую войну? — задал вопрос Лебедев. Вид у него был боевой.

— Только ефрейторский ум мог толкнуть немецкий народ на войну с

Советским Союзом, — неожиданно резанул кулаком перед собой Кекешев.

В 16.00 мы провели второе совещание. Командному составу полка были даны указания по формированию и боевому снаряжению подразделений. Особое внимание командиров обращалось на боевую учебу пополнения, прибывающего на доукомплектование полка, на изучение организации, вооружения, тактики противника.

Практические занятия в подразделениях, проведенные в первый день войны, показали, что мы все же недостаточно знали не только организацию и тактику немецкой армии, но и вооружение, особенно стрелковое оружие ближнего боя, не говоря уже о танках, артиллерии и авиации. Не было у нас ни учебного, ни боевого оружия врага.

Пополнение полка проходило в рамках и сроках мобилизационного плана. Командир дивизии генерал-майор А.А. Вольхин дважды побывал в подразделениях полка, внимательно во все вникал, беседовал с личным составом полка, командирами, советуя провести тактические занятия с боевой стрельбой взводов и рот, обращал особое внимание на выбор рубежа, мест ведения огня, напоминал о значимости перебежек, маскировки, броска в атаку и обязанностях бойца и командира в основных видах боя как в обороне, так и в наступлении.

Держал себя генерал-майор А.А. Вольхин спокойно, уверенно.

— Надеюсь, — в заключение сказал он, — война с фашистскими полчищами не посеет среди нас паники и сомнений. Я верю в нашу победу.

Шел четвертый день войны. Враг наступал, усиливалась бомбардировка не только прифронтовых, но и глубинных районов страны. Уже оккупирована часть земель Прибалтики, Белоруссии, Украины. От этого больно сжималось сердце. Информация о положении наших войск на фронте была чрезвычайно скупой, нередко противоречивой. Ясно одно: обстановка весьма сложная, передислокация частей не за горами. Хотя настроение у личного состава было в общем боевое, однако новые события, неожиданные их повороты порождали и новые настроенья. Мы пресекали какую бы то ни было попытку дать волю малодушию. Рассказням, будто бы на фронте нет наших танков, самолетов и зенитной артиллерии, конечно, никто не верил. Кто, как не мы, знали, чем оснащена Красная Армия.

До погрузки в эшелоны и отправки полка на фронт оставались считанные дни. Сейчас у нас каждая минута была на учете. Большую часть времени мы посвящали боевой подготовке личного состава. Временами казалось, что я отдал своим подчиненным все: знания, жизненный и боевой опыт двух войн. И все же я понимал, что испытания, которые им предстоят, потребуют от них несравненно большего.

Близилась тяжелые минуты расставания с родными. Моя жена с двумя несовершеннолетними детьми оставалась в Рыльске. Да, собственно, никто и не допускал мысли, что в этот отдаленный город придет война.

Наконец мы получили график отправки эшелонов, на фронт, но куда именно, никто точно не знал. Каждый, конечно, предполагал, что повезут на запад, где уже пятые сутки шли жестокие, кровопролитные бои.

День 27 июня 1941 года выдался солнечным, тихим. Закончив генеральный

смотр полка, я в итоговом донесении рапортовал комдиву: «Формирование и боевое сколачивание закончены. Казармы, склады с имуществом и вооружением сданы по акту городскому военному комиссару».

Четко работала, несмотря на значительные трудности, железная дорога. В срок были погружены и личный состав полка и боевая техника первого эшелона. До отправки состава мы еще раз проверили организацию служб наблюдения, оповещения и готовность средств защиты по отражению налетов на эшелон вражеской авиации.

Личный состав полка словно подменили. Слышались песни, музыка. И вдруг, как по команде, все вокруг замерло. Наступила короткая тишина. Все мы — отъезжающие бойцы и командиры, провожающие жены, дети, отцы, матери, друзья — застыли на миг. У каждого в глазах стояли слезы.

В 15.00 29 июня 1941 года с первым эшелоном я выехал на фронт.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

НЕ ПРОПУСТИТЬ ФАШИСТОВ!.....	14
НА НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ	24

НЕ ПРОПУСТИТЬ ФАШИСТОВ!

Станция Брянск кишела войсками. Эшелоны с людьми и грузом подходили непрерывно. Прибывающие спешно разгружались и форсированным маршем уходили в прилегающий лес. Военный комендант Брянска четко распоряжался разгрузкой войск, не допуская скопления — район выгрузки слабо прикрывался зенитными средствами.

В первой половине июля части дивизии, сосредоточенные в лесах северо-западнее Брянска, поступили в оперативное подчинение 28-й армии под командованием генерала В.Я. Качалова, готовившего рубеж обороны западнее Брянска: станция Ядрово, деревни Песочная, Молотино, Госоамо, Сельцо, Иржаница.

В районе нашей дислокации царила мирная тишина, не слышен был гул артиллерии и ружейных залпов, но чувствовалось, что армия находится в прифронтовой полосе. Мы изучали оружие, тактику ведения боя, штудировали обязанности бойца и командира в основных видах боя. Здесь же, наконец, приступили к ознакомлению с трофейным оружием, которое получили из штаба дивизии. Его изучали все: отделения и расчеты, бойцы, командиры, политработники. Следует отметить, в эти дни личный состав полка находился под впечатлением речи И.В. Сталина, которую он произнес по радио 3 июля 1941 года. Настроение у всех было бодрое, мы рвались в бой.

Время неудержимо бежало вперед. На полях Брянщины и Смоленщины зрели колхозные нивы. Удастся ли убрать их?

Ранним утром 10 июля 1941 года я мчался на своей подержанной «эмке» к месту, куда вызвал на рекогносцировку группу командиров командующий армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов. Машина неслась по проселочной дороге, как скаковая лошадь. На ухабах и выбоинах нас бросало из стороны в сторону, но скорости мы не снижали — спешили, чтобы не опоздать к командарму.

Неожиданно раздался глухой выстрел. Машину занесло, но водитель вовремя нажал на тормоза.

— Видать, лопнула камера переднего колеса, — высказал он догадку и шепотом чертыхнулся.

Я выскочил из машины, развернул карту, отыскивая точку нашей

вынужденной остановки. Вокруг стояла тишина. Небо было чистое, безоблачное, солнце начинало безжалостно накалять землю и воздух. Невдалеке виднелась деревня.

Не успел водитель снять колесо, как на дороге появилась группа пожилых женщин, стариков, подростков. Все были вооружены косами, топорами, кольями.

Не подозревая ничего плохого, я продолжал сличать карту с местностью. Внезапно послышались крики. Я оглянулся: водитель и адъютант лежали связанные на земле, обезоруженные, а разгневанная толпа жителей двигалась на меня. Кроме холодного оружия, она имела теперь автомат и пистолет. Было не до шуток.

— Вы зачем в такую рань забрели в наши края? — набросилась на меня тщедушная на вид старуха, слегка прищурив хитрые глаза.

— Служба такая, — нашелся я. Но ответ прозвучал весьма неубедительно, и «допрос» продолжил стоящий рядом высокий худой дедок.

— А почему на карте, отобранной вон у того субъекта, — старик ткнул длинным скрюченным пальцем в адъютанта, — обведены кружками наши города? Уж не туда ли вы замахнулись, иудины дети?!

В связи с чем мой адъютант обвел карандашом города, я не мог вспомнить, да еще в такой момент.

— На каком основании, — начал я, — вы арестовали шофера, адъютанта и меня? Мы — военные, и гражданские власти не имеют на это права...

— Ишь ты! Хитрит, как цыган, — сердито закричал во все горло все тот же старик. — Хочет провести нас. Нет, дудки!

— Да они шпионы немецкие! — хором загудели колхозники, гневно размахивая передо мной своим холодным оружием.

Тогда сухонькая низкорослая старушка вновь пустилась на хитрость.

— А покажите-ка, голубки, свои предсмертные билеты.

— Жетоны, бабуся?

— Ага. — Ее лицо было насмешливым и в то же время суровым. Если бы не мой наган, который я вертел в руках, она наверняка накинулась бы на меня.

— Нет у нас жетонов, — честно признался я и этим словно подлил масла в огонь.

Не знаю, чем бы все кончилось, не подоспей вовремя районное начальство. Нас «вызволили». Водителю и адъютанту вернули оружие.

Суровые лица колхозников потеплели. Смущенно улыбаясь, они крепко жали нам руки на прощание.

К командующему армией мы опоздали. Я доложил по телефону командиру дивизии А.А. Вольхину о случившемся.

— Молодцы старики. Таких не проведешь, — докатился до меня довольный голос генерала, который командовал 145-й стрелковой дивизией еще с 1939 года и имел большой жизненный и боевой опыт.

Утром 18 июля полк, выполняя боевой приказ командира дивизии, предпринял марш-бросок по шоссе Рославль—Починок с задачей: оседлав железную дорогу и шоссе, перейти к жесткой обороне у деревни Васьково, не

допустить прорыва противника в направлении города Рославль, находящегося в полосе главного стратегического направления.

Походные колонны полка в этот день почти непрерывно подвергались ударам фашистской авиации. Одна группа «юнкеров» сменяла другую. От частых разрывов бомб дрожала и вихрилась огнем смоленская земля. Пылала техника, горел лес, нес огромные потери личный состав. Убитых товарищей мы хоронили на месте. А темп бомбежек не ослабевал. Только к вечеру, когда основательно стемнело, рев моторов в небе несколько поутих.

Гитлеровцам таки удалось сорвать своевременный выход полка на заданный рубеж обороны. С наступлением темноты пешая разведка донесла: в деревне Васьково — фашисты.

Поразмыслив, решаю: не теряя времени, под покровом темноты авангардным батальоном капитана В.С. Воронова с ходу овладеть населенным пунктом Васьково. Нет сомнения, что этот всесторонне подготовленный и исполнительный командир сумеет выполнить боевой приказ. Главным же силам полка следует быть готовыми в любую минуту развить успех авангарда.

После небольшой паузы части возобновляют движение. В 24.00 капитан Воронов с марша докладывает:

— Провел разведку боем. Деревня Васьково занята противником. По режиму и силе огня указанный рубеж обороняет не менее пехотного полка. Веду бой.

Мы ускоряем движение. Впереди на темном небосводе полыхает красное зарево. Оттуда доносятся звуки артиллерийской канонады. Наконец, почти вплотную приближаемся к авангардному батальону. Оценив обстановку, приказываю прервать наступление и, оставив боевое охранение, отвожу полк на рубеж юго-западнее Васьково, где и занимаем оборону. Такое решение вызвано тем, что во время дневного марша полк порядком потрепала авиация противника. К тому же, наступила ночь, перед нами незнакомая местность и незнакомый противник, отсутствует связь с командованием дивизии и правым соседом. Все это вынуждает нас перейти к обороне. Ясно, что с утра противник пойдет в наступление, поэтому остаток летней ночи мы используем с тем, чтобы глубже врыться в землю, замаскировать технику и обязательно связаться с соседом справа.

До рассвета успеваю установить связь с мотострелковым полком 104-й танковой дивизии, который расположился правее нас. Связаться с командованием дивизии не удастся. Почти половину артиллерийских орудий размещаю в боевых порядках пехоты. Возможно, прямой наводкой придется отражать атаки немецких танков.

Первая фронтовая ночь выдается довольно тревожной. Видимо, наше присутствие приносит немцам немало неприятностей. Они суетятся, непрерывно освещают передовую ракетами.

Без усталости хлопочет начальник штаба полка майор Н.П. Маевский, готовит оборону, разрабатывает варианты предстоящего боя, сопоставляет данные разведки. Рядом в траншее мелькает знакомая фигура замполита полка майора К.З. Кекушева. Он организывает эвакуацию раненых, что-то приказывает

начальнику тыла.

На рассвете проверяю готовность подразделений. Большинство личного состава не спит, готовится к бою, Небо незаметно светлеет, словно сгоняет с себя ночную пелену. Восток загорается красным заревом. Слабый утренний ветерок тихо колышет тяжелые стебли пшеницы, и они еле слышно звенят. Давно уже не было такого обильного урожая.

Не успевает солнце оторваться от горизонта, как над нами с ревом проносятся крылатые бомбовозы. Падают бомбы. Вперемешку рвутся фугасные и осколочные снаряды.

После минутного затишья гитлеровцы переходят в наступление. С наблюдательного пункта четко видно, как немцы, пренебрегая маскировкой, густыми цепями, уперев в животы автоматы, движутся к нашему переднему краю.

В разгар первого огневого удара по обороне полка к наблюдательному пункту подползает полковой комиссар 145-й стрелковой дивизии Николай Иванович Коншин. Не слушая моего доклада, протягивает для рукопожатия руку и вполголоса хвалит:

— Окопались и замаскировались отлично. Молодцы! Главное — устоять! Не пропустить фашистов! — Усталым движением Николай Иванович смахивает с колен налипшие комья земли и продолжает: — Рвутся, гады, к Москве. Наша задача — измотать их, а потом и разгромить.

Затем он переводит разговор на вопросы организации питания, подвоза боеприпасов, горючего, эвакуации раненых. Интересуется, как обстоят дела с доставкой газет и писем. Держит себя спокойно, уверенно, эта уверенность невольно передается и мне.

Сильный артиллерийский огонь прижимает наши боевые порядки к земле, и со стороны кажется, что все разбито, уничтожено. Но оборона живет, молчит, ожидая моего приказа.

Наконец приказ отдан, и всей своей мощью мы обрушиваемся на врага. Трудно передать ту радость, когда видишь, как яркими факелами вспыхивают танки противника. Стальные громадины с крестами на башнях сначала, растерявшись, ёрзают на месте, затем пятятся назад. Однако замешательство противника недолгое. Его танки снова устремляются вперед, ведут за собой пехоту.

Бой принимает затяжной характер. Старательно «обрабатывают» наши боевые порядки и артиллерийские позиции «юнкерсы». Положение осложняется. Правый фланг батальона капитана Юсупова начинает откатываться назад.

Не легче и нашему соседу справа. Он, как и мы, ценой больших усилий отбивает вражеские атаки.

— Ничто меня так не выводит из равновесия, как немецкая авиация, — говорит с досадой командир гаубичного артиллерийского полка 145-й стрелковой дивизии майор Курапин. Он умело управляет боевыми порядками своих дивизионов и успешно отражает вражеские атаки.

И с ним нельзя не согласиться. Самолеты противника безнаказанно

«разгуливают» над нашими позициями: противовоздушной защиты у нас почти нет.

— В мирное время мы обучали бойцов отражать кавалерию, — невесело констатирует осипшим злым голосом начальник штаба полка майор Николай Павлович Маевский. — Попробуй теперь отбить эти стальные чудовища.

В глубине души я с ним согласен. Мало, ой, как мало успели мы сделать!

Немцы настойчиво атакуют позиции. Несмотря на очевидный перевес в технике и людях, им все же не удается прорвать нашу оборону. Неожиданно бой затихает.

В течение короткой летней ночи нам удастся переместить на новые огневые позиции почти всю артиллерию, на прежних местах остаются ложные орудия. Усовершенствуется и передний край: глубже зарываются в землю бойцы, маскируются траншеи, размещаются в надежных, местах огневые точки, по мере возможности приближаются к боевым порядкам все пункты управления. Правда, слабое звено у нас, как и раньше, — противовоздушная оборона.

Для отражения танков мы имеем артиллерию, бутылки с горючей смесью, противотанковые гранаты и самое верное и надежное средство в бою — матушку-землю и маскировку.

Пока длится затишье, хочу допросить пленного. Выскочив из горящего танка, гитлеровец с перепугу потерял ориентировку: вместо того чтобы устремиться к своим, бросился в нашу сторону.

На допросе гитлеровец упрямо молчит и время от времени нервно выкрикивает: «Хайль Гитлер!». Видимо, пленный контужен, и мы направляем его в госпиталь.

С первыми лучами солнца противник с новой силой обрушивается на нашу оборону. Немного позже бомбовый и артиллерийский удар приходится на участок правого соседа. Совершенно ясно, что основное направление своего удара немцы нанесут вдоль шоссе и железнодорожной магистралей, ведущих на Рославль.

В минуты некоторого затишья на командный пункт поступает донесение командира 1-го батальона капитана Воронова. В расположении боевых порядков батальона задержан неизвестный. Собирает сведения военного характера.

Приказываю препроводить задержанного ко мне. Арестованный без тени смущения предъявляет свои документы — партийный билет, удостоверение личности, орден Ленина, которого удостоен за финскую кампанию, и представляется: работник политотдела армии. Оказывается, он прибыл в полк по направлению, но в горячке боя не успел отрекомендоваться.

Я облегченно вздыхаю. Инцидент исчерпан. Не секрет, что в первые месяцы войны слухи о шпионах, засланных в наши войска, изрядно тормозили работу.

Гитлеровцы предпринимают новую атаку. Отдельным танкам и мелким группам пехоты удается вклиниться в оборону 1-го батальона капитана В.С. Воронова.

Заметив 45-миллиметровую батарею, вражеские машины устремляются к ней. Не растерявшись, хладнокровно выбирая цель, командир батареи коммунист лейтенант Жариков поочередно подбивает четыре легких танка

противника, Но другие успевают проскочить в глубь обороны, проутюжив несколько окопов.

Комсомольцы рядовые Makeев и Иванов пропускают над собой танки и внезапным огнем из станкового пулемета уничтожают около взвода наступающей немецкой пехоты.

Около часа ведут неравный бой пулеметная рота младшего лейтенанта Г.П. Бляхерова и батарея капитана И.Г. Кулагина. Противник то откатывается назад, то вновь наползает густыми цепями.

Командир пулеметной роты коммунист Бляхеров, единственный оставшийся в живых, залег у станкового пулемета. Прицельный огонь его «станкача» заставляет гитлеровских пехотинцев попятиться, а затем повернуть назад. Уничтожено около двух взводов фашистской пехоты.

Мы тоже несем потери. Тяжело ранен командир батальона Воронов, но поле боя не покидает; отмахиваются от санитаров и легкораненые.

Прорвавшиеся в глубь обороны танки противника разгуливают по нашим тылам. Заместитель командира полка по тылу майор Бондаренко оперативно организует круговую оборону. Под его руководством бойцы отражают танковую атаку, при этом коммунист Бондаренко лично бутылками с горючей смесью поджигает два танка.

Упорное сопротивление и контратаки полка приостанавливают наступление противника, а затем вынуждают его отступить на исходные рубежи. Все подступы к обороне завалены разбитой техникой, трупами гитлеровцев.

Обстановка на боевом рубеже полка продолжала оставаться напряженной. Немцы непрерывно атаковали наш передний край.

Едва я успел переговорить с начальником штаба полка майором Маевским, как у наблюдательного пункта заметил командира дивизии генерал-майора Вольхина. Он выглядел уставшим, но был тщательно выбрит, подтянут. На груди привычно поблескивал орден Красного Знамени, полученный еще в годы гражданской войны.

Поздоровавшись, генерал кивком головы указал на-передовую.

— Жарковато?

— Так точно, товарищ генерал,— ответил я.

— Крепись, Иван Федорович!

Тут же генерал Вольхин дал указание с рассвета начать наступление на Васьково. Село стояло на важном танкоопасном направлении.

Трудно оценить огромное влияние командира на бойцов в тяжелые минуты боя. Это как живой родник. Спокойствие, уверенность, помощь и совет, сила воли, кажется, удесятерят силы, воодушевляют на подвиг.

В эту ночь мне пришлось пройти не один километр окопов, траншей и ходов сообщения, проверяя готовность полка к бою и выясняя настроение бойцов и командиров. Большинство из них не спало. Кто поправлял окопы, кто чистил оружие, многие обсуждали события минувшего дня.

Мысленно я подводил итоги. Как показали первые бои, ячеечная оборона, вернее тактика большого рассредоточения, совершенно непригодна в условиях массовой техники: одиночество, разобщенность, отсутствие связи

порождали в бою чувство неуверенности. Каждого из бойцов мучила тревога: на месте ли товарищи? В своих ли гнездах? «Управлять боем в разобщенных ячейках и гнездах почти невозможно,— заявляли и командиры. — Необходимо соединить их ходами сообщения».

Рытье траншей заняло у нас почти всю ночь. В часа три утра я доложил командиру дивизии генералу Вольхину о проделанной работе и попросил усилить зенитную артиллерию.

— Не могу обещать, товарищ Дрёмов, — вздохнул в ответ на мою просьбу командир дивизии.

Вконец измотавшись за эти сутки, не помню, как уснул. Разбудил меня тревожный голос адъютанта, народившего порядок на НП. Оказывается, связисты, дежурный, охрана и радисты — все спали как убитые.

Перед рассветом вместе с правым соседом мы начали наступление на деревню Васьково. Внезапный огневой налет и стремительная атака внесли замешательство в боевые порядки врага. Лишь изредка прорезали предрассветную мглу ответные пулеметные очереди. Противник в панике начал было отступать, но тут появилась немецкая авиация. Она густо, как саранча, повисла в небе, сбрасывая на боевые порядки полка сотни бомб. Нашей артиллерии пришлось замолчать. Зато активнее заработала немецкая.

В эти тяжелые дни не раз приходилось замечать, с какой надеждой красноармейцы смотрят в небо, ожидая своих краснорозовых соколов.

— Наша авиация, ребята, прикрывает важнейшие объекты и войска на первостепенных направлениях, — объяснял я, видя в глазах бойцов горечь и укоризну.

Бой разгорался. Несмотря на значительные потери, мы все же медленно продвигались вперед.

1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта Петра Ивановича Агафонова умело отразил еще одну контратаку противника и захватил в плен около взвода гитлеровской пехоты, при этом командир проявил незаурядное личное мужество, его руководство боем отличалось твердостью и мастерством.

Необыкновенной силой воли, поразительной выдержкой отличился в бою пропагандист полка капитан Петренко. Раненый, он не покинул поле боя, ходил в атаку с батальоном капитана Юсупова, увлекая личным примером бойцов на подвиг.

Уверенно, смело руководил своим взводом в наступлении командир стрелкового взвода младший лейтенант Лапин. Ручными гранатами он уничтожил вражеский пулемет и тем самым обеспечил продвижение всей роты.

Дерзновенно, находчиво вели себя в схватке с врагом рядовые стрелкового взвода младшего лейтенанта Лебедева — Марьин, Якушев и Мишин. В одной из атак бойцы проникли в тыл противника, внезапно открыли огонь из автоматов и, определив огневую точку, подавили ее гранатами; воспользовавшись суматохой, взяли в плен немецкого офицера.

Не будь превосходства немецкой авиации, мы непременно овладели бы Васьково, стоящим на важном направлении. Но под напором превосходящих сил противника подразделения полка начали отход. Более всего я опасался, что

фашисты начнут преследование. К счастью мои опасения не подтвердились. К исходу дня с незначительными потерями мы заняли прежние оборонительные рубежи.

Не успел я опомниться от дневных неудач, как последовал вызов к командарму. На душе было тревожно. Чтобы не опоздать, решил выехать еще засветло. Верховая лошадь ретиво неслась по изувеченным войной полям. То, что командарм вызывал меня не для наград, а для очередной взбучки, было совершенно ясно.

Генерала В.Я. Качалова нашел я возле добротной сельской хаты. Доложил о прибытии. Командарм нервно вышагивал по двору. Было заметно, что недоволен.

— Почему сорвали наступление? — сердито начал В.Я. Качалов. — Молчите?! Может, начнете утверждать, что мешают авиация, танки противника? Знаю. Но воевать надо умеючи. И следует выполнять поставленную задачу.

Началось совещание. Командарм внимательно, не перебивая, выслушал каждого из прибывших и после короткого обсуждения объявил: «Утром в наступление — и никаких «но»».

Боевая обстановка в районе Рославль — Стодолище с каждым днем накалялась. Враг рвался к Москве и потому стремился окружить и уничтожить нас. Армия генерала Качалова дралась стойко и мужественно, хотя неудачи словно бы преследовали ее.

К себе в полк я возвратился вечером. На передовой было сравнительно тихо. Лишь кое-где вдали ухала артиллерия да высоко в небе кружил над нами неопознанный самолет. Изменений за мое отсутствие не произошло. Немцы как-то странно притихли и атак не возобновляли.

Командиру дивизии, генералу Вольхину, я доложил по телефону о боевом приказе командарма. Он выслушал меня и, помолчав, предупредил:

— Действуйте, Иван Федорович. Только, что касается зенитной артиллерии, — тут он сделал паузу и вяло закончил, — ее нам не дали.

Ночью немцы отдыхали. Правда, вечером, с наступлением сумерек, устраивали такие фейерверки, что мы только диву давались. Зачем?

— Товарищ комполка! Вас вызывает «верх». — Дежурный связист осторожно передал мне телефонную трубку.

— Алло! Алло! — донесся слегка измененный расстоянием знакомый голос начальника штаба армии генерала Егорова. — Через час получите распоряжение. Получение немедленно подтвердите.

Из боевого распоряжения штаба армии следовало: приказ о наступлении отменяется; предлагалось прочно закрепиться на занятом рубеже.

Ночь прошла тревожно: на нашем и соседнем участке не раз возникала артиллерийская дуэль с противником, но гитлеровцы не решились наступать. Шли восьмые сутки непрерывных боевых действий. Постепенно исчезла танкобоязнь, уверенней стали держать себя люди при налетах вражеской авиации. Привыкли и к свисту пуль, и к снарядным разрывам. Только с потерями невозможно было смириться. А они с каждым днем росли.

Приближался рассвет. Тускнели в небе звезды. Гитлеровские воздушные

армады, словно по расписанию, появились над линией нашей обороны. Они спокойно разворачивались у нас над головами и пикировали на цель, засыпая ее бомбами. «Юнкерсов» строго по графику сменяли «фокке-вульфы». Не раз занимали исходные позиции танки, но затем почему-то отходили. Молчала и пехота противника. О наступлении в это утро не могло быть и речи, так как немецкой авиации удалось полностью парализовать нашу артиллерию.

Но бомбежка и артиллерийский налет закончились, и пехота противника под прикрытием легких танков начала атаку. Тотчас оживилась наша оборона. Беглый огонь открыла полковая артиллерия. Пулеметные очереди перекликались с ружейными залпами.

— Ну и ну! — восхищался майор Кекешев, наблюдая за четкими, размеренными действиями истребителей танков из подразделений Юсупова и Агафонова.

Неожиданно танки изменили направление. Один из них перевалил через окоп, в котором, прижавшись к земле, лежали рядовые Иванов и Макеев. Не успели бронированные чудовища отползти, как вслед им под гусеницы вражеских машин полетели противотанковые гранаты.

Остервенело, не считаясь с потерями, враг лез на нашу оборону. В отдельных местах он потеснил подразделения красноармейцев, но закрепиться не смог. Как выяснилось позже, после допроса пленных, это наступали части гитлеровской дивизии «Великая Германия» и к вечеру мы их изрядно потрепали. За это нам была вынесена благодарность членом Военного совета армии бригадным комиссаром Колесниковым. Он довольно частенько появлялся в расположении полка.

Более десяти дней гитлеровцы прорывали оборону, пытались нас окружить и уничтожить. Однако, несмотря на упорные оборонительные бои, боевой дух красноармейцев возрастал. Был проведен ряд партийных собраний. Только за шесть дней ожесточенных боев в ряды партии вступило 80 воинов.

Вскоре обстановка в районе обороны полка и его правого соседа резко изменилась: исчезла авиация, стали редкими, а затем и вовсе прекратились атаки противника.

Стоял тихий июльский вечер, когда в расположение полка прибыл командующий армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов. Он выглядел усталым, взволнованным. Уверенной рукой командарм набросал на рабочей карте графический приказ на отход. Через несколько минут он спешно отбыл к соседям.

Вскоре полк как бы осиротел: с участка был отозван гаубичный полк, несколько позже отошел и сосед справа, оголив правый фланг, опять прервалась связь с командиром дивизии.

1 августа в час ночи под прикрытием мощного артиллерийского огня подразделения полка начали свой плановый отход. Мы благополучно оторвались от противника и, постепенно наращивая темп ночного марша, двинулись к указанным рубежам. Короткая августовская ночь скрывала колонну.

С рассветом полк вышел к большой и ровной, как скатерть, поляне, окруженной лесным массивом. К сожалению, участок этот уже контролировался

немецкой авиацией. Кроме бомб, фашисты сбрасывали листовки, в которых предлагали сдаться в плен. По их словам, вся 28-я армия была окружена.

Совершенно случайно в одинокой подслеповатой хатенке лесника я встретил члена Военного совета армий бригадного комиссара Колесникова, который в этой кутерьме абсолютно спокойно слушал доклад командира 149-й стрелковой дивизии генерала А.И. Захарова.

— А, товарищ Дрёмов, — кивнул мне Колесников. — Видите, на горизонте просматривается деревня Старинка? Наступать будем вместе. Начало атаки в 11.00.

Немцы усилили авиационные удары по нашим порядкам. В воздухе, сменяя друг друга, непрерывно висели 25—30 бомбардировщиков.

Штабы 729-го стрелкового полка и 149-й стрелковой дивизии расположились тут же, у кромки лесного массива. Мы с генералом Захаровым еще несколько минут обсуждали план нашей атаки.

— По вашему мнению, товарищ генерал, где сейчас командующий армией? — осторожно поинтересовался я у Захарова.

— Генерал Качалов со своим штабом двигался с правой колонной 149-й стрелковой дивизии. Она отходила правее нас в северном направлении. Связь со штабом армии устойчиво работала всю ночь и только на рассвете прекратилась. — Захаров говорил медленно, в раздумье.

— И когда немцы успели нас окружить?

— Трудно сказать, кто кого окружил.

Генерал неопределенно пожал плечами. Тень иронии мелькнула в его глазах.

— Фашисты пытаются окружить и уничтожить нас, но у них пока ничего из этого не выходит. Что же касается слухов, будто командующий армией генерал Качалов бросил группу и добровольно перешел к ним, это не что иное, как провокация, пропагандистский бред.

В 11.00 с наблюдательного пункта командира 149-й стрелковой дивизии в небо взметнулась серия красных ракет, известив о начале наступления на занятую фашистами деревню Старинка. Дружно поднялись в атаку редевшие подразделения, тесня гитлеровцев на западную окраину населенного пункта.

В первой половине дня мы продвинулись на 2—3 километра в глубь обороны противника и нанесли ему значительный урон. В ответ фашисты усилили авиационную обработку боевых порядков войск, тем самым приостановив наше дальнейшее продвижение.

Остаток дня прошел в кровопролитных боях.

В дневных жарких схватках я окончательно утратил связь не только с членом Военного совета, но и с генералом Захаровым. Положение усложнилось еще более, когда фашистам удалось прорвать наши боевые порядки и вклиниться вглубь.

Наступили сумерки, утихли артиллерийские и минометные залпы, исчезли в небе немецкие самолеты. Полковой разведке удалось нащупать свободные проходы в так называемом полном окружении. Обстановка для полка складывалась тяжелая: на исходе боеприпасы продукты питания, много раненых.

Посоветовавшись с начальником штаба полка майором Николаем Павловичем Маевским, решили прекратить лобовые атаки и, воспользовавшись темнотой, совершить боевой маневр в неожиданном для врага направлении, обойти его заслоны с севера.

Оставив временное прикрытие, полк вышел из боя, почти полностью сохранив свою живую силу и боевую технику, и 4 августа присоединился к частям своей дивизии, расположившейся в лесах юго-восточнее Ельни.

Благодаря высокой моральной выдержке командиров и подчиненных, которые в трудные минуты проявили невиданный героизм, мужество, стойкость, полки нашей дивизии, оборонявшиеся на важном стратегическом направлении, не дали противнику возможности продвинуться вперед, внося тем самым свой вклад в срыв блестящего, с точки зрения германского командования, плана молниеносной войны.

НА НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ

В декабре 1941 года я получил новое назначение: принял командование 111-й мотострелковой бригадой.

В апреле 1942 года бригада вошла в состав 40-й армии генерала М.А. Парсегова, оборонявшей рубежи западнее станции Касторная. Подразделения бригады располагались пока на тыловом оборонительном рубеже восточнее станции Щигры. Передний край обороны проходил по рубежу деревня Черемисиново—Долгое, левым флангом седлая железную и шоссейную дороги. В это время части бригады совершенствовали оборону и отрабатывали направления контрудара в составе войск армейской ударной группировки. Вместе с комиссаром бригады Петром Григорьевичем Тарасовым мы допоздна засиживались, подробно изучая все возможные варианты будущих боев.

Прошло уже немало времени, но я все еще находился под тягостным впечатлением неудач первых месяцев войны. Комиссар бригады, в прошлом участник гражданской войны, был настроен по-боевому. Мы много говорили, спорили о противнике. Тарасова интересовало буквально все: тактика немцев, оружие, полевая выучка солдат и офицеров, дисциплина, моральный дух личного состава вражеских войск.

— Ты мне скажи, Иван Федорович,— настойчиво допытывался комиссар, — что собой представляет современный немецкий солдат?

— Многие говорят — фанатик,— сказал я.— А так ли это? Правда, Геббельс здорово напичкал их бредовыми идеями Гитлера. Почти все немцы чванятся воинской выучкой, этаким лоском, но все они боятся одиночной схватки, ночной темноты. Хотя должен отметить, что полевая выучка немецкого солдата довольно высока.

В дни формирования бригады, еще в декабре 1941 года, соединение посетил Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Он внимательно выслушал рапорт о положении дел с формированием, учебкой подразделений, напомнил о тактических и оперативных принципах ведения современного боя с

таким коварным и сильным противником, как немцы. В беседе с командирами маршал рекомендовал учитывать все промахи и неудачи ведения общевойскового боя первых дней войны, особое внимание обращал на слабую организацию общевойсковой разведки, неумение окружать противника или вести бой в окружении.

Последние весенние дни 1942 года на нашем направлении выдались относительно тихими. Боевое напряжение; несколько спало, но мы-то уже знали, что значит подобное затишье, и потому занятия шли полным ходом. Детально отрабатывались приемы и способы ведения боя с вражескими танками в различных условиях. Личный состав бригады готовил связки гранат, бутылки горючей смесью, изучал противотанковое ружье; политработники проводили беседы о положении на фронтах, о зверствах фашистов на временно оккупированной территории, о ратных подвигах отдельных бойцов и командиров.

Утром 30 мая в наше расположение подошел боевой танк, и начались практические занятия по обкатке пехоты, которая еще не имела боевого опыта.

— От танка не убежишь, — пояснял танкист. — Однако, хоть это и машина, но боится храброго бойца. Есть у нее и уязвимые места — смотровые щели, борта, гусеницы.

Личный состав сидел в окопах и траншеях, а танк их уютжил. Занятия показали: танк не страшен для солдата, умело использующего преимущества своей позиции

Тревожной была первая июльская ночь. Со сторону противника залегла напряженная тишина. Внезапный грохот орудий опередил ранний рассвет. Забегали связные, зафыркали моторы, надрывно затрещали полевые телефоны. Было ясно — противник решил прорвать оборону нашей армии.

— Товарищ подполковник! Вас вызывает «верх»! — прокричал связист и нырнул в землянку, где располагался узел связи.

Но переговоры с командиром Парсеговым мне так, и не удалось. В первые же минуты боя телефонная связь была нарушена. Артиллерийская канонада, гул авиации нарастали. Дивизии первого эшелона 40-й и 13-й армии генералов М.А. Парсегова и Н.П. Пухова упорно отбивали одну атаку врага за другой. К восьми утра противник прорвал оборону. Главная его группировка, по данным бригадной разведки, двигалась в направлении станции Щигры. Войска обеих армий, понесшие большие потери, стали постепенно отходить на восток в направлении Воронежа.

Личный состав бригады находился в надежных укрытиях, окопах и траншеях. Бойцы и командиры пристально следили за приближением немцев. К полудню моторизованные части противника вышли к рубежу, где располагалась наша 111-я мотострелковая бригада, и с ходу вступили в бой.

На боевые порядки бригады обрушилась лавина танков. Артиллеристы, пехотинцы, саперы и даже связисты вооружившись бутылками с горючей смесью, связками гранат и противотанковыми ружьями, поджигали вражеские машины, которые неспешно и уверенно двигали к нашим порядкам. Артиллеристы, выждав время, прямой наводкой расстреливали стальные

чудовища, пулеметчики отсекали пехоту.

От меткого огня вспыхнуло несколько вражеских танков, редели на глазах боевые порядки гитлеровской пехоты. За первый час боя воины бригады подбили и уничтожили 8 танков, 40 автомашин, несколько десятков пушек, вывели из строя около 300 солдат и офицеров противника. И все же натиск врага не ослабевал.

Спустя некоторое время гитлеровцам все же удалось потеснить наш правый фланг. Чтобы не попасть в танковые клещи врага, нам ничего не оставалось, как начать организованный отход.

Около двух часов кипел кровопролитный бой на рубеже нашей обороны. Артиллеристы, минометчики и мотострелки не уступали противнику свои позиции, нанося ощутимые удары. Дневной бой расстроил наши боевые порядки, и только в сумерки удалось собрать подразделения и организовать с ними надежную связь. Под покровом темноты части бригады двинулись в сторону станции Касторная.

В течение ночи бригада оторвалась от противника и к утру успела занять оборону по руслу речушки Олым — притоку реки Сосна, южнее станции Касторная. Здесь к нам присоединилась артиллерийская противотанковая бригада полковника В.Н. Рукосуева, грамотного артиллериста, сумевшего отразить не одну атаку немцев.

С первыми лучами солнца в воздухе появились немецкие бомбардировщики. Они медленно разворачивались и спокойно сбрасывали свой смертоносный груз над пустыми окопами, оставленными бойцами и командирами.

После длительной бомбардировки противник снова ринулся в наступление. Вражеские танки, вздымая за собой шлейфы дыма и пыли, неслись к переднему краю. Пехота с опаской продвигалась за танками, но оборона молчала, не подавая признаков жизни. Подпустив гитлеровцев на ружейный выстрел, дружно заговорила наша передовая. От неожиданности враг дрогнул. Только в одном месте противнику удалось вклиниться в боевые порядки бригады. Все было брошено на место прорыва. Мои заместители, подполковники Л.А. Бакуев и П.И. Солодахин, непосредственно находились в боевых порядках рот и батарей, личным примером воодушевляя бойцов и командиров на ратные подвиги.

На этот раз враг не выдержал массированного огня и отошел. Несколько немецких танков попали в устроенные противотанковые ловушки, остальные после коротай схватки, неся потери, отошли назад. Немалый урон нанесли наступающим и артиллеристы противотанковой бригады полковника В.Н. Рукосуева.

Оборона была восстановлена. За четыре часа подразделения и части двух наших бригад подбили и сожгли семь танков.

Мы могли бы стойко оборонять рубежи на восточное берегу реки Олым и южнее станции Касторная, если бы не поступили тревожные вести из тыла. Противник глубоко охватил наши фланги. Нарушилась эвакуация раненых, снабжение боеприпасами и продовольствием. Предстоял новый отход. До Воронежа как-никак около семидесяти километров, но проскочить это

расстояние днем не представлялось возможным. Во-первых, активно действовала авиация противника, во-вторых, в наш тыл просочилось немало вражеских войск.

В вечерних сумерках подразделения бригады оставили позиции. Мы отходили тремя разнородными колоннами: впереди—пехота, за пехотой—обоз, а в хвосте — грузовые машины.

Проверяя растянувшуюся колонну во время боевого марша, мы с комиссаром бригады Петром Григорьевичем Тарасовым наткнулись на крестьянскую повозку, застрявшую между грузовыми машинами.

— Ездовой! — окликнул Тарасов. — Ты чего затор создал? Отведи свою повозку в сторону!

Но ответа не последовало. Парень, чуть согнувшись, недвижимо сидел в передке, держа в руках вожжи. Мы приблизились вплотную к задремавшему, очевидно, солдату, и только теперь поняли, что воин мертв, сражен вражеской пулей, и его шустрая лошаденка сама везет и своего ездового и еще трех тяжело раненных бойцов. Последние, как и мы, ничего не подозревали о трагической судьбе ездового и были уверены, что скоро попадут в госпиталь. По документам установили: перед нами бойцы из армии Н.П. Пухова.

На рассвете у деревни Нижняя Ведуга, юго-западнее Землянска, колонну внезапно обстреляли. Беспорядочный огонь нарастал. Подразделения бригады быстро заняли оборону. Комиссар Петр Григорьевич Тарасов, начальник политотдела Петр Иванович Солодахин и начальник штаба бригады Михаил Степанович Михайлов подняли бойцов в атаку. Я с заместителем подполковником Л.А. Бакуевым, заняв близлежащую высоту, следил за ходом боя.

Примерно два часа длилась боевая неразбериха, возникшая из-за слабой работы бригадной разведки.

Скрепя сердце мы продолжали отход. Обстановка торопила. Все понимали: следует во что бы то ни стало опередить врага и укрепиться на противоположном берегу Дона...

До рассвета нам предстояло преодолеть водный рубеж, не имея элементарных средств переправы. Задача, нужно сказать, нелегкая. Да и времени в обрез. Данные разведки, как правило, запаздывали. При подходе к Дону мы узнали, что северный берег обороняют наши войска.

Бригада переправилась и сосредоточилась в мелколесье широкой донской поймы, где к нам присоединились отставшие Тарасов и Солодахин. После напряженных боевых действий мы, наконец, снова собрались все вместе. Всех донимала тревога: дальше отходить нельзя. Бригада с ходу включилась в оборону и уже не уступала противнику ни одного метра советской земли.

Бои были жаркими, упорными. Гитлеровцы неоднократно пытались наступать, но всякий раз откатывались назад с большими потерями.

Мы знали, что основные силы фашисты двинули в направлении Сталинграда. К тому же, враг овладел большей частью Воронежа, войска Воронежского фронта вели тяжелые, кровопролитные бои на окраинах города. Учитывая сложившуюся обстановку, командование приняло решение

перебросить 111-ю мотострелковую бригаду в район восточного берега реки Воронеж.

Позже, изучая оборону и увязывая вопросы взаимодействия с соседями справа — 6-й гвардейской стрелковой дивизией и слева — 72-й стрелковой дивизией, мы старались придать своей обороне стойкость и живучесть, а это достигается, как известно, не только выбором местности, грамотным расположением живой силы, огневых средств, но и высокой выучкой, мастерством и упорством личного состава. Вместе с начальником политотдела подполковником Петром Ивановичем Солодахиным мы проверили окопы, траншеи, землянки, наведались к артиллеристам и пришли к единому мнению: личный состав бригады оборону подготовил неплохо.

Знакомясь подробнее с артиллерийскими позициями 85-миллиметровых пушек, мы неожиданно столкнулись с довольно удивительным фактом в нашей фронтальной жизни: бойцы и командиры дивизиона старательно вырубали крестьянский фруктовый сад на приусадебном участке. Вначале я не поверил глазам и подошел поближе. Но ошибки не было — изувеченные деревья валялись на земле.

Я готов был применить самые суровые меры к командиру артдивизиона за неразумный поступок.

— Кто дал вам право рубить сад? — набросился я на командира дивизиона, не давая ему раскрыть рта.

— Это я разрешил, товарищ командир, — вмешался прибежавший на шум старик. — Хочу внести свой вклад в разгром врага, с которым встречался с глазу на глаз еще в первую мировую войну. Я-то знаю, сынок, что это за птица... — Старик повел рукой по саду. — Мешает, — вздохнул он, — вести огонь прямой наводкой по вражеским танкам. Вот я и отдал команду спилить его, создать, так сказать, нормальные условия для боевой работы артиллеристов...

Позже я узнал, что старик-колхозник — бывалый солдат, воевал в первую мировую войну, участвовал в разгроме казачьих полчищ белого генерала Шкуро в 1918 году, сражался с белогвардейцами в гражданскую. За храбрость и отвагу награжден лично Семеном Михайловичем Буденным орденом Красного Знамени.

Упорные атаки фашистских войск на воронежском направлении были отбиты. Наши войска не уступали врагу ни пяди родной земли.

Возвращаясь от артиллеристов, я неожиданно узнал, что от нас уходит в политуправление фронта общий любимец — комиссар бригады Петр Григорьевич Тарасов. Нелегко было расставаться с таким талантливым политработником.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ЛУК	29
ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ И НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ	34

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕЛИКИХ ЛУК

Шла вторая половина тяжелого 1942 года. Всем уже было ясно, что агрессивный план «молниеносной» войны с Россией с треском провалился и миф о непобедимости гитлеровских войск навсегда развеян Красной Армией. Война вступила в затяжную и длительную фазу.

В октябре 1942 года я был назначен командиром 47-й механизированной бригады, которая после неудачной операции под городом Белый поступила в оперативное подчинение командующего 3-й ударной армией генерала К.Н. Галицкого и была сосредоточена в районе Великих Лук.

К стенам этого древнего города бригада подошла в те самые декабрьские дни, когда войска генерала К.Н. Галицкого отражали яростные контрудары с ново-сокольнического направления, готовясь к окончательному разгрому окруженной группировки немцев в Великих Луках.

Моросил мелкий дождь, часто переходящий в мокрый снег. Бои не стихали. Гитлеровское командование по-прежнему бросало в бой свежие силы, пытаясь пробиться к Великим Лукам. Но танкисты отдельного механизированного корпуса генерал-лейтенанта И.П. Корчагина, прибывшего из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, стояли насмерть, перемалывая подходившие с запада немецкие части.

В минуту боевого затишья я доложил генералу Галицкому о прибытии 47-й механизированной бригады в его распоряжение. Он долго молчал, думал о чем-то своем, наконец, поинтересовался:

— Сколько танков?

— Одиннадцать, товарищ командующий.

Невеселая улыбка тронула его уставшее лицо.

— Это где вас так крепко потрепали?

— Под Белым.

В глазах генерала Галицкого вспыхнуло негодование.

— Кому нужна такая бригада? Это не полнокровная боевая единица, а... флажок. — Усилим воли командующий подавил раздражение. — Ладно, — буркнул он напоследок, — посмотрим, на что вы способны.

На этом и кончилась наша первая встреча.

Подступы к городу и сам город с древней крепостью были подготовлены к длительной осаде. Создана мощная схема инженерных сооружений полевого

типа: окопы, траншеи, ходы сообщения, дзоты, капониры, полукапониры, минные поля, проволочные заграждения и опорные пункты. Все кирпичные дома и руины зданий были превращены в доты. Особенно крепким орешком могли стать старинная городская крепость и железнодорожный вокзал.

Полное окружение немецких войск в районе Великих Лук было завершено к концу 1942 года, а 13 декабря войска генерала Галицкого приступили к уничтожению группировки. В битву с отборными гитлеровскими войсками бригада вступила несколько позже. Нам предстояло наступать с юга на север, со стороны деревни Мартьяновка, навстречу стрелковой дивизии полковника А.А. Дьяконова, имея соседями справа войска генерала Л.А. Пэрна, слева — полковника А.Л. Кроника. Местность перед нами лежала открытая и ровная, вполне оправдывая данное ей солдатами название: Долина смерти.

Замысел операции сводился к тому, чтобы на первом этапе сокрушить противостоящую группировку немцев на внешнем оборонительном обводе, после чего наши войска должны соединиться в центре города в мощный кулак, а на втором этапе разгромить и уничтожить гитлеровцев в крупных опорных пунктах — на железнодорожном вокзале и в городской крепости. Немецкий гарнизон, окруженный в Великих Луках, насчитывал девять тысяч человек, 150 орудий разных калибров, 25 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Из показаний пленных нам стало известно следующее: Гитлер по радио отдал приказ блокированному гарнизону драться до последнего солдата, пообещав прорвать кольцо окружения. Для пущей верности фюрер издал еще один приказ, где было сказано, что офицеры и солдаты гарнизона за проявленную доблесть награждаются железными крестами и медалями. Офицеры в массовом порядке повышаются в воинских званиях. Так, начальник гарнизона подполковник фон Засс награждался рыцарским крестом и получил заверение, что завоеванный им город Великие Луки будет носить его имя.

Командование Калининского фронта и армии не раз предлагало коменданту окруженного гарнизона прекратить бессмысленное сопротивление и дать возможность сохранить жизнь личному составу войск. Фронт послал парламентариев. Но пакет с ультиматумом подполковник фон Засс не принял.

— В переговоры я не вступаю. Что же касается капитуляции — о ней не может быть и речи,— высокомерно заявил фон Засс.— Таков приказ фюрера.

Окруженный гарнизон имел постоянную радиосвязь со штабом 83-й пехотной дивизии, которая располагалась северо-западнее Новосокольников, а также со ставкой Гитлера.

Советское командование располагало некоторыми сведениями о личности нациста фон Засса: жесток, бесчеловечен не только к советским людям, но и к своим солдатам. Не раз начальник гарнизона собственноручно расстреливал виновных.

Подполковник фон Засс издал приказ, согласно которому всякий, кто не проявит стойкости и достаточного рвения в бою, подлежит военному суду, каждый, кто попытается сдаться в плен, без суда и следствия будет расстрелян, а его семья репрессирована.

Отработав вопросы взаимодействия всех звеньев боевого порядка,

подразделения бригады заняли исходное положение для наступления. Танки, мотопехота, артиллеристы были нацелены на указанные объекты атаки. Огорчало лишь то, что бригада приступала к выполнению боевой задачи ограниченными силами и средствами.

Ночь перед боем, выдалась темной и тихой. Сеял мелкий снег. На рассвете началась артиллерийская подготовка. Пронзительно запели свою звонкую песню «катюши». Заработала и ствольная артиллерия. Артподготовка была непродолжительной, зато довольно плотной.

Вскоре в туманную высь взметнулась сигнальная ракета, возвестившая о начале наступления. Первыми двинулись танки 47-й механизированной бригады, за ними мотопехота, имея боевой порядок в два эшелона. Оборона врага молчала. Утренняя дымка, плотно укутав землю, не рассеивалась и создавала трудности для наблюдений. И тут в полную мощь заговорила немецкая оборона: раздались артиллерийские залпы, захлебываясь, застучали пулеметы, глухо, словно из подземелья, зататакали автоматные очереди.

Личный состав нашей бригады еще не имел опыта боевых действий в крупных населенных пунктах, и тем более в городах. Пришлось перестраивать боевые порядки на ходу к условиям городского боя. Не нарушая организационной структуры подразделений, мы спешно готовили штурмовые группы.

Жаркие схватки не прекращались ни на минуту. Метр за метром, ценой больших усилий наши подразделения прогрызали внешний обвод вражеской обороны. Чем глубже мы вклинивались в нее, тем ожесточеннее сопротивлялся противник.

Не затихали бои и на внешнем кольце окружения, Немцы по-прежнему настойчиво продолжали наносить удары со стороны Новосокольников, но танкисты генерала И.П. Корчагина успешно отбивали их атаки.

Наконец, штурмовые группы прорывают внутренний обвод обороны врага. Кольцо окружения медленно стягивается. Подразделения бригады с тяжелыми боями вступают на восточную городскую окраину.

Декабрьская погода капризна: снег сменяется дождем, низко ползут густые туманы. В ходе уличных боев установлено: гитлеровские автоматчики, пулеметчики густо засели на крышах и чердаках домов, в оконных и дверных проемах, подвалах, ведя прицельный, губительный огонь. Следует во что бы то ни стало выкурить их оттуда. Заняться этим приказано танкистам и артиллеристам.

Из перехваченных радиogramм и показаний пленных узнаем, что окруженный гарнизон ощущает острую нехватку в продовольствии, боеприпасах и живой силе.

— Иссякли не только запасы награбленного, — удовлетворенно замечает начальник политотдела бригады подполковник П.И. Солодахин, — заметно падает и боевой дух вражеских солдат.

И все же, несмотря ни на что, окруженный гарнизон категорически отвергает предложение советского командования о капитуляции. Бои продолжаются с нарастающей силой. Теперь гитлеровцы по утрам

подбрасывают транспортными самолетами в окруженный город подкрепление.

Отдельные штурмовые группы капитанов Иванова и Клейникова несколько раз проникали на окраину города, но закрепиться пока не могут. Наконец одна из попыток увенчалась успехом. Группу поддержали танки 8-го танкового полка майора Шаталова.

То тут, то там на улицах вспыхивают жаркие рукопашные схватки. В боях за южную окраину города противник потерял более 300 солдат и офицеров, немало техники.

Наша бригада наступает в направлении улиц Смоленской, Преображенской и Благовещенской, намеревалась соединиться в центре города с частями стрелковой дивизии полковника А.А. Дьяконова и расцечь немецкую оборону пополам. Каждый дом приходится брать с боем, сметая все на своем пути. Стремление как можно быстрее ликвидировать окруженную группировку немцев ведет бойцов вперед. Как всегда, успешно действуют части Героя Советского Союза полковника Дьяконова.

Шли десятые сутки штурма. Немцы по-прежнему оказывали упорное сопротивление. В руках противника еще находились основные опорные пункты обороны — крепость и железнодорожный вокзал.

Не прекращались бои и на правом фланге, в районе школы, где наступали отдельные части генерала Пэрна. Этот опорный пункт несколько раз переходил из рук в руки. Все подступы к объектам были заминированы и плотно прикрыты противотанковым огнем.

Городской бой, горячие уличные схватки требовали от командиров всех рангов приблизить управление. Из освобожденных уже городских кварталов навстречу нам выходили измученные, истощенные, оборванные жители. Многие из них плакали от радости, обнимали наших солдат.

Звонит на НП телефон.

— Как идут дела? — спрашивает командующий Калининским фронтом М.А. Пуркаев.

— Плохо, товарищ командующий, — признаюсь я.

— Какая нужна помощь?

— Нам бы с десяточек танков, товарищ командующий.

— Нет у меня танков и скоро не будет. Постарайся, Иван Федорович, наличными силами добить окруженного противника.

И снова штурм. Боевые группы медленно продвигаются вперед. До центра города — улицы Благовещенской — остается рукой подать.

Наконец, взлетают цветные ракеты, возвещающие о встрече наших танков с полками Героя Советского Союза полковника А.А. Дьяконова.

Советские части соединяются в центре города, разобцив основные опорные пункты — городскую крепость и железнодорожный вокзал.

Штурм крепости возложен на дивизию полковника Кроника, железнодорожный вокзал — на стрелковую дивизию полковника Дьяконова и нашу 47-ю механизированную бригаду. Нам поручено наступать вдоль железной дороги в сторону пассажирского вокзала.

Чем ближе мы подходим к вокзалу, тем упорнее сопротивление

гитлеровцев. Только в боях за подступы к вокзалу и железнодорожному мосту бойцами бригады разрушено 8 дзотов, 20 блиндажей, уничтожено 4 орудия и 3 миномета. Поняв, что сопротивление бесполезно, немцы мелкими группами начинают сдаваться в плен.

— Могли бы сделать это и раньше, — грубовато ворчит начальник штаба нашей бригады М.С. Михайлов, — Впрочем, лучше позже, чем никогда.

В исключительно тяжелых боях к рассвету 6 января 1943 года подразделения бригады штурмом овладевают железнодорожной станцией, по пути уничтожив 15 дзотов и блиндажей, 21 огневую пулеметную точку. Захвачено 80 вагонов, 3 паровоза. Значительные потери понесли гитлеровцы и в живой силе.

Грохот боя постепенно угасает. По городу тянутся нестройные колонны военнопленных.

Задача, поставленная перед бригадой, выполнена. В ночь на 7 января 47-я механизированная бригада по решению командующего 3-й ударной армией срочно перебрасывается северо-западнее Великих Лук. По полученным сведениям, на этом участке гитлеровцы готовят прорыв.

Предположения командования оправдались. Уже утром 7 января противник в составе 8-го пехотного полка с приданными ему 25 танками начал атаку. Удар наносился с северо-запада по частям 381-й стрелковой дивизии в районе деревни Алешкино, ныне Псковской области. Гитлеровцы теснят боевые порядки наших войск. Но контратакой 47-й механизированной бригады противник отброшен далеко за деревню Алешкино. Уничтожено 17 вражеских танков, около 200 солдат и офицеров.

Но фашисты не успокаиваются на этом. Усилив 8-й пехотный полк 15 танками, они атакуют безымянную высоту в районе деревни Маленка, которую обороняет наш сводный мотострелковый батальон под командованием старшего политрука И.Ф. Сергеева.

Три атаки отбил батальон, нанеся врагу большие потери, но тот продолжает лезть напролом. Начинается четвертая атака. Охватив батальон с трех сторон и выдвинув вперед четыре танка, гитлеровцы атакуют высоту. Старший политрук Сергеев организует круговую оборону. Танки вплотную подходят к окопам, ведя на ходу орудийный и пулеметный огонь. Навстречу стальным чудовищам летят гранаты. Один за другим останавливаются три танка, четвертый пятится назад. Первый танк подбит бойцом Феофановым, второй и третий — старшиной Сергеевым и старшим политруком Сергеевым. Улучив выигрышный момент, отважный командир поднимает батальон в атаку и вынуждает гитлеровцев отступить.

Во время контратаки старший политрук Сергеев получает тяжелое ранение. Его заменяет капитан И.Я. Кириловский.

Свыше 200 гитлеровцев уложили метким огнем наши бойцы вокруг высоты.

Вечером погода меняется. Срывается южный ветер. Валит мокрый снег. Неожиданно к моему наблюдательному пункту подкатывает машина командующего бронетанковыми и механизированными войсками Калининского фронта генерал-лейтенанта Ф.Т. Ремизова.

Бессонные ночи вконец измотали всех. Я еле держусь на ногах. Не лучше выглядит и генерал Ремизов.

— Может, приляжете, товарищ генерал-лейтенант, на несколько минут, — предлагаю я.

— Пожалуй, — устало соглашается генерал.

Мы вместе идем к выходу. Небо сплошь затянуто густой снежной пеленой. Стрельба прекратилась, и наступила полная тишина.

Войдя в еще необжитую землянку, которую только-только соорудили саперы, генерал-лейтенант плашмя валится на нары и тотчас засыпает. Одолевает сон и меня.

Вскоре я проснулся. Генерал Ремизов сквозь сон что-то выкрикивал, приказывал и снова засыпал. Еще при встрече в Москве с командующим бронетанковыми войсками Красной Армии Я.Н. Федоренко я узнал о таланте и мужестве генерала Ф.Т. Ремизова, который в декабрьские дни 1941 года под Москвой командовал танковой группой и успешно громил отборные гитлеровские части.

ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ И НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В напряженных боях промелькнуло лето, приближалась третья военная осень — пора дождей, промозглых ветров и непролазной грязи. Бои на ряде направлений Калининского фронта не затихали.

Захваченные штабные документы, дневники, протоколы допросов немецких пленников свидетельствовали о том, что у гитлеровских генералов и офицеров заметно подупал боевой дух и снизилась воинская дисциплина. Многие из них уже думали не столько о наступлении, сколько об отходе. Поводов для этого было более чем достаточно: один за другим, точно-мыльные пузыри, лопались гитлеровские планы.

Наступая на отдельных участках, они уже больше не рвались вперед, очертя голову, а делали это осторожно и осмотрительно. Враг был еще достаточно силен, но не так самоуверен и спесив.

15 ноября 1943 года мне было предписано сдать бригаду и спешно выехать в Москву.

Сборы военного человека недолги. Я выехал из бригады хмурым утром, которое было под стать моему настроению. Всегда тяжело оставлять коллектив, где служба и дружба скреплены кровью.

Вместе со мной в Москву ехали и мои старые фронтовые друзья — ординарец сержант Алексей Иванов и водитель рядовой Михаил Шиш. Светла судьба нас еще в первые дни войны. В который раз мы сообща делим километры походно-боевой жизни! Я знаю их как мужественных и стойких солдат. В самые трудные минуты боя они не теряли самообладания, своим примером воодушевляли воинов на ратные подвиги.

«Виллис» бодро рвался вперед, хотя и буксовал на разбитом большаке. Мы ехали по освобожденной земле. Мимо мелькали оборонительные рубежи. На

полях пестрели обугленные землянки, окопы, траншеи, артиллерийские и танковые позиции, воронки. У сожженных врагом населенных пунктов копошились изможденные жители: старики, женщины, дети. Они приспособивали бывшие солдатские землянки под временное жилье. Рассчитывать на лучшее пока не приходилось.

Наконец, мы выбрались из лабиринта проселочных дорог на автостраду Москва — Минск. Мотор нашей машины, словно бы помолодев, заработал четко и мелодично.

Повсюду следы недавних боев. Поля захламлены сгоревшей и разбитой немецкой техникой, и под нею будто стонет изуродованная снарядами и бомбами земля. Здесь зимой 1941 года был развеян миф о непобедимости гитлеровской армии.

Мы подъехали к Бородинскому полю, где наши соотечественники в 1812 году нанесли роковой удар по не знавшей поражений наполеоновской армии. Это было вдвойне символично. Я почему-то вспомнил исторический анекдот о Наполеоне, проигравшем Бородинское сражение потому, что у него был насморк. «А какие анекдоты, — подумал я, — будут рассказывать потомки о Гитлере?»

Мелькали полосы, рубежи полевых и долговременных вооружений. Казалось, им не будет конца. Плотной стеной, круто задрав в небо стволы, застыли наши зенитки. В голубой выси серебристо мерцали аэростаты. Дружными стайками бороздили осеннее небо ястребки, зорко охраняя Москву от вражеских воздушных пиратов.

Столица еще не сняла с себя серой маскировки и выглядела настороженной и по-военному подтянутой. На улицах прохожих отсутствовали улыбки. Не слышно было веселой музыки. Время от времени тишину нарушал резкий тревожный рев сирены, предупреждавшей город о воздушной опасности. По вечерам улицы были пусты и темны.

Зима в этом году выдалась ранняя, и на заснеженных проспектах уже несколько дней всюду разгуливал мороз.

В Москве я пробыл недолго. Здесь, как и везде, дорожили временем. Все учреждения, Наркомат обороны и его ведомства работали круглосуточно. Офицеры и генералы, прибывшие с фронтов, принимались вне очереди. Уже на второй день, утром, меня принял командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии маршал бронетанковых войск Яков Николаевич Федоренко. Говорил кратко, деловито, изредка пересыпая речь украинскими поговорками. Настроен был благодушно, однако не забыл напомнить мне об операции в районе города Белый, закончившейся для нас не весьма удачно.

— Поймите меня правильно, полковник, я вспоминаю о тяжелой поре неудач с тем, чтобы в будущем не повторять подобных ошибок. Мощь танков в современном бою нужно использовать оперативно и тактически грамотно. А то ведь бывают случаи, когда танки таскают без надобности по разным направлениям. На всякий случай. Это недопустимо!

Беседа продолжалась около часа. В конце разговора маршал поднялся:

— Завидую вам, товарищ Дрёмов. Вы отбываете в 1-ю танковую армию на должность заместителя командира 8-го механизированного корпуса. Это замечательный коллектив, о боевых делах его знает вся страна.

Мы покидали столицу в предрассветный час, когда город еще спал. Не ухали зенитки, не бороздили небо самолеты. Путь наш пролегал через Серпухов, Тулу, Орел, Курск в район Сум, где производила доукомплектацию 1-я танковая армия.

И снова знакомые картины разрухи. На орловско-курских землях те же следы войны, что и на Смоленщине, и в Подмосковье. Но, как трава на пожарище, пробивалась повсюду жизнь. В уцелевших кое-где домах торчали в окнах жестяные трубы, из них струился дымок. На дорогах и улицах освобожденных городов встречались голубоглазые веселые регулировщицы или пожилые с заливчатскими усами солдаты-регулировщики.

С болью в душе я проезжал Рыльск. Отсюда началась моя походно-боевая жизнь. Где то теперь мои близкие?.. И здесь оставила война свои отметины.

Много позже я узнал, что жена с двумя больными малышами эвакуировалась уже с последними отступающими частями. Долгое время они блуждали по прифронтной полосе вместе с такими же беженцами, подвергаясь частым вражеским артобстрелам и бомбежкам. Только во второй половине 1943 года я получил уведомление от секретаря райкома партии города Рыльска А.С. Киреева, что жена моя и дети — живы, находятся в городе Ртищево Саратовской области.

Наконец, мы въезжаем на земли Украины. Повсюду пестрят таблички: «Мин нет». Саперы разминируют дороги и здания, возводят мосты. Связисты, словно воробьи, облепили телеграфные столбы — налаживают постоянную связь.

Армия спешно пополнялась и готовилась к новым боям.

Вечерело, когда «виллис» подъехал к контрольно-пропускному пункту штаба 1-й танковой армии.

«Сколько же лет мы не встречались с генерал-лейтенантом Катуковым? — силится я вспомнить. — Сколько воды утекло? Пожалуй, более десяти годков пролетело».

В вечернем мраке терялась проселочная дорога, ведущая к штабу армии. Шофер невольно сбавил газ. Наконец, мы остановились у штаба.

Командующий, внимательно выслушав мой доклад, неожиданно заключил меня в объятия. Михаил Ефимович был, как всегда, бодр, энергичен, подтянут. Ладно седевший на нем генеральский китель подчеркивал отличную военную выправку. Беседа, хоть и недолгая, подкупала теплотой, дружественностью. Поставленные задачи не вызывали никаких вопросов.

М.Е. Катуков представил меня начальнику штаба 1-й танковой армии генералу М.А. Шалину. Михаил Алексеевич произвел впечатление несколько суховатого, но делового работника.

Встреча закончилась скромным ужином. В тот же вечер я выехал на станцию Дарница, где корпус получал танки и самоходки.

Декабрьский морозный рассвет застал меня на окраине древнего Киева.

Столица Украины словно постарела, стала неузнаваемой. В хаосе развалин потерялись площади, парки, улицы, переулки. Черными скелетами высились обгоревшие остовы домов. Грудами лежали на тротуарах загубленные войной каштаны.

Я переехал через скованный льдом Днепр по временному деревянному мосту. Прежний красавец-мост лежал на дне реки, оцетинившись покореженными стальными фермами.

Дарница работала круглые сутки. Один за другим шли эшелоны, подвозя военные грузы.

Передышка наша кончилась. Доукомплектованные части корпуса были готовы к введению в бой. Как раз в эти горячие дни мне было присвоено звание генерал-майора.

Из-за нехватки времени как-то не удавалось в спокойной обстановке познакомиться с командным составом корпуса. Этот существенный пробел пришлось восполнять уже в ходе боевой операции.

Беглое знакомство с командирами бригад и командирами корпусных частей и их штабами оставило хорошее впечатление. Опытный, сплоченный коллектив. Все они, как один, перенесли и горечь неудач в первые месяцы войны с фашистами, и радость боевых побед.

Здесь же, в корпусе, я снова встретился со своим боевым другом Петром Ивановичем Солодахиным. Его, как и меня, перевели на 1-й-Украинский фронт.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ПО ДОРОГАМ УКРАИНЫ

После Курской битвы танковая армия генерала Катукова с 24 ноября по 20 декабря 1943 года была переброшена на правый берег Днепра и сосредоточена в районе Святошино.

Последние дни уходящего года выдались особенно тревожными и беспокойными. Почти ежедневно войска 1-го Украинского фронта отбивали мощные контрудары противника, пытавшегося по приказу Гитлера вернуть Киев. Не случайно командующий группой немецких армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн, покинув бункеры командного пункта фюрера под Винницей, перебрался под Житомир. Манштейн надеялся провести рождественские праздники в столице Украины.

Отбив вражеские контрудары, 24 декабря 1943 года войска 1-го Украинского фронта перешли в решительное наступление. Цель этой новой операции — разгром крупной группировки немцев на житомирско-бердичевском направлении и выход к Южному Бугу. В состав войск фронта входили шесть общевойсковых армий и две танковые — генералов М. Е. Катукова и П. С. Рыбалко.

Остановлюсь подробнее на боевых задачах 8-го механизированного корпуса, входящего в состав 1-й танковой армии.

Он, как и вся 1-я танковая, не имел достаточного боевого опыта действий в оперативной глубине противника. Житомирско-бердичевская операция была для нас первым ответственным боевым экзаменом. Ввод в прорыв 1-й танковой армии обеспечивали войска 38-й армии генерала К. С. Москаленко. Правда, это ни в коей мере не освобождало танковую армию от готовности либо к совместному прорыву, либо самостоятельного до прорыва вражеской обороны и выхода на оперативный простор. Мы, как правило, всегда были готовы к тому или иному варианту, памятуя, что постоянных и неизменных форм боевого использования подвижных групп танковых армий в фронтовых операциях в нашем оперативном искусстве не было.

Боевая практика показывает, что во всех случаях преждевременно тратить силы танковой армии на прорыв вражеской обороны не следует, лучше держать эту грозную силу для решительных боевых действий в оперативной глубине противника.

Командование корпуса имело много времени на подготовку, планирование, боевое сколачивание войск и штабов к предстоящим

боям, используя опыт Курской битвы. Детально были изучены и разведаны исходные рубежи ввода в прорыв, намечены маршруты, отработаны вопросы взаимодействия с соединениями, на участке которых будут вводиться в прорыв войска 8-го механизированного корпуса.

К 20 декабря 1943 года наша армия в течение двух ночей из-под Святошино переместилась в район предстоящих боевых действий (Грузское — Бышев — Козичанка), готовая к вводу в прорыв на юго-западном направлении. Это было нелегким делом: расположить в непосредственной близости от переднего края противника такую массу боевой техники — танков, артиллерии, автомашин, а также штабов и тылов.

Командиры всех степеней и весь личный состав корпуса показали высокую дисциплину, организованность и военное мастерство, соблюдая все меры маскировки.

В ходе перегруппировки особое впечатление произвел на меня командир 1-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник **Владимир Михайлович Горелов**. Это опытный и грамотный командир. Еще до войны окончил бронетанковую академию, хорошо разбирается в боевой обстановке и принимает правильные решения. Под стать ему и штаб бригады, возглавляемый начальником штаба гвардии полковником **Евдокимом Павловичем Катыркиным**, хорошо подготовленным к штабной работе.

Несколько добрых слов хотелось бы сказать о командире 21-й механизированной бригады полковнике **Иване Ивановиче Яковлеве**. Участник гражданской войны и Отечественной с первых дней, он обладал большим практическим опытом. Что Яковлев прекрасный товарищ и хорошо подготовленный командир, я убедился во время ночного перехода бригады, организованного и успешно им проведенного.

К началу боевых действий перед фронтом 38-й армии на рубеже Строков — Бандуровка, х.Ранок — озеро Комьян противник оборонялся частями 19-й и 25-й танковых дивизий. Оборона осуществлялась на широком фронте системой опорных пунктов, связанных между собой огневой связью. В оперативной глубине, на линии Казатин — Чернорудка, расположились части 20-й моторизованной дивизии противника.

Замысел операции для 1-й танковой армии состоял в том, чтобы, развив прорыв 38-й армии, к исходу второго дня разгромить противостоящую группировку немцев в районе Брусилова и овладеть городами Казатин и Бердичев.

23 декабря корпус получил приказ: войти в прорыв на рубеже х.Ранок — озеро Комьян, уничтожить противника и с наступлением сумерек выйти к местечкам Мохары, Турбовка, Соловеевка. Задача была предельно ясной и требовала от каждого из нас стремительных

действий.

В 8.00 24 декабря заговорили тысячи орудий, обеспечивая боевой бросок 1-й танковой армии. Артподготовка длилась полтора часа. В 9.30 войска 38-й армии начали наступление.

По некоторым разведывательным данным, отходящая немецкая группировка намеревалась осесть на новом оперативном рубеже Бердичев — Казатин — Винница. И наша задача сводилась к тому, чтобы разгромить ее.

Немцы медленно отступали, загромождая брошенной техникой дороги. Погода капризничала. Чем дальше мы двигались в глубь Украины, тем ощутимее давал себя знать южный климат. Дороги развезло, и они стали труднопроходимыми. Увязали в грязи не только машины и кони, но и — по голенище — солдатские сапоги.

В течение четырех часов боя соединения 38-й армии генерала К.С. Москаленко прорвали вражескую оборону и с боями продвинулись вперед на глубину 2—3 километра.

На второй позиции немцы оказали сильное огневое сопротивление и вынудили первый эшелон армии замедлить темпы наступления. Создавалась угроза затухания наступательной операции.

Для завершения прорыва тактической зоны вражеской обороны и дальнейшего развития успеха наступательной операции командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин вынужден был незамедлительно ввести в сражение 1-ю танковую армию.

В 12.00 24 декабря 8-й мехкорпус влился в боевые порядки 17-го стрелкового корпуса, а 11-й танковый корпус — в 21-й стрелковый. Сломив сопротивление противника на данном рубеже и отразив несколько контратак гитлеровцев, бригады корпусов к исходу дня продвинулись в юго-западном направлении на глубину 20-25 километров. Несмотря на непогоду, подразделения корпусов усиливали темпы своего наступления. Для гитлеровского командования наше наступление явилось неожиданностью. В показаниях пленных немецких офицеров ясно сквозило недоумение: как, каким образом русские смогли оправиться после мощных контрударов танковых дивизий.

Грохот артиллерии, возвестивший о начале наступления советских войск, встревожил Манштейна, и он вернулся в свой штаб под Винницей, разместившись в бункерах личной ставки фюрера. Однако и здесь его вскоре настигли прорвавшиеся к Южному Бугу танкисты генерала М.Е. Катуква.

21-я механизированная бригада под командованием полковника **И.И. Яковлева**, наступая по своему маршруту, при подходе к деревне Хомутец натолкнулась на яростное сопротивление врага. Развернув танковый полк, бригада с ходу нанесла удар с северо-востока и в 17.00 овладела деревней.

19-я механизированная бригада под командованием полковника **Ф.П. Липатенкова** при подходе к селу Турбовка также была встречена

артиллерийским и минометным огнем противника и контратакой 15 танков. Части бригады развернулись и начали обход вражеской группы войск с востока.

В 20.00 атакой танкового полка и огневой поддержкой 20-й мехбригады освобождена Соловеевка, уничтожено до 250 фашистов, 8 орудий, 3 танка.

И течение 25 декабря части корпуса должны были овладеть рубежом Кривое — Корнин, кроме того, захватить и удержать передовыми отрядами переправу в районе Марковой Волицы. Преследуя отходящие части 25-й 9-й танковых дивизий противника, бригады нашего корпуса во встречном бою уничтожили 20-ю мотодивизию гитлеровцев. В бою отличились 1-я и 20-я бригады полковников В. М. Горелова и А. Х. Бабаджаняна. Словно сговорившись между собой, они разбили по одному вражескому мотополку, захватив при этом огромное количество трофеев.

Эти талантливые и растущие командиры отлично знали свое дело. Гвардии полковник **Владимир Михайлович Горелов** по своему характеру и складу ума был человеком необыкновенной душевной чистоты. Мы знали Горелова как лучшего мастера ближнего боя. Его 1-я гвардейская танковая бригада всегда находилась на самых танкоопасных направлениях в успешно решала любые боевые задачи.

Командир 20-й механизированной бригады полковник **Амазасп Хачатурович Бабаджанян** еще до войны закончил военное училище и академию имени М.В. Фрунзе. Даже в безвыходной, казалось бы, обстановке полковник Бабаджанян держал себя спокойно и уверенно, отличался завидным трудолюбием. «Мужественный командир», — говорили о нем бойцы.

Чудеса храбрости показала 1-я бригада гвардии полковника В. М. Горелова. В тесном взаимодействии с 21-й механизированной бригадой она овладела станцией Липки. Это был уже глубокий тыл противника. По железной дороге, согласно графику, шли немецкие поезда, перебрасывающие войска, боевую технику, грузы, грунтовыми дорогами двигались колонны автомашин, колесный транспорт.

Вражескую автоколонну численностью в 200 автомашин настиг командир 2-го танкового батальона майор **Н.И. Гавришко** у станции Липки и разгромил ее. Спустя час его батальон обнаружил штаб 25-й танковой дивизии гитлеровцев. Командиру дивизии удалось скрыться, но машина с шофером и портфель, в котором хранились секретные документы, были захвачены советскими таксистами и доставлены в штаб корпуса.

К исходу дня танковая бригада гвардии полковника В.М. Горелова внезапно ворвалась в Попельню и, разметав крупный немецкий гарнизон, изъяла большое количество военных трофеев.

Резкий, порывистый ветер время от времени доносил до нас беспрерывные раскаты артиллерийских и танковых выстрелов, далеко

впереди виднелись редкие боевые порядки отступающих немцев.

— Беспорядочным бегством и паникой охвачены все подразделения,— рассказывал допрашиваемый пленный офицер. — Приказы штабов неконкретны, некоторые командиры, потеряв голову, бросают на поле боя раненых и бегут, не забывая прихватить с собой реквизированные у населения живность, водку, вино, имущество. Я лично видел, как из разодранного чемодана одного высокопоставленного офицера на землю высыпались связки золотых женских колец, выпали отрезки сукна и шелка.

Холодные декабрьские ветры и дожди, мокрые снегопады значительно усложнили наше наступление. Дороги стали непроходимыми. Стояли автомашины с артиллерией, боеприпасами, горючим, кухнями, и, казалось, никакая сила не могла рассредоточить образовавшиеся пробки. Трудно было наступать по этой непролазной грязи и декабрьской стуже мотострелковым подразделениям, но не легче и связистам, саперам, пехоте. Однако, несмотря на все это, наступление не прекращалось. Двигала вперед наших гвардейцев любовь к своей Родине, ненависть к врагу за поруганные города и села.

Шоссейные и грунтовые дороги, большаки, узкие проходы фашисты искусно прикрывали многочисленными артиллерийскими и противотанковыми средствами. Почти всюду скрывались ловушки, засады, заграждения. Все это требовало от личного состава тщательной и постоянной разведки, высокого мастерства по преодолению обороны противника.

Несмотря на колоссальные трудности, бригады корпуса продолжали успешно наступать. К исходу 25 декабря, форсировав реку Ирпень, в районе Ходоркова и Кривого мы перерезали железную дорогу Житомир — Фастов.

К концу 26 декабря я получил личное распоряжение командарма М.Е. Катукова закрепиться на достигнутых рубежах и быть готовым к очередному броску. Эту короткую паузу мы использовали для ведения разведки, уточнения боевых задач, организации взаимодействия, заправки горючим и боеприпасами. Особенно много потрудились штабы корпуса, бригад, полков, батальонов и службы тыла.

Задача механизированного корпуса была следующей: наступать вдоль железной дороги, идущей на Казатин, и 28 декабря овладеть городом.

Во второй половине дня 27 декабря наступление корпуса возобновилось. Преодолевая сильное сопротивление частей 19-й танковой дивизии немцев, наши главные силы вышли на рубеж сел Бровка, Харлиевка; передовой отряд 21-й механизированной бригады полковника Ивана Ивановича Яковлева захватил на станции Бровка эшелон с зерном, предназначенным для отправки в Германию, и овладел населенным пунктом Вчерайше.

К концу декабря дожди прекратились. Мороз стянул землю. Дороги

наконец затвердели. Приближался новый, 1944 год. Немцы любили рождественские праздники и по этому поводу устраивали настоящие пирушки, тщательно к ним готовились. Но, увы! Отпраздновать Новый год захватчикам не удалось. Оккупантам помешало наше наступление. Мы тоже готовились к празднику, трудно было предсказать, где и как придется его встретить.

С начальником политотдела корпуса полковником **Михаилом Моисеевичем Литвяком** мы повернули свои машины на Казатин, куда к этому времени должна была дойти 21-я механизированная бригада полковника И.И. Яковлева. Путь пролегал вдоль железнодорожного полотна по мелкому перелесью. Тихо падал пушистый снег, будто специально заказанный для маскировки танковых троп. Вскоре показалась окраина небольшого городка, на ней кое-где еще хозяйничал огонь, но выстрелов не было слышно. Когда мы вплотную приблизились к Казатину, здесь, в гуще небольшого соснового молодняка, обнаружили танки подполковника **И.Н. Бойко**, ловко прижатые к вечнозеленым сосенкам.

С песчаной, поросшей кустарником возвышенности, примыкающей к городской окраине, невооруженным глазом была отчетливо видна безупречная «работа» танкистов. Улицы города словно завалены автомашинами, боевой техникой, брошенной гитлеровцами при паническом бегстве. Это уже не первый случай, когда гитлеровские вояки оставляли на поле боя исправную технику. Как оказалось, у врага иссякли запасы горючего.

Город был пуст. Ни наших, ни немцев. Подполковник Бойко, совершив стремительный бросок и с ходу овладев Казатином, отошел к лесу, опасаясь внезапной контратаки противника. Однако с нашим подходом положение изменилось, полк снова овладел городом, прочно закрепившись на его юго-западной окраине.

— Вот что значит внезапность,— многозначительно произнес начальник политотдела 8-го механизированного корпуса полковник **Литвяк** и довольно улыбнулся. — Всего один полк, а расчехостил целый вражеский гарнизон. Воюем по-суворовски — не числом, а умением.

Сгущались сумерки. Пожар постепенно угасал. Порывистый ветер деловито очищал город от дыма. Противник потерял не только опорный пункт, но и большое количество складов фронтового значения.

Начальник тыла корпуса подполковник **Владимир Иосифович Павловский** доложил мне, что в складских погребах обнаружены сотни тысяч тонн муки, различные крупы, рыбные и мясные консервы, вино, водка, спирт.

Из устного доклада командира танкового полка подполковника **И.Н. Бойко** я узнал некоторые подробности взятия Казатина.

— К городу мы подошли в темноте,— объяснил ситуацию Иван Никифорович. — Казатин я знаю давно, не раз бывал до войны. Без

единого выстрела сняли все боевые охранения немцев. Каждой роте, взводу заранее был указан объект для атаки. Рассчитали все таким образом, чтобы взять город в клещи. Фашистов ошеломила стремительность.

Мы тепло, от всей души поблагодарили подполковника Бойко за прекрасный новогодний подарок — взятие Казатина, крепко пожали его сильную руку. Глядя на щуплую на вид фигуру Ивана Никифоровича, я с удовольствием отметил про себя: «Герой!».

Трофеи танкистов подполковника И.Н. Бойко насчитывали свыше трех тысяч автомашин, 9 танков, 36 орудий, 110 мотоциклов, сотни вагонов с грузом (*Архив МО, ф. 229. оп. 23607, д. 2, лл. 4—6.*).

В освобожденном Казатине мы увидели потрясающие сцены варварского глумления над ценнейшими произведениями литературы и искусства. Вандалы XX века не только грабили, вывозили в Германию все, что могли упаковать, погрузить — картины, фарфор, — но стремились осквернить, истоптать своими коваными сапогами то, что было свято для цивилизованного человечества. Я видел изодранные в клочья рукописи, портреты писателей и ученых.

Земли Украины освобождали не только мы, воины Красной Армии, нам помогали очищать города и села от фашистской нечисти партизаны и местные жители. Всюду встречали нас хлебом-солью, украинским радушием, вдохновляли на подвиг.

Когда во время боя за город Казатин рядовой **Кудашев** — боец танкового полка И.Н. Бойко — ворвался в дом, из которого немцы вели по наступающим прицельный пулемётный огонь, враги оцепенели. Автоматной очередью воин уничтожил пулеметный расчет и взял в плен двух фашистов.

Тогда же, при штурме Казатина, отличился и механик-водитель танка Т-34 21-й механизированной бригады старшина Бушилов Михаил Иванович. Заметив, что командир ранен, он принял на себя командование экипажем. Его танк одним из первых проскочил в город, подмяв под себя противотанковую батарею, расстреляв из пушки легкий танк противника, две самоходки и около десятка автомашин.

С ходу ворвались в Казатин, уничтожив четыре орудия и два взвода пехоты, посеяв панику среди врагов, красноармейцы взвода разведывательной роты 21-й механизированной бригады старшего лейтенанта В.Н. **Подгорбунского**. В районе села Турбовка взвод своевременно обнаружил танковую засаду противника и решительными действиями рассеял ее, уничтожив два танка и захватив в плен несколько немцев. В районе совхоза «Звенящий» разведчики, организовав танковую засаду, уничтожили 4 бронетранспортера, два взвода пехоты и захватили исправный танк противника.

За смелость и отвагу, проявленные при взятии Казатина, подполковнику Ивану Никифоровичу Бойко, старшему лейтенанту Владимиру Николаевичу Подгорбунскому, лейтенанту Петру

Филипповичу Гриболеву, старшине Михаилу Ивановичу Бушилову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Особо отмечен и старший лейтенант командир танковой роты 69-го танкового полка Иван Степанович Андрущук, который в бою за город Казатин показал себя мастером танкового боя.

Овладев Казатином, 8-й механизированный корпус по приказу командарма Катукова на достигнутом рубеже перешел к обороне в связи с резким отставанием соединений 38-й армии и 11-го танкового корпуса, в задачу которого входило освобождение города Бердичев.

Наш правый сосед, 11-й танковый корпус генерал-лейтенанта Андрея Лаврентьевича **Гетмана**, часто в ходе вступления отбивал вражеские атаки, в связи с чем его главные силы подошли к Бердичеву несколько позже.

Передовой отряд 44-й танковой бригады полковника Иосифа Ираклиевича **Гусаковского** пытался взять с ходу город, но успеха не имел. Бердичев оказался сильно укрепленным, кроме того сюда успели подойти и закрепиться свежие немецкие резервы. И только с подходом главных сил танкового корпуса и соединений 18-й армии крупная группировка противника была разгромлена и город Бердичев освобожден. Со взятием городов Бердичева и Казатина для нашей танковой армии открывались широкие возможности маневра в оперативной глубине противника.

В январе 1944 года войска 1-й танковой армии после проведенной на рубежах Казатин—Бердичев перегруппировки перешли в решительное наступление, главной задачей которого был разгром свежих резервов противника, сосредоточенных в районе Жмеринка — Винница.

7 января 8-й механизированный корпус получил задачу: во взаимодействии с 100-й стрелковой дивизией в направлении станций Липовец — Морозовка разгромить 6-ю и 17-ю танковые дивизии немцев, к исходу дня овладеть местечком Ильинцы и селом Тягун.

Наступление развивалось по плану. Атакующий справа 11-й танковый корпус овладел населенными пунктами Липовец, Троща. Фашисты не оказывали сильного сопротивления — спешно отходили, бросая раненых и технику.

Погода не улучшалась, небольшой мороз сменила оттепель. Данные разведки свидетельствовали о том, что на нашем направлении нет сплошной линии обороны противника. Есть в основном опорные пункты полевого типа, не связанные между собой огнем.

В штаб фронта поступили сведения, что в районах Винницы и Жмеринки гитлеровское командование сосредоточивает крупные резервы с целью нанесения удара во фланг и тыл 1-й танковой и 38-й армий. Не разгромить эту группировку противника — означало затормозить наступление в юго-восточном направлении.

Для решения возникшей задачи 1-й Украинский фронт не

располагал резервами. Именно поэтому командующий фронтом отдал приказание повернуть 38-ю и 1-ю танковую армии на запад, сорвав, таким образом, замысел врага.

— Как успехи, Иван Федорович? — едва переступив порог нашей машины-квартиры, спросил заместитель командующего 1-й танковой армией генерал-майор Ефим Викентиевич **Баранович**. — Командующий фронтом генерал армии Ватутин придает новой задаче очень важное значение. Сосредоточение вражеской группировки в районе станции Жмеринка следует во что бы то ни стало ликвидировать.

— Бригады корпуса наступают. Думаю, мы выполним оставленную задачу, — заверил я генерала.

— Добро, так и доложу Катукону, — заспешил Баранович к машине.

Я смотрел вслед исчезнувшей вдаль видавшей виды легковушке. Генерал Баранович был в годах, убеленный сединой, умудренный опытом. Воевал он еще в русско-японскую, но и теперь оставался на удивление подвижным и молодцеватым. Его уважали все, и не только как заместителя командующего 1-й танковой армией, но и как скромного, доброго, душевного и отзывчивого человека.

Из задумчивости меня вывел знакомый голос. Это командир 1-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник **Горелов** докладывал о прохождении рубежа выравнивания. Танки, набрав нужную скорость, успешно двигались в направлении Жмеринки.

Вскоре участились мелкие боевые стычки. Бригада Горелова совершала глубокий фланговый рейд в сторону Жмеринки, остальные части корпуса продолжали наступать на Погребище.

Боевые действия в оперативной глубине противника — это особая и очень сложная форма маневра, когда приходится действовать без флангов. Обычно побеждает тот, кто способен молниеносно ориентироваться в любой ситуации и принимать смелые решения сообразно создавшейся обстановке.

9 января, согласно приказу командарма, бригадам 8-го механизированного корпуса предстояло овладеть следующими рубежами: 20-й механизированной бригаде полковника А.Х. **Бабаджаняна** — селом Ворошиловка, 19-й механизированной полковника Ф.П. **Липатенкова** — селом Шендеровка, 1-й гвардейской танковой В.М. **Горелова** — переправами в Ворошиловке и Тыврове.

Под вечер погода ухудшилась, поднялась сильная снежная пурга. Дороги покрыли сугробы, сравнялись овраги. Сложно стало ориентироваться даже днем. Командир 1-й танковой бригады гвардии полковник Горелов доложил о прохождении второго уравнивающего рубежа. Я, в свою очередь, по радио сообщил об этом командарму Катукону. За боевым рейдом нашей танковой бригады внимательно следило как командование армии, так и фронта.

Следуя за танками полковников Горелова и Бабаджаняна, я со своей оперативной группой вскоре проскочил Липовец и в вечерних

сумерках устремился к Южному Бугу.

10 января в 5.00 передовой отряд внезапной атакой владел Жуковцами, застав врасплох немецкий гарнизон. Уничтожено значительное количество живой силы и техники противника. Во второй половине дня, в 16.00, на южную окраину Ворошиловки вышла 21-я механизированная бригада, в то же время 19-я механизированная бригада достигла Шендеровки.

Разведка установила, что на станции Жмеринка и на северной окраине городка сосредоточено более сотни танков противника. Это подтверждали и местные жители. Когда машины танковой бригады гвардии полковника Горелова ворвались в город, в стане врага поднялась паника. Отдельные танки промчались к его восточной окраине, пересекли станцию, но из-за отсутствия достаточных сил не смогли с ходу овладеть железнодорожным узлом и городом.

Придя в себя, гитлеровцы бросили против бригады Горелова танки и пехоту, оттеснив его к рубежу Моянов — Сутиски. В этих боях бригада с частями усиления уничтожила 11 самоходных орудий противника, 16 танков, 21 орудие разного калибра и свыше 800 солдат и офицеров.

Собрав в кулак крупные танковые силы, сосредоточив резервы, 10 января в 10.00 противник нанес мощный удар по флангу 38-й армии и занял Лозоватую, Лукашовку. Создалась угроза выхода гитлеровцев в тыл нашей армии. Положение осложнялось тем, что не было прочной связи ни со штабом армии, ни со штабом корпуса, ни с стальными бригадами, завязавшими бои на рубеже Ободное—Ильинцы.

Незаметно пролетела ночь. Боевые события стремительно нарастали.

— Товарищ генерал-майор, крупная танковая группировка внезапно прорвалась в наши тылы, — доложил начштаба 8-го механизированного корпуса полковник Георгий Степанович Сидорович. — Предлагаю срочно отвести бригады Горелова и Бабаджаняна и расположить их на рубеже Ильинцы—Дашев—Корытное.

Обстановка круто менялась. К тому же, активизировала свои действия авиация врага. «Юнкерсы» небольшими партиями попеременно бомбили то нас, то подразделения генерала Гетмана. В основном они атаковали дороги, по которым двигались наши войска.

В небольшой населенный пункт, где расположилась оперативная группа, постепенно стали прибывать тыловые подразделения 1-й танковой и 20-й механизированной бригад. Такое скопление машин и повозок могло навести сюда немецкую авиацию, которая уже не раз обрабатывала оперативную группу. Поэтому я отдал приказание срочно рассредоточить скопившиеся подразделения прибывших тылов. Позже узнал, что это прибыли медсанроты 20-й механизированной и 1-й танковой бригад.

Боевая обстановка, отсутствие прочной связи с бригадами и командованием армии принуждали искать выход из создавшегося

положения. А что, если начать отход бригадам не назад, а вперед, к Жмеринке? Решение пришло неожиданно. Начальнику штаба 8-го механизированного корпуса полковнику **Сидоровичу** было приказано пробиваться в сторону Липовца, где принять управление остальными частями и бригадами корпуса.

Еще на подходе к крутым берегам Южного Буга я заметил знакомые фигуры командиров бригад полковников **Горелова и Бабаджаняна**. Пристально всмотревшись в лица, определил: оба не в духе. Гвардии полковник Горелов был суров, мрачен, переживал неудачу. Взять с ходу Жмеринку, а потом ее сдать! Такое никак не укладывалось в его голове. Да, не его это вина, что 40-я танковая бригада полковника Нила Григорьевича **Веденичева** не поддержала боевых действий 1-й гвардейской бригады в Жмеринке. Она сама в то время вела тяжелые бои в районе Гнивани.

Сообщение, что в наших тылах орудует крупная танковая группировка противника, явилось для них полной неожиданностью.

Фашисты настойчиво уплотняли боевые порядки свежими резервами, создавая на важных рубежах сплошной фронт обороны.

Не теряя времени, бригады В.М. Горелова и А.Х. Бабаджаняна, ведя круговую разведку, начали отход с берегов Южного Буга.

Неоценимую услугу оказали нам в этих боях партизаны местного отряда Винницкой области, прикрывавшие наш левый фланг.

Гитлеровцы не прекращали атак. На поле боя все чаще появлялись вражеские танки и самоходки. Теперь же никто не сомневался, что противнику удалось подтянуть крупные резервы.

— Что скажешь новенького, генерал-майор,— прозвучал по радио спокойный голос командующего армией генерал-лейтенанта Катукова.

— Плохи дела, товарищ командующий,— ответил я.

— Знаю... — голос Катукова дрогнул и вдруг потеплел. — Но вы держитесь, перемалывайте там подошедшие резервы противника, проявляйте больше умения и упорства, не мне учить вас дерзости в таких боях. Задача, надеюсь, ясна, комкор? Желаю успеха.

Не раз подразделения корпуса приходилось бывать в подобных передрягах. И всякий раз выручали напористость, смекалка, отличная боевая выучка солдат и офицеров.

За 17 дней наступления 1-я танковая армия, в состав которой входил и наш корпус, прошла с боями около 300 километров, освободив ряд городов и населенных пунктов Правобережной Украины.

Несмотря на быстрое продвижение, 1-й танковой армии пришлось не только сдерживать, но и отражать мощные контрудары немцев в районе Жмеринка — Винница. Только благодаря стойкости и мужеству солдат и офицеров армии был сорван коварный план врага — разгромить войска левого крыла фронта и отбросить их на север. За 38 суток общих боевых действий 1-й танковой армией были уничтожены и взяты в плен десятки тысяч гитлеровцев, захвачено много вооружения и

другого имущества. В ряде операций особо отличился гвардии полковник В.М. **Горелов**, возглавляющий 1-ю танковую бригаду. Умение командира быстро и грамотно разобраться в сложившейся обстановке, четкие верные решения, смелость и решительность в бою, во время которого Горелов всегда находился на самом ответственном его участке, воодушевляли бойцов на подвиг.

Под стать ему и командир 19-й механизированной бригады Ф.П. **Липатенков** — умен, трудолюбив. Особенно умело руководил подразделениями в ближнем бою. Я лично сам видел, с какой беззаветной храбростью дрались его гвардейцы в районе местечка Ильинцы.

Немаловажна в трудных боях и четкая работа штаба. Блестящим специалистом своего дела оказался начштаба 20-й механизированной бригады полковник Н.В. **Богомолов**. Он быстро разбирался в обстановке, был смел и решителен в бою, обладал удивительным хладнокровием. Среди товарищей слыл офицером живого ума, большого сердца, незаурядных способностей.

С оперативной группой командира корпуса постоянно поддерживал связь офицер оперативного отдела штаба корпуса Г.Т. **Бондарь** — храбрый и мужественный человек. Не раз он и его коллега майор **Ковалев** Федор Григорьевич — немногословный, внимательный, вежливый, требовательный к себе и подчиненным, удивляли боевых друзей смелостью и выдержкой в трудные моменты боя.

В первых числах марта 1944 года 1-я танковая армия была выведена из боя в тыл, а наше место заняла 2-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск С.И. Богданова из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

Мы, конечно, не знали о цели перегруппировки, но понимали, что в ближайшее время нас перебросят на другой важный участок.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

БРОСОК В ПРЕДГОРЬЕ КАРПАТ

После Житомирско-Бердичевской наступательной операции и сдерживающих оборонительных сражений на подступах к Жмеринке и Виннице армия генерала М.Е. Катукова по приказу Ставки Верховного Главнокомандования переместилась на правое крыло 1-го Украинского фронта, направив свое острие на юг.

К весне 1944 года Украинские фронты добились больших успехов в наступлении. Они нанесли поражение гитлеровским войскам на Днестре, освободили города: Житомир, Казатин, Бердичев, Белую Церковь, Кривой Рог, Кировоград, Луцк, Ровно, Никополь, заняли выгодные рубежи для последующего наступления и полного освобождения Правобережной Украины.

В подготовительный период к предстоящим боям мы провели в корпусе, бригадах короткие сборы политработников полков, батальонов, рот и батарей, секретарей партийных и комсомольских организаций, пропагандистов и агитаторов. На сборах участники подвели итоги партийно-политической работы в январских и февральских боях, поставили задачи на предстоящие бои. Для представителей сбора были организованы показательные занятия с танковыми экипажами, артиллерийским расчетом, мотострелковым отделением, сообща отработывались особенности наступления в оперативной глубине противника, при форсировании рек, преодолении минных полей и других заграждений полевого типа.

Всюду проходили партийно-комсомольские собрания с повесткой дня: авангардная роль коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях. Решением большинства партийных групп было определено, что коммунист должен стать мастером ближнего боя, метким стрелком, стойким и мужественным воином, образцом воинской доблести в выполнении боевых задач.

На основе проведенных мероприятий политорганы, партийные и комсомольские организации составили конкретные планы работы в боевых условиях, обязали политработников, партийный и комсомольский актив повседневно информировать личный состав подразделений о боевых подвигах солдат и офицеров, сообщать о них редколлегии Боевых листков, в редакции бригадных, дивизионных, корпусных, армейских, фронтовых и центральных газет.

Большую помощь в проведении этих мероприятий мне оказывали

начальник штаба корпуса гвардии полковник Владимир Парфенович **Воронченко** и заместитель по политической части полковник Михаил Моисеевич **Литвяк**. Они не знали ни сна, ни отдыха, отдавая все свои силы и знания подготовке частей и соединений корпуса к предстоящим боям.

Особое внимание командование корпуса уделяло восстановлению понесенных в боях потерь в личном составе и боевой технике, боевому сколачиванию штабов и подразделений, созданию запасов довольствия, боеприпасов, горючего.

В новом районе сосредоточения части корпуса пополнились не только техникой — танками и самоходками, но и людьми — молодыми солдатами, сержантами, офицерами разных специальностей. При укомплектовании танковых экипажей командование руководствовалось боевым опытом его состава, для чего в каждый экипаж включались участники боев, коммунисты или комсомольцы.

И все же личным составом корпус был укомплектован всего на 80 процентов, танками, орудиями и минометами — лишь на 50.

Мысленно я уже представлял грядущие бои пашен армии и корпуса, делал наброски, прикидывал возможные варианты предстоящей наступательной операции, позже вошедшей в историю Великой Отечественной войны под названием Проскуровско-Черновицкой. Главной заботой теперь для нас было в сжатые сроки, незаметно для противника сосредоточить армию в новом районе.

Задача корпуса в этой операции — разгромить противостоящую группировку противника, форсировать реку Днестр на рубеже сел Залещики, Устечко, овладеть городами Коломыя, Городенка, Станислав (Ивано-Франковск), стремительно выйти в предгорье Карпат, перекрыв противнику пути отхода на юг.

В штабе корпуса и ночью трещал телефон, работала радиостанция. На днях прибыл новый начальник штаба корпуса гвардии полковник Владимир Парфенович **Воронченко**. Произвел на меня впечатление делового штабного офицера. Чувствовалось, что полковник не только блестящий теоретик, но имеет, к тому же, солидный фронтовой опыт. Мы обменялись мнениями, просмотрели операционные направления 1-го Украинского фронта, подробно обсудили детали на местности, важнейшие рубежи группировки войск противника, возможности их маневра. Примечательно, что войскам 1-го Украинского фронта, а значит и нам, придется наступать дорогами наших предков.

Двадцать восемь лет назад, 4 июня 1916 года, русские войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Брусилова перешли в наступление, прорвав на этом же направлении австро-германские позиции. Правда, тогда, несмотря на успех прорыва на широком фронте, русское главное командование не решилось на смелый маневр, направленный на полное уничтожение живой силы и техники врага.

Напряженная обстановка требовала от нас до предела

использовать каждый час двухнедельной передышки. Мы провели занятия со штабами и командирами подразделений, а также учения с войсками. Тщательно изучили просчеты и ошибки, допущенные личным составом в январских и февральских боях. На практике отработали вопросы взаимодействия по рубежам и времени как внутри частей с подразделениями, так и с общевойсковыми соединениями и авиацией. Особое внимание было уделено подготовке мелких подразделений — танковых экипажей, артиллерийских расчетов, отделений мотопехоты, разведчиков, связистов и саперов.

Начальник штаба гвардии полковник Воронченко уверенно взялся за дело, он был достойным преемником такого талантливому и высокообразованному офицера, как гвардии полковник Сидорович.

Каждый из нас знал, что успех в современном бою зависит от четкого взаимодействия всех родов войск. Как говорится, все за одного и один за всех. Поэтому в танковых и механизированных войсках было золотое правило — всегда держать исправной и в полной готовности имеющуюся технику, чтобы не подвести другие рода войск.

20 марта 1944 года я доложил командарму М.Е. Катукову о полной готовности бригад корпуса к наступлению. Кстати заметим, что командование корпуса почти перед самым носом и незаметно для противника вывело, переместило в течение двух ночей с исходного района на рубеж атаки более 200 бронеединиц, немало артиллерии первого эшелона: все это влилось в боевые порядки 15-й стрелковой дивизии для совместного прорыва обороны гитлеровцев.

Ночью перед выходом частей корпуса из района сосредоточения на исходный рубеж заморосил дождь. Утром 21 марта 1944 года войска фронта перешли в генеральное наступление. 1-я гвардейская и 60-я армии взломали оборону противника, после чего танковые армии генералов М.Е. Катукова и Д.Д. Лелюшенко вошли в прорыв.

1-я танковая развивала наступление в направлении городов: Чортков, Городенка, Коломыя, Черновцы и Станислав. Скрытность сосредоточения и внезапность удара позволили нам успешно форсировать Днестр и развить наступление в направлении Карпат.

Противник частями 359-й пехотной дивизии занимал оборону на рубежах Тернополь (в двух километрах восточнее города), Ходорувка, Смаковице, Ступки.

Но вернемся к 21 марта. Все пристально всматривались в сторону вражеской обороны. И вот грянули боевые залпы, задрожала земля. На противника обрушился плотный артиллерийский огонь.

Как позже свидетельствовали пленные немцы, их штабы потеряли связь с войсками. Поднялась невообразимая паника, которая вылилась не в отступление, а в настоящее бегство.

Находясь на своем НП, я внимательно следил за ходом событий, отмечая четкую работу танкистов, которые успешно развивали атаку. Подводила нас весенняя распутица. Застревали в непролазной грязи

пушки, автомашины, броневики, мотоциклы. Но танки делали свое дело. Немцы дрогнули и начали спешно откатываться на юг.

— Доложите обстановку, — прозвучал по радио спокойный, ровный голос Маршала Советского Союза Г.К. Жукова.

Не успел я сказать и слова, как голос командующего потерялся в грохочущем, вздрагивающем от взрывов пространстве. Мне так и не удалось доложить Георгию Константиновичу о боевых действиях корпуса в первые утренние часы. Сказать по правде, особенно порадовать маршала было нечем.

А через несколько минут радио донесло слова приказа.

— Товарищ генерал-майор! Требую от вас энергичных и дерзких боевых действий. Смелее отрывайтесь от общевойсковой армии. Желаю успеха!

Все военачальники знали о высокой требовательности маршала Жукова. Он во всем любил порядок, дисциплину, исполнительность и, сурово наказывая нерадивых, всегда поощрял смелых, храбрых, инициативных командиров.

Бой развивался по плану. Успех нарастал. Нам сравнительно легко удалось прорвать тактическую зону обороны немцев, и первый эшелон корпуса вышел на оперативный простор. Преодолев первую оборонительную полосу противника, общевойсковые армии повернули на запад. Свобода маневра для танков была обеспечена. Бригады Горелова, Яковлева, Бабаджаняна ринулись вперед, несмотря на огневое сопротивление врага.

Командование фронтом довольно удачно выбрало рубеж ввода в прорыв 1-й танковой армии: Ступки — Ходорувка. Протяженность его 14 километров.

Задача, которая непосредственно легла на плечи корпуса, оказалась нелегкой. Корпус действовал на открытом фланге ударной группировки фронта. С выходом частей на оперативный простор задача осложнялась еще и тем, что в ходе глубокого рейда мы вынуждены были всегда выставлять на флангах заслоны, гарантируя себя от внезапных ударов.

Чем быстрее продвигались части корпуса, тем больше увеличивался разрыв между ними и общевойсковой армией. Для обеспечения тыла и флангов приходилось использовать целую механизированную бригаду, а значит, распылять силы. Но и не делать этого мы не могли.

В донесении за первый день боя я уведомлял командарма, что противник продолжает отходить в направлении Теребовли. Преодолевая сопротивление врага, части корпуса овладели населенными пунктами Ступки, Самбуровка, Великие Борки.

Поставленная перед корпусом задача дня была выполнена.

Охваченные паникой, гитлеровцы отступали. В докладе командарму М.Е. Катукону сообщалось о взятии важных опорных пунктов на

подступах к Чорткову, отмечались успехи 11-го танкового корпуса генерал-лейтенанта А.Л. Гетмана, надежно обеспечивающего наш левый фланг.

Беспокоило пока одно — отставали тылы. Кухни, санитарные машины, переправочные средства и другая техника плелись далеко в хвосте.

— Из любого положения, товарищ генерал-майор, есть выход. Бригадные и корпусные разведчики, например, пересели на лошадей — и никакая грязь им нипочем, — заметил полковник **Литвяк**, старавшийся как-то успокоить меня.

Я только кивнул, продолжая неотрывно думать о переправочных средствах.

Погода не улучшалась. Частые дожди превратили дороги в месиво, и наступать становилось довольно трудно. Противник по-прежнему отступал к югу, оказывая упорное сопротивление. За неполные двое суток части корпуса прошли с боями 65 километров и к исходу 22 марта вышли на рубеж Копычинцы, Буданов, взяв в плен до тысячи гитлеровцев, захватив 20 артиллерийских орудий разных калибров, сотни автомашин.

Избегая фронтальных атак, не ввязываясь в затяжные бои на опорных пунктах противника, мы стремительно рвались вперед, применяя широкий маневр. Главной задачей для нас было овладеть мостом через Днестр возле сел Устечко, Залещики.

Фашистские войска отступали на юг и юго-запад. Не ожидая столь быстрого появления наших танков в Чорткове, они на всякий случай выставили на крупном мосту цистерну с бензином. Однако поджечь не успели: цистерну сбил в воду танк лейтенанта **Дегтярева**.

Особенно порадовало штабников корпуса в этот день появление командира передового отряда гвардии полковника Горелова, взявшего город Чортков. Полковник был отличным мастером ближнего боя. Его танкисты задали немцам хорошую трепку.

Удар по городу с севера и северо-запада нанесли передовой отряд и танковый полк 20-й механизированной бригады. С запада и востока на него обрушился 69-й танковый полк. Атака оказалась настолько мощной и внезапной, что немцы не успели опомниться.

На рубеже село Калиновщина — город Чортков отступающие части противника попытались оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление нашим наступающим частям. На окраине города вспыхнули жаркие бои, но решительные действия подразделений 1-й танковой бригады вынудили противника отступить. Бригада сохранила мост через реку Серет, уберегла от разрушений и пожаров город.

К 10 часам 23 марта город был освобожден от гитлеровцев. Захвачено множество трофеев, в том числе пять исправных «пантер», «тигр» и несколько тягачей с автомашинами.

Наступление развивалось. Действуя в оперативной глубине

противника, мы ни на минуту не забывали о важном принципе оперативного искусства: всякое огульное продвижение вперед без учета соотношения сил, без закрепления результатов может привести к нежелательным последствиям.

Ярким свидетельством мужества, отваги, невиданной солдатской доблести был каждый день трудного весеннего наступления 1944 года.

Так, например, атакуя противника в районе села Романовка, мотострелковая рота 20-й механизированной бригады внезапно была остановлена кинжальным пулеметным огнем. Били из тщательно замаскированного дзота. Бойцы залегли. Неожиданно перед огневой точкой вырос разведчик Н.Г. **Пигарев**. Гитлеровцы заметили смельчака и полоснули по нему очередь. Истекая кровью, собрав последние силы, герой бросился к дзоту и своим телом закрыл вражескую амбразуру. Пулемет, словно захлебнувшись, умолк. Подоспевшие товарищи уничтожили пулеметный расчет врага и открыли путь для дальнейшего наступления. Рядовому **Пигареву** Николаю Григорьевичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

За проявленную храбрость в бою высокое звание Героя Советского Союза присвоено также лейтенанту А.М. **Сулиме**.

На рассвете 22 марта танковая рота лейтенанта А.М. **Сулимы** 21-й механизированной бригады полковника И.И. Яковлева, действуя в тылу врага, разгромила немецкий гарнизон в поселке Тлусто (Толстое) и, уничтожив до роты пехоты и прихватив в качестве трофеев три артиллерийские пушки, пленила 60 фашистов. Лично **Сулима** подбил три легких танка.

Доложив командующему армией о взятии Чорткова, я подробно информировал левого соседа — командира 11-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Гетмана — опытного, знающего военачальника, надежного, боевого товарища — о фактическом положении дел; затем с оперативной группой спешно выехал из города.

Впереди внезапно возникла артиллерийская стрельба. Судя по звуку, определил: первый эшелон корпуса вновь вступил в бой где-то в районе поселка Тлусто.

«Виллис» пулей проскочил расстояние от Чорткова к Тлусто. Словно лесной пожар, здесь уже бушевал жаркий бой. На южной окраине населенного пункта я заметил командиров бригад. Они ввели меня в курс дела.

— Вражеская колонна, товарищ генерал, попала в клещи. Наводим порядок — утюжим фрицев, — отрапортовал, улыбаясь, разгоряченный боем гвардии полковник **Горелов**.

На широкой открытой поляне хозяйничали тридцатьчетверки, гремели артиллерийские залпы, взхлеб строчили пулеметы и автоматы. Вздымалась огненным смерчем земля. Факелами пылали машины. Даже не вглядываясь особо пристально в картину боя, можно было с уверенностью отметить: вражеская колонна, пытавшаяся

пробиться за Днестр, полностью разгромлена и пленена.

При подходе к селу Устечко по радио доложил обстановку маршалу Г.К. Жукову. На его обычный вопрос: «Как ведет себя противник?» — я неожиданно рассмеялся: «Как заяц, товарищ командующий». — И уже серьезно добавил: — Спешно отходит». «Пусть нервничает. Животный страх, постоянное ожидание опасности изнуряют и подтачивают врага, а это нам на руку. Действуйте, генерал. Побольше решительности», — закончил Георгий Константинович.

Чем ближе к Днестру, тем ощутимее результаты боевой работы 1-й танковой армии. Но самое сложное препятствие на нашем многотрудном пути еще впереди — река Днестр, о которой к началу операции мы не имели достаточно полных данных. А река эта по своему нраву не из спокойных. Бурная, весной широкая, глубоководная, с крутыми скалистыми берегами, местами покрытыми лесом, она лишь кое-где имела пологий спуск к воде.

На наших картах нет, к сожалению, обозначений, говорящих о том, где броды, переправы, удобные места для форсирования, какая глубина, ширина, скорость течения и режим весеннего паводка. Разведчики с ходу собирают подробные данные о реке. Оказывается, в районе Устечко — Залещики Днестр имеет ширину от 120 до 150 метров, глубину 3,5—5 метров, однако берега крутые, скалистые, покрытые мелкоколесьем, а течение быстрое. Есть брод, но южнее Устечка.

Менялась к лучшему погода. Все чаще и чаще выглядывало из разорванных облаков солнце, подсыхала щедро напоенная влагой земля. Бригада полковника Бабаджаняна двигалась в направлении села Залещики, части Горелова и Яковлева преследовали противника, отступающего к селу Устечко.

Я догнал их боевые порядки у берега бушующего Днестра. Как оказалось, наши части таки успели занять мост. Подразделения, первыми подошедшие к реке, встретили сильное сопротивление немцев. Противник несколько раз бросался в контратаки, но вернуть потерянное ему так и не удалось.

В этом бою отличились танкисты майора Н.И. **Гавришко** и капитана В.А. **Бочковского**, мотострелковый батальон капитана К.А. **Томашевского** из 21-й механизированной бригады. Пример личной храбрости проявил в жаркой схватке начальник политотдела 21-й механизированной бригады полковник П.И. **Солодахин**. Он всегда находился там, где было тяжело и опасно.

Гитлеровцы, прикрывая авиацией и танками свой отход, пытались закрепиться на правом берегу Днестра, но уже ничто не смогло удержать наступательного порыва подразделений корпуса. Бой кипел на крутых берегах бурлящего Днестра. С противоположного берега, густо поросшего мелким кустарником, била неприятельская артиллерия и пулеметы. Мы отвечали яростным огнем.

Если ранее наши части вели бои только с немцами, то при форсировании Днестра мы столкнулись с подошедшими из глубины свежими резервами — румыно-венгерскими войсками. Стремительным броском части корпуса наголову разбили румыно-венгерские войска, захватив много пленных и боевой техники.

После боя в расположение корпуса прибыл командарм Катукон.

— Молодцы! Отлично воюете! — от души поблагодарил нас командующий и поинтересовался: — А как обстоят дела с переправочными средствами?

— Саперный батальон и понтонно-мостовой полк отстали.

Передовые части переправляются по захваченному мосту. Для танков оборудовали брод южнее, в километре от села Устечко.

— Имейте в виду, товарищи, — напомнил в заключение командарм, — здесь же будет переправляться 64-я армейская танковая бригада Героя Советского Союза полковника Бойко. Бригада будет наступать на Черновцы.

Передовые подразделения бригад полковников Горелова и Яковлева постепенно расширяли плацдарм, подавляя огневые точки немцев. Не теряя драгоценного времени, части корпуса переправлялись по мосту и оборудованному танковому броду. Основная переправа усиленно обстреливалась и бомбилась авиацией противника, возникали пробки. Уже на закате, в один из последних налетов, гитлеровским летчикам все же удалось вывести из строя центральный пролет моста. Но переправа войск и боевой техники не прекратилась: действовал брод, где проходили своим ходом танки, курсировали наспех сколоченные плоты, перебрасывая пехоту, боеприпасы, необходимые грузы.

Известно, что переправа под неослабевающим огнем противника — дело чрезвычайно сложное, поэтому многое зависит от умения ее организовать. Особенно четко действовала, форсируя Днестр, бригада гвардии полковника В.М. Горелова. Личные качества командира — смелость в сочетании с разумной инициативой, настойчивость, организаторский талант — способствовали успешному выполнению поставленной задачи.

Следует отдать должное и начальнику штаба бригады гвардии полковнику Е.П. **Катыркину**. Этот опытный, энергичный, хорошо подготовленный офицер умел в самых сложных, подчас, казалось бы, безвыходных ситуациях найти выход.

Несколько слов хотелось бы сказать и о заместителе по политической части 1-й гвардейской танковой бригады гвардии полковнике Антоне Тимофеевиче **Ружине**. Он старожил бригады. Дорогами войны прошел не одну тысячу километров. Участвовал во многих боях, где словом и личным примером воодушевлял подчиненных на ратные подвиги.

При форсировании Днестра многие командиры и солдаты показали

себя как настоящие герои.

Первым подошел к реке и под сильным огнем противника начал форсирование вброд танковый батальон майора Н.И. **Гавришко**.

Воодушевленные примером боевых товарищей, на самодельном плоту бросились в бурлящие весенние воды Днестра заместитель командира взвода сержант Николай Петрович **Кабалин** и еще трое бойцов из мотострелкового батальона майора Андрея Григорьевича **Баранова** 21-й механизированной бригады. Несмотря на сильный пулеметный и автоматный огонь противника, несмотря на то, что плот распался в ледяной воде, бойцы, едва достигнув западного берега, мокрые и продрогшие, бросились на врага, с ходу уничтожив две огневые точки. Фашисты пытались сбросить крошечный десант в реку, но отступили, неся потери. Четверо смелых держали небольшой клочок земли, обеспечивая тем самым форсирование батальону.

Не менее решительно действовал и боец мотострелковой роты этой же бригады наводчик Степан Алексеевич **Закурдаев**. Переправившись на рыбацкой лодке на противоположный берег, он уничтожил два пулеметных расчета.

Старший сержант разведроты 20-й механизированной бригады Иван Хрисанфович **Календюк** при подходе к селу Козовка разгромил со своим экипажем обоз противника, состоящий из 45 подвод, уничтожив при этом два бронетранспортера и пушку, входящие в состав охраны. В итоге уничтожено до взвода живой силы противника, захвачены богатые трофеи. Под ураганным огнем врага на подручных средствах **Календюк** переправился с группой бойцов через реку у села Залещики. Здесь воинами уничтожены два пулемета, расчет противотанковой пушки, чем обеспечено роте беспрепятственное форсирование Днестра.

Командир мотострелкового батальона капитан С.Д. **Осипов**, несмотря на сильный пулеметный и артиллерийский огонь, непрерывную бомбежку авиации противника, на плотях и рыбацких лодках сумел удачно переправить батальон через реку, где бойцы захватили плацдарм и удерживали его до подхода основных частей и подразделений бригады.

Командир отделения автоматчиков 21-й механизированной бригады младший сержант Виктор Степанович **Чергин** на подходе к Днестру был встречен сильным огнем с противоположного берега. Не мешкая, красноармейцы сколотили плоты и мигом перебрались через реку. Противник открыл по смельчакам яростный огонь. Гитлеровцы пытались окружить наших воинов, но неожиданно на помощь пришел танк командира роты **Сулимы**. Атака немцев захлебнулась. На поле боя враг оставил убитыми около взвода солдат, три пулемета и минометную батарею. Отделение младшего сержанта **Чергина** удерживало свой плацдарм до подхода основных сил.

Автоматчик Иван Федорович **Корольков**, боец роты старшего лейтенанта Ф.З. **Нехорошева** из 21-й механизированной бригады,

отличался незаурядной смекалкой и поистине геройской отвагой. Помню, в период Проскуровско-Черновицкой операции он лично захватил в плен штабного немецкого офицера, который дал нашему командованию очень ценные сведения. При подходе к Днестру у села Устечко **Корольков** со своим напарником форсировали реку на рыбацкой лодке. Когда на середине Днестра пуля пробила суденышко и оно стало наполняться водой, Иван Федорович не растерялся и забил отверстие рукавицей. С большим трудом они добрались на противоположный берег и вступили в бой с противником, водрузив на крошечном плацдарме красный флаг, который вручил им, ставя боевую задачу, начальник политотдела 21-й механизированной бригады полковник П.И. **Солодахин**. Увидев это, вся рота на подручных средствах бросилась на подмогу смельчакам, пробивавшим пулеметным огнем дорогу товарищам.

Вскоре на плацдарм переправился мотострелковый батальон капитана **Томашевского**.

Батальон капитана **Черепанова** 21-й механизированной бригады с боями вышел к реке Днестр неподалеку от села Устечко. Здесь противник сосредоточил настолько плотный минометный и пулеметный огонь, что нельзя было поднять головы. И все же бойцы нашли выход.

Рядовой Павел Ефимович **Трункин**, получив разрешение командира, связал несколько бревен и с ручным пулеметом переправился на вражеский берег. Фашисты на время прекратили обстрел, надеясь взять десантника живым. Однако рядовой Трункин пошел на хитрость, он зашел с тыла и открыл по противнику огонь. Боец выбирал разные позиции, чтобы ввести врага в заблуждение, показывая, что он не один. Гитлеровцы начали отходить. Когда же они перешли в контратаку, не зная, что против них действовал лишь один солдат, уже было поздно — успел переправиться мотострелковый взвод, который и отразил атаку. Фашисты отошли, оставив на поле боя около 30 убитых.

Разведчик 20-й механизированной бригады старший сержант Александр Павлович **Синицын** еще до войны был страстным охотником, умел ориентироваться в любую погоду. Ловкость, охотничья смекалка не раз выручали его на войне в самых невероятных ситуациях.

22 марта при подходе к селу Сухостав Тернопольской области старший сержант **Синицын** с группой в пять человек дерзким наскоком разгромил гитлеровскую колонну, состоявшую из 20 подвод, вывел из строя два орудия, бронетранспортер и уничтожил около взвода пехоты, трех гитлеровцев взял в плен. А на второй день у поселка Тлусто по пути на Залещики захватил немецкую штабную машину с охраной и важными документами, которые отправил в штаб бригады.

24 марта группа разведчиков старшего сержанта **Синицына** незаметно подобралась к Днестру в районе села Залещики. Прихватив на окраине села зазевавшегося румынского офицера, который дал весьма ценные сведения о своих и немецких войсках, бойцы, не мешкая,

переправились на лодке на противоположный берег. Захватив небольшой плацдарм, смельчаки вступили в бой с противником. Несколько раз пытались гитлеровцы сбросить горстку отважных в Днестр, но под яростным огнем откатывались назад. Плацдарм был удержан до подхода основных сил бригады.

За проявленную личную храбрость и умелое руководство при форсировании реки Днестр гвардии полковнику Владимиру Михайловичу Горелову, полковнику Амазаспу Хачатуровичу Бабаджаняну, командирам батальонов майору Николаю Иосифовичу Гавришко и капитану Семену Дмитриевичу Осипову, младшим командирам и рядовым Степану Алексеевичу Закурдаеву, Ивану Хрисанфовичу Календюку, Ивану Федоровичу Королькову, Виктору Степановичу Чергину, Павлу Ефимовичу Трункину, Николаю Петровичу Кабалину присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В итоговом донесении за день боев я сообщил командарму следующее: при подходе к Днестру бригадами Горелова и Яковлева уничтожено огромное количество живой силы противника, захвачено свыше двух тысяч автомашин, общее число пленных составляет около трех тысяч.

Бригада Бабаджаняна, разгромив отходящую колонну немцев, вела тяжелые бои на левом берегу Днестра у села Залещики. Отмечу, что танкисты Амазаспа Хачатуровича удивительно быстро и почти без потерь разделались с немецкими и румынскими частями, оборонявшими в Залещиках днестровский водный рубеж. Немцы в панике бежали в направлении Городенки, оставив на поле боя немало вооружения, убитых и раненых.

Сгустились сумерки. Местами слышались танковые и артиллерийские выстрелы. Изредка темное небо просвечивалось сигнальными ракетами. Не помню, как уснул. Разбудили меня близкие разрывы, грохот. Ночь отступила. В тусклом небе плыли редкие облака. Артиллерия противника принялась обстреливать переправу. Оказалось, поднял меня на ноги вражеский снаряд. Он разбил нашу радиостанцию, но, к счастью, не разорвался и теперь лежал возле меня на земле.

— Видать, долго нам суждено жить, Иван Федорович, — переводя дыхание, проговорил находившийся рядом полковник М.М. Литвяк.

— Поживем — увидим, — пробормотал я, — а сейчас, пока не поздно, нужно как можно быстрее покинуть это «счастливое» место.

В эту ночь части корпуса расширили плацдарм. Бригада Героя Советского Союза гвардии полковника Горелова освободила районный центр Городенку. По-прежнему действовал танковый брод. По глубоким водам Днестра курсировали плоты, рыбацкие лодки и паром.

Не прекращались работы по ремонту и восстановлению разрушенного пролета моста. Инженер корпуса подполковник Петр Иванович Абакумов взялся восстановить его без сварочных работ и бетона за одни сутки. Саперы заваливали широкий и глубокий пролет

разбитыми машинами, походными кухнями, повозками и другим немецким хламом. История войн, инженерная практика не знали ранее подобного способа и метода восстановления стационарных мостов.

— Вот ведь какая она, солдатская мудрость, — удовлетворенно заметил полковник **Литвяк**. — Непригодная трофейная техника, а используй ее с умом — и сослужит добрую службу. Спасибо нашим саперам.

Бой нарастал. Противник все упорней оказывал сопротивление. Бригады Горелова, Бабаджаняна и Яковлева продолжали наступать, расширяя днестровский плацдарм. Гитлеровцы по-прежнему пятились на юго-запад, прижимаясь к предгорьям Карпат.

Части корпуса, форсировав Днестр, развивали наступление в направлении Станислава. Заканчивала свое сосредоточение в районе Городенки 19-я механизированная бригада полковника Ф.П.

Липатенкова, которая обеспечивала правый фланг и тыл корпуса.

Весенняя погода капризничала: дождь, снежная каша, гололед замедляли наш темп. К тому же, 25 марта в 10 часов утра заместитель командира разведывательного мотоциклетного батальона майор Сергей Яковлевич **Шустов** доложил о появлении в районе Городенки и Тлумача каких-то венгерских частей. Я ценил майора Шустова за его смелость, мужество, умение молниеносно ориентироваться в сложной обстановке, уважал за человечность и доброту.

Судя по показаниям доставленного на КП пленного венгерского офицера, против нас выставлены части 7-го армейского корпуса венгров, сосредоточенного в районе Станислава. Вскоре командиры 1-й гвардейской танковой и 21-й механизированной бригад Горелов В.М. и Яковлев И.И. доложили о разгроме во встречном бою двух пехотных полков венгров. Городенка была освобождена, захвачено большое количество пленных, оружия и складов. Однако обстановка на нашем участке фронта продолжала оставаться напряженной. Если до подхода к Днестру части корпуса вели бои с немцами, то при форсировании реки и расширении плацдарма мы натолкнулись на свежие румыно-венгерские части, группировавшиеся в районе Черновцов и Станислава. Учитывая ситуацию, командарм отдал приказание временно закрепиться на достигнутых рубежах и быть готовыми к возобновлению наступления к утру 28 марта.

Менее трех суток было в нашем распоряжении, чтобы подтянуть тылы, подвезти боеприпасы, горючее, продовольствие, эвакуировать больных и раненых. Продолжали вести упорные бои отдельные подразделения 1-й гвардейской танковой бригады в направлении Коломыи и 21-й механизированной бригады в направлении населенного пункта Тлумач.

Наконец, командир 1-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник **Горелов** доложил по радио о том, что его тридцатьчетверки ворвались в Коломыю. Захвачен эшелон с немецкими танками. Следом

за гвардейцами части полковников Яковлева, Горелова и Бабаджаняна овладели населенными пунктами Тлумач и Отыня, разгромили здесь вражеские группировки, захватили также большое количество трофеев и пленных.

Передовой отряд 21-й механизированной бригады во главе с начальником штаба бригады майором М.Х. Геллером при занятии населенного пункта Тлумач разгромил вражескую мотоколонну, захватил три исправных танка, артиллерийскую батарею и пленил до роты пехоты.

Дорогой ценой досталась нам эта победа. Всего за несколько боевых дней мы потеряли не одну сотню солдат и офицеров, десятки танков и самоходок.

Когда в штаб корпуса доставили пленного немецкого офицера, мне уже было известно, что передовой отряд под командованием капитана В.А. Бочковского дерзким маневром проник в Коломыю и овладел большим количеством военных трофеев. Вот что рассказал нам немец:

— Это самая смелая по исполнению и необычная по замыслу операция, свидетелем которой мне довелось быть. В первые минуты боя мы не могли опомниться, настолько стремительной оказалась атака, несмотря на наше почти десятикратное превосходство в людях и технике. Но еще неожиданней, чем возникла, группа исчезла. Появилась уже с тыла, причем с таким ураганным огнем, что устоять оказалось невозможным. Солдаты побежали, бросая оружие и другую военную технику.

Бой был в самом разгаре, когда тридцатьчетверка младшего лейтенанта Андрея Николаевича Игнатьева, едва успев расправиться с «пантерой» — средним танком противника, в переулке столкнулась с «тигром». Тяжелый танк медленно двигался вперед, неуклюже переваливаясь с борта на борт. Игнатьев резко затормозил и притаился за грудой развалин. Позиция была удобной, следовало только выждать несколько секунд. Меткий выстрел — и «тигр» остановился. Заметались у люков серые фигуры немцев. Младший лейтенант Игнатьев не заметил, как из соседнего переулка по нему прямой наводкой ударила немецкая самоходка. Тридцатьчетверка загорелась. Башенный стрелок был убит, Игнатьев тяжело ранен. На выручку товарищам бросился экипаж танка лейтенанта Алексея Духова. Раненый Игнатьев был немедленно отправлен в медсанбат.

Высокое воинское мастерство в боях за Коломыю проявил также экипаж танка гвардии лейтенанта Ивана Шарлая. Орудие сержанта Андрея Егоровича Землянова било без промаха. Одна за другой выходили из строя вражеские машины. В пылу боя, оторвавшись от своих, экипаж нашего танка не заметил засады. Первый прицельный выстрел пришелся в башню, второй поджег танк. Из экипажа уцелел только Андрей Землянов. К пылающей тридцатьчетверке бросились фашисты. Но сержант-сибиряк не растерялся: из пулемета начал

расстреливать пехоту, которая надеялась взять его живым. Груды вражеских трупов окружали горящую машину, когда к ней подоспели танки капитана **Бочковского**. Боевые побратимы выручили Землянова и обратили гитлеровцев в бегство.

За проявленные мужество и доблесть весь личный состав отряда награжден орденами и медалями, командир капитан В.А. **Бочковский**, младший лейтенант А.Н. **Игнатьев**, сержант А.Е. **Землянов** удостоены звания Героя Советского Союза.

Вслед за мной в район восточное Тлумача прибыл командарм М.Е. Катуков.

— Еле добрался. Дважды садился «на живот» вездеход. Прямо океан грязи. А вас, я вижу, — внимательно оглядел командарм позиции, — немецкие асы не забывают.

Это было действительно так. В солнечные дни гитлеровская авиация бомбила нас почти непрерывно.

Я начал докладывать:

— Горелов в Коломые захватил, помимо эшелона танков, двенадцать эшелонов с грузами, сорок пять паровозов, четыреста пятьдесят автомашин, десять складов, уничтожил около двухсот солдат и офицеров. Двадцатая и двадцать первая мехбригады в районе Отыни, Тлумача, Нижний разгромили вражескую группировку и захватили большое количество пленных.

— Знаю, знаю, — перебил меня генерал Катуков, улыбаясь. — И все же позволю себе заметить: генерал Гетман и полковник Бойко уже давно в Черновцах. Не затягиваете ли вы взятие Станислава? Правда, пока маршал Жуков доволен боевыми действиями нашей армии. Вот что он сообщил в своей телеграмме: «Командарму 1-й танковой Катукову. Армия действует хорошо. Продолжайте быстрее выполнять поставленную армии задачу».

Части корпуса местами почти вплотную подошли к вечнозеленым склонам Карпат. Весна уже в полную силу вступила в свои права: журчали ручьи, зеленели поля. Близился час полного и окончательного освобождения всех земель Советской Украины.

Немцы отходили на юго-запад. Фронт боевых действий наших войск в оперативной глубине противника расширялся. Общевойсковые армии отстали на сотни километров. Растянулись боевые коммуникации. В связи с этим усложнилось снабжение войск всеми видами довольствия.

— Подумать только, — заметил во время одной из наших бесед полковник М.М. **Литвяк**, — моральный дух, воинская дисциплина, стойкость наших бойцов возрастают соответственно километражу в оперативной глубине противника. В чем секрет такого душевного подъема людей? Боевой азарт? Большая ответственность каждого бойца и командира за порученное дело.

Полковник относился к людям рассудительно, вдумчиво, любил пофилософствовать. Всегда докапывался до причин того или иного

явления, вникал в его суть.

— Помните, Иван Федорович, пленного фашистского генерала? Как он сформулировал причины своего поражения? «Советский солдат силен тем, что знает, чьи защищает интересы, за что борется; а немецкий солдат силен тем, что он этого не знает, и как только узнает, то перестанет быть солдатом». А ведь верно? — Михаил Моисеевич повернулся ко мне и улыбнулся.

Боевые действия в оперативной глубине противника — самая сложная и тяжелая форма боя, которая требует от всех — и танковых, и механизированных войск — высоких морально-боевых качеств, твердого духа, стойкости, способности справляться с длительными психологическими нагрузками. Все это достигается напряженной учебой в перерыве между боями. Дисциплина, организованность, инициатива, взаимная выручка — вот слагаемые победы. Большинство наших командиров, сержантов и солдат после ранения не хотели эвакуироваться в глубокие тылы, чтобы не отрываться от своих боевых друзей, от частей и подразделений.

Бои на ближних подступах к Станиславу усиливались. Овладеть городом с ходу не удалось. Бригады Бабаджаняна и Яковлева в течение последних двух суток несколько раз откатывались к Тлумачу, неся ощутимые потери. Неутешительные сведения поступали и от танковой бригады Горелова, наступавшей на Станислав в районе города Надворная.

Обстановка резко менялась. Гитлеровцы все чаще прибегали к контратакам, вводили в бой свежие силы. Всевозможные донесения летели по разным каналам. Одни радовали, другие омрачали.

«Командир танкового батальона майор Гавришко ворвался в Станислав и успешно очищает город от немцев», — сообщил по радио гвардии полковник В.М. Горелов.

Я не спешил преждевременно радоваться, однако штаб армии, узнав о донесении Горелова, приступил к разыгрыванию нашего успеха на своих картах.

В который раз безоблачное небо наполнилось гулом вражеских самолетов. Они разворачивались и ложились на курс для бомбежки боевых порядков корпуса. Наша авиация отстала, не успела перебазироваться, а зенитные малочисленные части были довольно ненадежным прикрытием.

«Командир танкового батальона майор Гавришко, — радировал мне в тревоге гвардии полковник Горелов, — оставил Станислав. Веду бои севернее города Надворная».

Начальник штаба корпуса Воронченко сообщил о положении дел на правом фланге: здесь противник в районе села Нижний накапливал силы и готовился к прыжку на правый берег. Эти данные подтверждали командир разведывательного мотоциклетного батальона майор В.С. Графов и его заместитель по политчасти майор С.Я. Шустов. Не было

случая, чтобы эти товарищи подвели командование корпуса. Оба были примером для подчиненных и в часы тяжелого боя, и в минуты короткого отдыха.

Докладывать командарму о сложившейся обстановке, о фактическом положении дел на участке корпуса не поворачивался язык. Вдобавок, то ли от усталости, то ли от сырости, я потерял голос. Шипел, как испорченный патефон.

— Немедленно восстановить положение, — приказал командарм сухо.

«Легко сказать, — подумал я. — А как сделать?» Возражать, разумеется, не стал. Вернуть утраченные позиции на флангах было уже невозможно из-за понесенных потерь и растянутости частей корпуса по фронту. У нас мало осталось мотопехоты и еще меньше танков. В бригадах не больше восьми-десяти машин. Положение было серьезным. Немцы уже форсировали Днестр в районе села Нижний и пытались на ряде направлений теснить наши боевые порядки.

Неудачи, просчеты сыпались, как из мешка. Я выехал на боевой рубеж 20-й механизированной бригады полковника А.Х. Бабаджаняна. Хотелось своими глазами оценить боевую обстановку и принять на месте нужные меры по восстановлению утраченного положения в районе села Нижний.

Напряжение боя спадало. Еще стреляла артиллерия, изредка вспыхивали и тут же затухали пулеметные и автоматные очереди, но в общем воцарялась фронтовая тишина. У кудрявых дубков на командной сопке меня выследил вражеский снайпер. Опытный стрелок, он, видимо, долго выбирал цель, старательно целился и бил наверняка. Винтовочным выстрелом немец раздробил мне предплечье.

Осмотревшись, я пришел к выводу, что Станислав можно было бы удержать, прими своевременно меры командир 1-й гвардейской танковой бригады В.М. Горелов. Его танки вошли в город внезапно. Немецкий гарнизон бежал, оставив большое количество военных трофеев. Тридцатьчетверки майора Гавришко с трудом двигались по узким улицам города. Разведку не вели. Примерно через час немцы предприняли контратаку. Не выдержав яростного прицельного огня, танковый батальон отошел.

Не мог порадовать командование армии своими успехами и командир 11-го танкового корпуса генерал А.Л. Гетман. Он, как и мы, пятился назад, маневрируя многочисленными резервами.

Сгущались тучи и над нашим тылом; сюда, к селу Устечко, прорвалась крупная танковая группировка противника, выходящая из окружения в районе переправы. Навстречу этой группе войск были брошены армейские резервы под командованием полковника Бабаджаняна.

Обстановка с каждым часом усложнялась. Возникли трудности с подвозом горючего, боеприпасов, эвакуацией больных и раненых.

Напряжение возрастало. Но боевой дух не покидал нас. Бойцы и командиры брали на учет каждый снаряд, патрон, гранату, каждый грамм горючего, расходуя остатки разумно и экономно. Части корпуса, оставив село Нижний, развернули упорные бои на рубеже Тлумач — Делятин.

Последним отходил из Делятина танк полковника А.Т. **Ружина**. Экипаж танка прицельным огнем уничтожил два немецких «тигра» и до роты пехоты.

Разведчики лейтенанта **Подгорбунского** разоружили и пленили около взвода вражеской пехоты в районе Галича.

Полковник **Солодахин** с горсткой пехоты северо-восточнее Тлумача отбил несколько атак противника и удержал рубеж до подхода наших подразделений.

В тяжелых условиях боя командир отдельного батальона связи подполковник Ф.М. **Лукьянюк** обеспечивал устойчивую и бесперебойную радио-проводную связь, что дало возможность командованию корпуса оперативно решать поставленные задачи.

Бои на новом рубеже принимали оборонительный характер, гитлеровцы упорно атаковали нас, не считаясь с потерями. Пока мы удерживали днестровский плацдарм своими силами, авиация еще не перебазировалась, задерживался и подход общевойсковой пехоты.

Получив подкрепление, фашисты участвовали в атаках. Однако им так и не удалось сбросить нас с днестровского плацдарма. С подходом стрелковых корпусов генералов Л.И. Афонина и В.С. Голубовского наше положение значительно облегчилось. Тактически грамотно и бережливо использовали танки в этих оборонительных боях общевойсковые командиры. Я прежде всего имею в виду командира стрелкового корпуса генерала Афонина, который разумно относился к приданным ему танковым частям и не делил их на «наших» и «ваших».

Просматривая боевые донесения, я натолкнулся на явно заниженные цифры, которые наш штаб корпуса отсылал в ход боя в штаб армии. При подходе к Днестру корпус захватил не только исправный мост, но и пленил около четырех тысяч немцев, в качестве трофеев нам досталось более двух тысяч автомашин с грузами. Я не думаю, что кто-то умышленно завышал или, скажем, занижал эти цифры. Командование корпуса было далеко от такой мысли. Возникали ошибки лишь потому, что у нас не было времени для точного подсчета.

Успокоился, вошел в берега Днестр, зарывалась в землю пехота, окапывалась артиллерия. Связисты устанавливали надежную связь командования с войсками. Каждый куст, каждое жилое строение, тропу, дорогу или высоту мы брали на прицел и с появлением цели без промаха били. Не раз тонули в ледяных водах весеннего Днестра враги, пытавшиеся переправиться на наш южный берег.

Начались тяжелые оборонительные бои на всем протяжении днестровского плацдарма. Командование 1-го Украинского фронта

своевременно усилило плацдарм войсками 38-й армии генерал-полковника К.С. Москаленко. Это дало возможность успешно отбить все контратаки фашистов.

Противник тоже измотался и перешел к обороне, изредка ведя с нами огневую дуэль. В конце марта на Станиславском направлении против нашего корпуса действовало три пехотных дивизии, в первых числах апреля их уже насчитывалось 11, в том числе 4 танковых.

Мы знали, гитлеровцы упорно ищут слабое место в нашей обороне и вынашивают план разгрома 1-й танковой армии на днестровском плацдарме. Оборону, как правило, мы занимали на широком фронте узлами и опорными пунктами, имея сильные подвижные резервы для контратак. Командование армии правильно оценивало боевую обстановку в эти дни на нашем правом фланге. Оно усилило оборону в районе села Нижний 64-й танковой бригадой полковника И.Н. **Бойко** и тяжелым танковым полком ИС-2 под командованием подполковника А.Д. **Фадеева**.

Бои на новом рубеже принимали все более ожесточенный характер. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, теснили части корпуса на восток.

Особенно сильные танковые схватки развернулись в районах населенных пунктов Нижний и Тлумач. Здесь полк танков ИС-2 подполковника **Фадеева** уничтожил 10 немецких «пантер» и «тигров». За это подполковнику Фадееву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Гитлеровскому командованию так и не удалось сбросить с плацдарма войска 1-й танковой армии, и в ходе наступления в течение 18 дней противник продвинулся всего на 20 километров.

С немецкими танками Т-VI — «тиграми» — наши танкисты первый раз встретились в жаркой битве на Курской дуге. Фашисты почувствовали тогда, на что способны наши тяжелые танки ИС-2. Вот почему гитлеровское командование издало специальный приказ: с ИС-2 в открытый бой не вступать.

Перед 1-й танковой армией в это время стояла весьма важная и сложная задача — в течение трех суток передать днестровский оборонительный рубеж соединениям 38-й армии и незаметно вывести из боя войска и боевую технику.

Опыт и военное мастерство личного состава позволили успешно и без потерь передислоцировать соединения танковой армии в нужном направлении.

Проскуровско-Черновицкая операция войск 1-го Украинского фронта была интересна по своему замыслу, широте, размаху, смелости и риску. В этой операции подвижные группы фронта, выйдя в предгорье Карпат, рассекли группировку противника «Северная Украина», создав угрозу окружения и пленения значительной части немецко-фашистских войск. Командование 1-й танковой армии широко применило в этой наступательной операции почти все формы оперативно-тактического

маневра, ведя длительные и тяжелые бои в отрыве от общевойсковых армий фронта на сотни километров. Это была, пожалуй, единственная для 1-й танковой армии операция, в которой наша авиация не обеспечивала боевых действий в оперативной глубине противника, что значительно усложнило положение.

8-й механизированный корпус, как и другие танковые и механизированные войска, мастерски используя непогоду, учитывая сильные и слабые стороны врага, вел непрерывные бои днем и ночью. Все штабы, все офицеры с высоким искусством управляли подразделениями и частями, проявляя глубокое понимание современных и классических принципов маневрирования и внезапности, демонстрируя находчивость, инициативу и отвагу.

Боевые действия нашего корпуса получили высокую оценку Верховного Главнокомандования и Военного совета 1-го Украинского фронта. 25 апреля 1944 года 8-й механизированный корпус был преобразован в гвардейский и стал именоваться Прикарпатским. Эти вести были восприняты личным составом с большим подъемом. Гвардейцы корпуса дали клятву нашей Родине с еще большим упорством уничтожать гитлеровских захватчиков.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ЛЬВОВСКО-САНДОМИРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ

Мы пересекли Днестр, временно покинув зону боевых действий. Вокруг стояла непривычная тишина. Жаркий день шёл на убыль. Раскаленный диск солнца медленно тускнел, теряя свою ослепительность. Корпус, как и вся 1-я танковая армия, передислоцировался в новый район комбинированно: танки и грузы — по железной дороге, все остальное — по грунтовым дорогам колесным транспортом.

Наступило четвертое военное лето. Части и соединения 1-й танковой армии (теперь уже гвардейской), находящиеся во втором эшелоне фронта, готовились к летнему наступлению. Мы расположились в городах и селах Приднестровья, а также у реки Прут.

Со своей главной задачей мы справились — тщательно замаскировали войска и боевую технику. Даже немецкая разведывательная авиация не могла обнаружить нас. В частях и подразделениях ни на минуту не прекращалась кипучая работа. Напряженно, как говорят, не разгибаясь, работали командиры, штабы, политорганы, до седьмого пота трудились солдаты. Вся подготовка протекала в тесном контакте с партийными организациями и советскими учреждениями освобожденных городов и населенных пунктов Советской Украины.

Началась полоса подведения итогов боев с немцами. Основное внимание обращалось на недочеты, промахи, ошибки, допущенные личным составом в ходе операции в оперативной глубине противника, особенно на днестровском плацдарме.

Материалом для разбора послужило совещание, проведенное командующим 1-м Украинским фронтом маршалом Жуковым с командующими армиями и командирами корпусов. Это было не итоговое совещание о завершившейся Проскуровско-Черновицкой операции, не просто служебное совещание, а непринужденная творческая беседа командующего фронтом с подчиненными. Генералы К.С. Москаленко, Д.Д. Лелюшенко, М.Е. Катуков, Л.И. Афонин, В.С. Голубовский, А.Л. Гетман внимательно слушали и записывали в свои фронтовые блокноты указания командующего фронтом. Маршал спокойно, сдержанно, деловито обнажал наши недочеты, имевшие место в прошлой операции. Когда я докладывал о боевых возможностях своего корпуса, маршал Жуков смотрел мне в глаза понимающе и проникновенно, словно бы

желая новых боевых успехов. Такое у меня осталось впечатление от этой встречи.

По установившейся в корпусе традиции, мы объезжали фронтовые и армейские госпитали, встречались с командирами и бойцами, находившимися на излечении, вручали награды, посылки, благодарственные поздравления, письма от друзей и родственников.

Полным ходом шло укомплектование наших частей и подразделений техникой и другими видами боевого довольствия. Особенно четко и бесперебойно должно быть организовано снабжение боеприпасами, горючим, расход которых быстро растет при действиях в оперативной глубине противника, когда танковые и механизированные войска отрываются от баз снабжения не на десятки, а на сотни километров.

«Боеспособность и политико-моральное состояние войск в значительной степени зависит от того, — писал в своей директиве 24 января 1943 года начальник Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербаков, — как накормлены, одеты и обуты войска, как организован их отдых».

Следовательно, главным и основным в работе наших штабов, командиров, политорганов, комсомольских и партийных организаций перед боем и в ходе боя являлось политическое воспитание воинов, повседневная забота об их материально-бытовых нуждах.

Командование корпуса особое внимание уделяло работе тыловых подразделений, которыми командовал гвардии подполковник Григорий Иосифович **Павловский**, человек хорошо знающий свое дело. Работал он четко, без срывов.

В планах партийно-политического обеспечения очередных боевых действий наших войск мы должны были предусмотреть не только дальнейшую борьбу за высокое мастерство наших воинов, но и по-новому поставить вопрос о ведении разведки и повышенной бдительности, памятуя, что основные бои развернутся теперь на чужой территории, где будут не только друзья, но и враги.

В полках и бригадах прошли занятия с экипажами, отделениями по преодолению разного рода заграждений: минных полей, противотанковых ловушек, водных преград, особо отрабатывались разведка целей, их оценка, выбор рода огня для поражения обнаруженных целей. Были проведены боевые стрельбы по вражеским танкам и самоходкам. Результаты оказались ошеломляющими — это вселило в наши экипажи и артиллерийские расчеты большую веру в свое оружие.

Львиную долю времени я и начальник штаба корпуса гвардии полковник **Воронченко** отводили изучению ярославско-лодзинского и ярославско-краковского операционных направлений, рек Западный Буг, Сан и Висла, лежавших на нашем пути. После проведенных занятий я сделал вывод: штаб корпуса подготовлен, сколочен и способен решать

любые боевые задачи.

Особо много потрудился начальник разведки корпуса гвардии подполковник Александр Васильевич **Андрияко**. Он организовал широкую сеть разведки в оперативной глубине противника, грамотно и глубоко оценивал складывающуюся оперативно-тактическую обстановку. Так начиналась для нас Сандомирская, или, как ее теперь именуют военные историки, Львовско-Сандомирская операция. Приступая к ней, мы достаточно полно были осведомлены о группировке противника и о том, что гитлеровское командование в полосе 1-го Украинского фронта создало три рубежа эшелонированной обороны: главный — глубиной 4—6 км, второй — на удалении 10—15 км от переднего края и третий — по западным берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа.

Новый командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев для разгрома главных сил группы армий «Северная Украина» создал две ударные группировки, которым предстояло полностью освободить Украину, выйти к Карпатам и Висле, форсировать ее и захватить плацдарм на левом берегу. Нам надлежало вести бои на землях Польши.

Близилась минута полного и окончательного изгнания немецко-фашистских захватчиков с нашей родной земли. Поэтому настроение у всех было приподнятым. Новые условия потребуют от всего личного состава корпуса, от командования, штабов и политорганов особой бдительности как при подготовке очередной операции, так и в ходе ее проведения.

Командование фронтом решило ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию и конно-механизированные группы генерала В.К. Баранова, развить успех 13-й армии генерала Н.П. Пухова и форсировать Западный Буг.

1-я гвардейская танковая армия получила распоряжение командующего фронтом сосредоточиться юго-западнее населенного пункта Горохов, утром 17 июля нанести стремительный удар на Сокаль, с ходу форсировать реку Западный Буг между Сокалем и Крыстынополем (Червоноград), захватить плацдарм на левом берегу.

За ночь войска 8-го гвардейского механизированного корпуса были выведены на исходные позиции. Командиры и штабы довели до войск боевые задачи и организацию взаимодействия частей в бою.

В 10 часов 17 июля 1944 года части корпуса по общему сигналу двинулись вперед, сметая на своем пути огнем орудий, давя гусеницами огневые точки противника. На простор вырвались танки с десантом пехоты. Под аккомпанемент артиллерийской и танковой дуэли вспыхнули жестокие схватки.

Части 17-й танковой и 291-й пехотной дивизий противника, не выдержав натиска наших войск, начали отходить за Западный Буг, надеясь там остановить продвижение частей 1-й гвардейской танковой

армии.

Большую помощь наступающим войскам оказывала авиация. Она наносила мощные удары по отходящему врагу, срывая все попытки гитлеровцев закрепиться на выгодных рубежах.

Успешно действовал и левый сосед 8-го гвардейского корпуса — 11-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Андрея Лаврентьевича **Гетмана**. Первыми достигли берегов Западного Буга и государственной границы Советского Союза гвардейцы полковника И.И. **Гусаковского** из 44-й гвардейской танковой бригады.

В связи с тем, что гитлеровцы, опираясь на Сокальский укрепленный район, оказали упорное сопротивление, 8-й гвардейский механизированный корпус задержался с выходом к Западному Бугу.

В середине дня 18 июля я получил распоряжение от командарма Катукова осуществить маневр на юго-запад, переправиться через реку Западный Буг вслед за 11-м гвардейским танковым корпусом и затем продолжать наступление на прежнем направлении.

После успешного форсирования Западного Буга войсками 1-й гвардейской танковой армии командующий фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев изменил направление ранее запланированного удара. Вместо Равы-Русской, Немирова было приказано развить наступление на Цешанув, Ярослав и, с ходу форсировав Сан, 23 июля овладеть Ярославом.

Гул сражений перемещался все дальше на запад, вплотную подкатываясь к открытым и пологим берегам реки Сан. Река эта не значилась в ряду крупных, но ее, однако, нельзя было сбрасывать со счетов, так как местами Сан довольно широк и глубок. На участке, где нам предстояло форсировать водную преграду, ширина его достигала 100 метров, глубина 2—3 метра. К тому же, пологие и сравнительно открытые берега давали возможность противнику просматривать наше продвижение на несколько километров.

Еще засветло части корпуса широким фронтом подошли к реке и после непродолжительной остановки приступили к форсированию. Особого сопротивления гитлеровцы не оказывали, если не считать артиллерийского обстрела и налетов мелких групп вражеской авиации.

Мотопехота переправилась на лодках и плотках, а танки, самоходки и артиллерия — по понтонно-мостовым переправам, которые тут же наводили корпусные саперы под руководством корпусного инженера гвардии подполковника Петра Ивановича **Абакумова**. Следует отметить, как умело мог под огнем противника П.И. Абакумов организовать переправу танков и артиллерии.

Наши части прочно брали Ярослав в клещи. Корпус наносил удар с северо-запада. Танковая бригада гвардии полковника **Горелова** и механизированные бригады **Ли-патенкова** и **Бабаджаняна** успешно переправлялись через реку и вклинивались в оборону противника.

Солнце уже спряталось за горизонт, когда на подступах к городу

разгорелся сильный бой. Противник открыл огонь по всему фронту. Корпусу не удалось и в светлое время овладеть городом. Дневная задача не была выполнена. Из штаба армии один за другим следовали суровые приказы.

К исходу суток части полностью переправились через Сан и под покровом ночи заняли свои места. Ночь выдалась на редкость темной. Я настойчиво требовал от командиров бригад выполнить приказ по захвату города.

Наконец, наш новый предрассветный удар с северо-запада увенчался успехом. Город был взят. Противник в панике отступил. Мы захватили большое количество трофеев, эшелонов, складов с продовольствием и другим имуществом. К утру 28 июля 1944 года части корпуса полностью освободили Ярослав. В боях отличились части и подразделения 1-й гвардейской танковой, 19-й, 20-й, 21-й гвардейских механизированных бригад, минометчики гвардии полковника И.Е. Щедрина и гвардии майора Ю.С. Геленкова, саперы П.И. Абакумова.

Вечером я все же выбрал время и засел за наградные листы. Фамилия, имя, отчество. Несколько предельно сжатых, лаконичных слов о сути подвига. Но мне они говорили о многом.

...Иван Сергеевич Кравченко, механик-водитель 44-й гвардейской танковой бригады полковника И.И. Гуса-ковского, гвардии старшина. Продолжая атаку на горящем танке, раздавил пушку противника, чем обеспечил продвижение другим подразделениям.

Заместитель начальника штаба 69-го танкового полка гвардии старший лейтенант А.А. Манукян. Первым на танке форсировал реку Сан, захватил плацдарм и уничтожил батарею противотанковых пушек, а также отразил контратаку противника, обеспечив полку форсирование реки.

Г.С. Петровский, командир танка, гвардии лейтенант. Форсировал Сан вброд, обеспечив тем самым переправу и расширение плацдарма своему батальону, проявил храбрость и отвагу. Лично Петровский подбил вражеский танк и взял в плен экипаж.

М.И. Кротов, механик-водитель 20-й гвардейской механизированной бригады, гвардии старший сержант. Под сильным вражеским огнем форсировал реку вброд, раздавил одно противотанковое орудие и два миномета, показал мастерство в вождении тридцатьчетверки и отвагу в бою.

А.В. Антинян, командир орудия 353-го истребительного противотанкового полка, гвардии старшина. 25 июля 1944 года на западном берегу реки Сан отразил две контратаки противника и удержал плацдарм. При этом уничтожил два танка и до взвода пехоты. Прикрывая в районе села Пелкино шоссейную дорогу, успешно отразил атаку танков, лично подбил два легких немецких танка и захватил одно самоходное орудие, которое было незамедлительно введено в действие.

С.Е. **Нестеров**, командир бронетранспортера разведывательной роты 19-й гвардейской механизированной бригады, гвардии старший сержант. Действуя в разведке, смело напал на штаб 848-го артиллерийского полка противника, уничтожил около взвода охраны, захватил ценные документы и успешно возвратился из глубокого вражеского тыла в свою бригаду...

За мужество и отвагу **А.А. Манукян, Г.С. Петровский, М.И. Кротов, А.В. Антинян, С.Е. Нестеров, И.С. Кравченко** удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Неприятности остались позади. Ярослав был взят без потерь. Части корпуса в первой половине дня покинули город и двинулись к берегам красавицы Вислы.

С жителями освобожденных сел и городов у нас с первых же шагов сложились самые теплые отношения. Они шли навстречу нам, мы им, закладывая прочный фундамент братской дружбы. При форсировании Сана поляки помогали нашим гвардейцам сколачивать плоты, конопатили рыбацкие лодки. С риском для жизни оказывали медицинскую помощь раненым, вели разведку.

Когда в ходе напряженного боя за город Ярослав гитлеровцам удалось потеснить подразделения 19-й гвардейской механизированной бригады и 8-го мотоциклетного батальона, на улицах осталось несколько раненых солдат. Поляки подобрали их, оказали медицинскую помощь и укрыли. Едва части корпуса прочно овладели городом, жители передали раненых солдат нашим медикам.

Темпы наступления нарастали. Было ясно, что с форсированием реки Сан и овладением городами Ярослав и Перемышль раскалывалась на две части основная группировка немцев «Северная Украина». Войска генерала Катукова продолжали наступать в направлении села Баранув. Надо было не допустить организованного перехода войск противника к обороне на западном берегу Вислы. После незначительной паузы наш корпус приступил к выполнению главной боевой задачи — разгрому вражеских сил и захвату плацдарма на Висле.

Мы хорошо понимали значение захвата вислинского плацдарма, заранее мощно укрепленного немцами, считающегося, по заверениям Гитлера, неприступной крепостью.

Мелькали километры польской земли. Все глубже мы проникали в оперативный простор вражеской обороны. Оперативное построение нашей армии изменилось. На правом фланге наступали части генерала Гетмана, на левом — 8-й гвардейский корпус.

Армия Катукова настойчиво рвалась в оперативную глубину, как и прежде, имея открытые фланги. Немцы отступали, бросая в спешке военные грузы, склады, технику, убитых и раненых.

Уже несколько суток днем и ночью мчались танки к берегам Вислы. По разведывательным данным, из опросов местных жителей следовало, что в полосе нашей армии Висла не имеет постоянных мостов.

Значились паромные переправы у села Баранув. Пологие берега. Глубина местами 4—5 метров, ширина 600—800 метров.

Боевой маневр бронетанковых и механизированных войск был тяжелым и сложным еще и потому, что прошли мы с боями, без отдыха не одну сотню километров и, вдобавок к этому, в наших тылах остались отдельные вражеские группировки.

Я со своей оперативной группой двигался по боевому следу бригады, выполнявшей роль передового отряда корпуса. Первой к реке подошла танковая бригада гвардии полковника Героя Советского Союза В.М. Горелова, с ходу начала форсирование. Следом за ней показалась бригада гвардии подполковника И.В. Костюкова. Прокладывал боевую трассу через Вислу командир танковой роты старший лейтенант Розенберг.

— Слежу за левым берегом,— рассказывал нам позднее А.И. Розенберг, — и вижу плывущего навстречу человека. Экипаж насторожился. Медленно тянутся минуты ожидания. Паром почти вплотную приближается к пловцу. И каково же мое удивление! Узнаю корпусного разведчика лейтенанта Подгорбунского. Как-то стало и радостно и в то же время обидно, что не я первый ступил на плацдарм.

Части корпуса почти одновременно подошли к Висле и широким фронтом приступили к ее форсированию. Переправочных средств первое время явно не доставало. Работал один танковый паром. Правда, в большом количестве курсировали рыбацкие лодки, плоты; на них переправлялась легкая артиллерия, минометы и их расчеты, мотопехота. Некоторые солдаты преодолевали реку вплавь.

К исходу дня удалось увеличить паромные переправы до трех единиц, чем, конечно, не решалась проблема быстрого форсирования такой крупной реки, как Висла. Тем более, что противник усилил огонь по частям, форсирующим реку. Возросла также активность немецкой авиации.

Успешно и организованно работали переправы 1-й гвардейской танковой бригады полковника В.М. Горелова и 21-й гвардейской механизированной бригады подполковника И.В. Костюкова. Они первыми доложили о захвате и расширении плацдармов на противоположном берегу Вислы.

Севернее села Баранув старший лейтенант Иван Адамович Лапенков из 20-й гвардейской механизированной бригады с небольшой группой солдат завязал бой с отходящими подразделениями немцев. И, несмотря на численное превосходство противника, выиграл неравный поединок. Его группа, действуя дерзко и решительно, потопила три лодки с отступавшими врагами, уничтожила несколько десятков гитлеровцев на берегу. Форсировав реку на переправочных средствах противника, смельчаки из 20-й гвардейской механизированной бригады захватили небольшой плацдарм и удержали его до прихода своего батальона.

Геройски вел себя и командир танка Т-34 гвардии старшина Михаил Иванович Кротов. Прорвавшись сквозь огненный заслон противника, он, умело маневрируя, уничтожил ряд вражеских огневых точек. А едва подошли наши части, первым начал форсирование Вислы. И тут еще раз смерть обошла стороной смельчака. На полном ходу тридцатьчетверка едва не налетела на плавающую мину. Мешкать было нельзя. И гвардии старшина принял единственно верное решение: расстрелять мину раньше, чем она коснется танка. Переправившись на противоположный берег, танк Кротова уничтожил две противотанковые пушки противника.

Нелегкой выдалась для нас вислинская переправа. За паромами с танками, артиллерией и другими тяжелыми грузами охотились вражеские самолеты, река была обильно усыпана плавающими минами. На плотках; резиновых надувных лодках с примитивными якорями дежурили по всей трассе переправы зенитчики и охотники за плавучими минами. Контроль, разведка, наблюдение и противовоздушная оборона по всему фронту форсирования реки были вполне достаточными.

Расстояние между основными паромными переправами не превышало двух километров, и лишь в отдельных местах оказалось большим. Поскольку участок форсирования был открытым, имел отличную видимость, он требовал максимального рассредоточения войск и мест переправ. Радовало, что все командиры бригад переместились на плацдармы с первыми эшелонами своих подразделений и частей.

В ходе боев нас не раз навещали командарм Катукон и начальник оперативного отдела штаба армии гвардии полковник М.Т. Никитин. Бывая в боевых подразделениях войск, они спокойно и ловко делали перебежки под артиллерийским огнем и разрывами бомб. Успевали заглянуть всюду: в окопы, траншеи, землянки, на артиллерийские позиции. Их любили в наших войсках за простоту, сердечность, за бесстрашие.

— Не поверишь, Иван Федорович,— рассказывал в одно из посещений М.Е. Катукон, — сегодня товарищ Никитин как бы вновь родился. Рядом упал снаряд и не разорвался. — И пошутил: — Это не Матвей Тимофеевич от смерти спасся, она от него бежала!

— Так ведь не только сегодня от нас смерть бежала, — подхватил я шутку, — а под Москвой? а под Курском? а на полях Украины?! Прав поэт Алексей Сурков: смелого пуля боится.

Командарм требовал от меня ускорить форсирование и выход на плацдарм за рекой Висла. Вскоре его вездеход устремился туда, где наступали войска генерала Гетмана.

Форсирование реки продолжалось под неослабевающим огнем противника. Особенно досаждала нам вражеская авиация. Река волновалась, с грохотом оседали шумные фонтаны воды, захлестывая боевые караваны с техникой, танковыми экипажами и мотопехотой.

Время от времени водную поверхность прочерчивали огненные стрелы бьющей с противоположного берега артиллерии.

Отбиваясь с плотов ружейным, автоматным и пулеметным огнем от наседающих самолетов, войска продолжали переправу. Рухнула на берег одна вражеская машина. За ней не вышла из пике вторая и, взметнув вверх огромный столб мутной воды, скрылась в речной глубине.

Если в ходе форсирования Вислы авиация нас мало поддерживала, то при расширении плацдарма и выполнении Сандомирской операции она полностью перехватила инициативу.

— Товарищ генерал, — доложил, наконец, гвардии полковник Горелов, — основные силы бригады форсировали Вислу. Танковые роты ведут бои у прилегающих населенных пунктов.

— А как дела в 21-й гвардейской механизированной? — спросил я командира бригады подполковника Костюкова.

— Иду рядом с танковой бригадой Горелова. Маловато переправочных средств.

Я уловил в его голосе нотки недовольства — в числе первых подошел к реке, а форсировать придется последним. Но ведь танк не боец, на бревнышке не переправишь.

За Костюкова я уверен. Он что-нибудь, как всегда, придумает; за него волноваться особо не надо. В бою держится смело, инициативен, рассудителен.

— Повезло нам, — лукаво улыбаясь, довольно потирает руки Владимир Парфенович Воронченко. — Кто бы мог подумать, что гитлеровское командование оставит без должного внимания такой участок Вислы.

Левый берег реки все плотнее заполняется нашими войсками. Полностью переправились бригады Бабаджаняна и Липатенкова и почти все корпусные части. Расширение плацдарма проходит успешно. Части корпуса километр за километром освобождают от фашистских захватчиков земли Польши.

В лесистом районе Дембы, где когда-то формировалась армия Паулюса, гитлеровцы оставили большое количество трофеев. Немецкие склады трещат от чужого добра. Здесь все — продовольствие, картины, старинная мебель. На добротной упаковке пестрят адреса немецких городов. Фашисты так и не успели отправить награбленное в рейх.

Почти непрерывно днем и ночью бьют наши зенитки, отражая массированные налеты немецкой авиации. С быстротой степного ветра разносятся по плацдарму новости с переправ, шипят радиостанции, без усталости звонят полевые телефоны.

Бой за Сандомир — это жестокое сражение за расширение и удержание советскими войсками плацдарма на Висле.

Войска 1-й гвардейской танковой армии Катюкова в полном составе пересекли Вислу. Несколько позже подошли и успешно переправились

гвардейцы генерала П.С. Рыбалко. Стало, как говорится, светлее на душе.

Более чем полмесяца шли тяжелые бои на безлесном пространстве плацдарма, изрезанного оврагами и глубокими балками. Противник от мелких стычек и неуверенных действий переходил к мощным контрударам, вводя в сражение свежие силы. В окружении группировки противника участвовали армии генералов Катукова, Пухова, Гордова. Соппротивление немецких войск возрастало и на подступах к Сандомиру приняло особо ожесточенный характер. Командование фронтом ставило жесткие сроки и требовало решительных действий.

Сильные бои разыгрались северо-западнее Сандомира. Лишенный растительности, резко пересеченный рубеж пылал в огне от несмолкаемых залпов танков, артиллерии, «катюш» и бомбовых ударов авиации.

— Немцы не успевают убирать с поля убитых и раненых, — докладывали комбриги.

Несладко и нам в эти тяжелые и напряженные минуты. Дают себя знать ощутимые потери. Любой просчет, малейшая оплошность оборачиваются трагедией. Недопустимой беспечностью объясняется факт, когда сразу 11 танков 1-й гвардейской бригады, выйдя без разведки на рубеж атаки, тут же попали под противотанковый огонь немцев.

Значительно облегчилось положение на правом фланге, когда подошли танкисты генерала Рыбалко...

В эти напряженные дни наша авиация, наконец, полностью взяла инициативу в свои руки. Облегченно вздохнули зенитчики на переправах. Однако нас беспокоили тылы, где блуждали немецкие части, не успевшие организованно отойти на левый берег Вислы. Позже мы узнали, что гитлеровское командование в полосе наступления 1-й гвардейской танковой армии не взрывало дамбы, не заливало подходы к Висле лишь потому, чтобы дать возможность немецким войскам выйти на левый берег.

Бои на рубежах сандомирского плацдарма начинали принимать оборонительный характер. Основные силы корпуса по приказу командарма поворачивали на восток.

Командующий армией настоятельно требовал от меня немедленно соединиться с частями генерала Гордова, наступавшими с небольшого плацдарма на запад. Понесенные корпусом потери в технике, живой силе не позволили в срок выполнить приказ командующего армией. Обстановка на нашем направлении была довольно сложной.

Я доложил о создавшемся положении командующему фронтом И.С. Коневу. Иван Степанович меня внимательно выслушал и приказал переместиться с оперативной группой в село Лопата. Думаю, Конев не знал, что этот населенный пункт находится в руках у немцев.

Бои продолжались. Наши неоднократные попытки наступать и

соединиться с войсками Гордова успеха не имели.

14 августа командующий фронтом маршал Конев отдал нашей танковой армии новый приказ: во взаимодействии с 13-й армией генерала Пухова наступать на восток и юго-восток, окружить сандомирскую группировку противника и совместными усилиями уничтожить ее.

— Поставленное задание, — подытожил гвардии полковник **Воронченко**, — означает: завязать прочный узел вокруг гитлеровских войск, обороняющих Сандомир.

Фронт боевых действий корпуса расширялся, а количество танков, артиллерии и личного состава сокращалось. На пополнение в этой обстановке не приходилось рассчитывать. В составе фронтовой группировки по окружению и уничтожению противника наш корпус выполнял две задачи: частью сил окружал, а частью прикрывал внешний фронт окружения с северо-запада.

Из графического приказа на карте, которую мне вручил наш начальник штаба, без пояснений был ясен замысел предстоящей операции. Мы понимали: впереди у нас тяжелые и напряженные бои. Разведка окончательно подтвердила то, что немцы не собираются уходить с сандомирского плацдарма.

Как-то под вечер разведчики корпуса принесли трофейный немецкий чемодан. В нем они обнаружили генеральский парадный мундир. Давненько, очевидно, им не пользовался хозяин: потускнели ордена, почернела позолота. В кармане мундира был спрятан листок бумаги. Старческим неровным почерком генерал начертал на нем: «Моя дорогая! Посылаю тебе свой парадный мундир. Припрядь его подальше. Видимо, он больше не понадобится мне...»

Подобные откровения радовали.

Корпус приступил к выполнению боевой задачи с ограниченными силами и средствами. В связи со сложившейся обстановкой бригады **Бабаджаняна и Костюкова** были переданы в оперативное подчинение генерала Гетмана, а его 40-я и 64-я танковые бригады — 8-му гвардейскому механизированному корпусу.

На сандомирском плацдарме по-прежнему гремели кровопролитные бои. Немцы усиливали активность. Гитлеровское командование прилагало все усилия, чтобы прорвать сандомирский котел, в котором были заперты немецкие войска.

На какое-то время противнику удалось потеснить части корпуса на юг, создав тем самым угрозу разрыва внешнего кольца окружения с северо-западной стороны. Трудно сказать, чем бы кончился наш небольшой отход, не вмешайся авиация, которая, собственно говоря, и приостановила наступление немцев.

Гитлеровцы по-прежнему пытались разорвать кольцо окружения. Но гвардейцы умело отражали все атаки врага. Только один артиллерийский расчет командующего артиллерией корпуса генерал-

майора В.Н. **Мясоедова** уничтожил 10 немецких танков, наседавших со стороны села Лопата на юг.

А вскоре с сердечной болью гвардии полковник В.П. **Воронченко** сообщил мне о гибели нашего бесстрашного корпусного разведчика Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Владимира Николаевича **Подгорбунского**. Выполняя боевое задание юго-восточнее Сандомира, он попал в окружение. Экипаж боевого бронетранспортера сражался до последнего вздоха и погиб геройской смертью. Подступы к сгоревшему бронетранспортеру, рассказывал мне гвардии майор **Шустов**, были сплошь усеяны трупами гитлеровских солдат и офицеров.

До боли тяжело было слушать донесение о тяжелом ранении гвардии подполковника И.В. **Костюкова**, талантливого и инициативного командира, бесстрашного в бою.

На направлении 8-го гвардейского мехкорпуса немцы ослабили атаки. Наша авиация плотно прижала их к земле. Вскоре сандомирская группировка немцев в составе четырех дивизий, в том числе двух танковых, была окружена и пленена, лишь небольшая группа вырвалась из окружения.

Стихли напряженные залпы на плацдарме. 18 августа Сандомир был полностью очищен от немецко-фашистских войск. Старинные здания города не пострадали. Радостно светило солнце, приятно подувал слегка влажный, прохладный ветерок со стороны Вислы.

20 августа командование корпуса совершило поездку по местам битвы наших частей и подразделений. Всюду лежала брошенная, сгоревшая, подбитая немецкая военная техника: танки, самоходки, штурмовые орудия, артиллерия, минометы, тягачи, автомашины разных систем и марок. Мы тщательно осматривали рубежи, подробно анализировали всю динамику боев. Радовались боевым успехам, стремились осознать просчеты и неудачи в этих боях.

Закончившаяся Львовско-Сандомирская операция характеризовалась разнообразием форм оперативно-тактического маневра танковых и механизированных войск правого крыла 1-го Украинского фронта. Войска 1-й гвардейской танковой армии самостоятельно не прорывали оборону, а были введены в сражение после прорыва тактической зоны. Они форсировали реки Западный Буг, Сан, Вислу, окружали и уничтожали врага, а также отбивали мощные контрудары. Самым сложным и, пожалуй, на редкость напряженным для наших войск явился завершающий период боевых действий по уничтожению окруженной фашистской группировки на Сандомирском плацдарме.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ОТ ВИСЛЫ ДО ОДЕРА

В Львовско-Сандомирских боях наш корпус понес большие потери, вследствие чего организационно были нарушены партийные организации полков, батальонов и рот. Seriously пострадали танковые экипажи, артиллерийские расчеты и мотострелковые отделения, которые в ближайшее время надо было восстановить.

Произошли значительные изменения в командном составе корпуса. Командир 20-й гвардейской механизированной бригады гвардия полковник Амазасп Хачатурович **Бабаджанян** был назначен командиром 11-го гвардейского корпуса нашей армии, заместителем командира 8-го гвардейского Прикарпатского механизированного корпуса — гвардии полковник Владимир Михайлович **Горелов**. Вместо него 1-ю гвардейскую танковую бригаду принял гвардия полковник Абрам Моисеевич **Темник**, а 21-ю гвардейскую механизированную — гвардии полковник Иван Дмитриевич **Кошелев**. Моим заместителем по политчасти стал гвардии генерал-майор Василий Михайлович **Шаров**.

В период подготовки к Висло-Одерским боям мы должны были приобщить к фронтовой солдатской жизни новое, еще необстрелянное пополнение, восстановить партийные организации и укомплектовать экипажи, а также провести с ними боевую и политическую подготовку.

Новые воины познакомились с историей частей, их героями, боевыми традициями. Еще перед войной Михаил Иванович Калинин очень верно заметил: «Надо, чтобы каждый новобранец, придя в полк, знал не только номер, но всю его боевую историю, всех героев, боевые награды, чтобы он гордился своим полком и повсюду отстаивал его честь».

Встречали молодое пополнение в полках, бригадах с оркестрами, боевыми знаменами, выступали на этих встречах прославленные командиры, бойцы, которые знакомили прибывших воинов с боевыми традициями полков и их героями. В торжественной обстановке при боевом знамени командующий армией, командиры корпусов, бригад и полков вручали молодым бойцам личное и коллективное оружие. Молодые бойцы давали клятву перед торжественным строем: быть верными защитниками Родины, беспощадно громить врага. Перед политорганами, партийными и комсомольскими организациями встала сложнейшая задача: всеми формами и методами партийно-политической пропаганды добиться, чтобы воины в короткие сроки освоили военную программу и стали отличными мастерами

современного боя, памятуя что наши боевые действия будут проходить на территории Польши и фашистской Германии, что, в свою очередь, обязывает каждого из нас повысить бдительность, организованность, не поддаваться никаким провокациям.

На митингах перед боем воины корпуса давали клятву Родине рассчитаться с гитлеровскими захватчиками за разрушенные города, сожженные села, за расстрелянных и замученных в лагерях смерти детей, жен, отцов и матерей. На боевых танках, транспортных колесных машинах, на щитах артиллерийских орудий были прикреплены обязательства воинов: «Клянемся тебе, советский народ, что мы, идя в бой, будем драться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди, а глаза видят врага».

После Львовско-Сандомирской операция по директиве Ставки Верховного Главнокомандования танковая армия генерала Катюкова сосредоточилась в лесах вблизи Немирова.

Неоценимую помощь в формировании, боевом сколачивании, бытовом обслуживании оказывал нам первый секретарь Львовского обкома Компартии Украины Иван Самойлович Грушецкий. Он часто бывал у нас. Я хорошо знал Грушецкого как члена Военного совета 40-й армии в тяжелую пору 1942 года. Всегда вежливый, правдивый, откровенный, с ним легко было решать любые задачи. Иван Самойлович бывал в траншеях, окопах, землянках и в часы затяжных боев и в минуты затишья. Никто не знал так полно и глубоко, как он, солдатские настроения и солдатские души. Чувствовалось, что Грушецкий скучал по солдатской среде. И солдаты платили ему за это взаимной сердечностью.

Бежали дни четвертого года тяжелой войны. Наши союзники только в начале июня открыли второй фронт в Европе.

— Да, не скажешь, что они особенно спешили с открытием второго фронта, — с горькой усмешкой заметил начальник политотдела нашего мехкорпуса генерал В.М. Шаров.— Теперь же их вынудили это сделать наши успехи.

Для поднятия морального духа немецких войск и мирного населения, заметно понизившегося после тяжелых поражений на советско-германском фронте летом 1944 года, гитлеровское командование упорно распускало слухи о наличии в Германии крупных резервов и сверхмощного оружия, а также о неприступном Вислинском оборонительном вале, хотя эта действительно трудная преграда уже давно дала солидные трещины. Наши войска на важных направлениях прочно удерживали ряд плацдармов: магнусевский, пулавский, сандомирский, и все же Гитлер и его клика уверяли народ и армию в том, что с применением нового секретного оружия (имелись в виду «Фау-1» и «Фау-2») исход войны решится в их пользу.

Стояла сухая осень. Желтели поля. В эти дни Военным советом бронетанковых и механизированных войск Советской Армии в Немирове

была проведена военно-теоретическая конференция с руководящим составом 1-й, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. На этом большом и представительном форуме детально обсуждались итоги боевых действий танковых и механизированных войск и крупнейших операциях Великой Отечественной войны. С докладами выступили прославленные генералы: Михаил Ефимович Катук, Павел Семенович Рыбалко, Дмитрий Данилович Лелюшенко. Заключительную речь произнес заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии маршал бронетанковых войск Павел Алексеевич Ротмистров.

Конференция пришла к важным выводам и заключениям, имеющим большое значение для дальнейшего прогресса советской военной теории и практики в использовании танковых войск, танковых армий как подвижных групп фронта в современных боевых операциях. В частности характерным и поучительным было использование танковых подвижных групп в Львовско-Сандомирской операции.

Глубоко проникая в тылы врага, советские танковые части захватывали важные рубежи и объекты, переправы рек, успешно отбивали мощные контрудары противника.

Все теоретические положения и практические выводы, высказанные нашими видными военачальниками на этой конференции, командованием корпуса были доведены до командиров бригад, полков и их штабов. С командирами батальонов, дивизионов, рот, батарей, взводов, танковых экипажей, артиллерийских расчетов и отделениями пехоты были проведены практические занятия по вопросам использования штатного оружия в основных видах боя.

25 ноября 1944 года 1-я гвардейская танковая армия была включена в состав 1-го Белорусского фронта, а пятью днями позже сосредоточена близ польского города Люблин.

Объезжая с генералом Василием Михайловичем Шаровым части корпуса в новом районе дислокации, мы много беседовали с бойцами. Личный состав все ещё находился под впечатлением недавно закончившейся Львовско-Сандомирской операции, солдаты разбирали, обсуждали не только наболевшие военные вопросы, но аккуратно «раскладывали по полочкам» предполагаемую послевоенную жизнь. Рядовой Алексей Иванов из танковой бригады гвардии полковника Темника мечтал о том, как в родной Москве будет достраивать завод; боец-ярославец Макеев тепло вспоминал колхозную жизнь у себя на селе, мечтательно улыбаясь, давал слово друзьям, что непременно после войны вернется в свой родной колхоз. Сибиряк Петров из минометных расчетов гвардии полковника Щедрина мечтал навсегда связать свою жизнь с армией, имея в виду после войны поступить в военное училище.

Все были заняты делом. Одни чистили автоматы, пулеметы, другие — артиллерийские орудия; танкисты старательно, как пчелы, возились у

танков. Готовилось к бою не только оружие, подвергалось тщательному осмотру и ремонту снаряжение и обмундирование.

— Как думаете, товарищ генерал, сколько времени еще война протянется? — вопрос задал молодой танкист, высокий, стройный, озорной на вид. Он напряженно ждал ответа и, пока я собирался с мыслями, неожиданно выпалил: — Видимо, столько, сколько потребуется до полного разгрома врага в его собственной берлоге.

Мы от души рассмеялись, крепко пожали на прощание руку бойцу.

Начала поступать на комплектование нашей части боевая техника, прибыл и личный состав. По опыту мы хорошо знали, что подготовительный период, как правило, не бывает продолжительным. Поэтому дорожили каждым часом.

После частых обильных дождей дружно зазеленели поля. Местные крестьяне заметно повеселели. Не скупился и наш брат-солдат на живое слово, считая, что задушевная беседа порой дает больше пользы, чем иная лекция. Всюду трудовой люд Польши оказывал нам помощь.

По данным разведки было известно, что гитлеровское командование от Вислы до Одера создало глубоко эшелонированную оборону, в которой своеобразным стержнем являлся Мезеритцкий укрепленный район на старой немецкой границе. Никто из нас не знал ни вероятного направления боевых действий, ни плацдарма, ни рубежа ввода в прорыв танковых войск, ни тем более конкретного срока наступления. Но уже с первых дней все приступили к детальному изучению берлинского стратегического направления, хотя на это не имели пока конкретных указаний. На нашем боевом пути стояли Варшава, Лодзь, Познань и водные преграды — Пилица, Варта, Одер.

Тайна будущей операции по-прежнему хранилась в сейфе Главного Командования, а у нас полным ходом шли занятия, учения, спешно создавались запасы всех видов довольствия. Даже опытному глазу трудно было определить расположение советских войск — так научились маскироваться наши воины. О том, что это было немаловажно, убедительно свидетельствовали постоянные проверки на земле и с воздуха.

Мы старательно изучали предполагаемые рубежи, планы городов, русла рек, перелистывали, как студенты перед экзаменом, кипы справочного материала.

Наконец, определился плацдарм, рубеж ввода и направление боевых действий 1-й гвардейской танковой армии в оперативной глубине. Работа, проведенная командирами и штабом корпуса, не пропала даром. Нужно сказать, что варшавско-берлинское стратегическое направление не подлежит никакому сравнению с другими театрами военных действий по местности, рубежам, рекам и каналам, развитой сети железных и шоссейных дорог, по обилию населенных пунктов, городов и военных аэродромов. Следуя традициям, которые сложились в нашей танковой армии, командарм М.Е. Катук

собрал командиров корпусов и начальников штабов для изучения новой боевой операции. Стоя у карты, Михаил Ефимович спокойно и деловито излагал общую обстановку, замысел, цель операции, попутно делясь своими соображениями, давая практические советы, особое внимание обращал на построение боевых порядков, организацию взаимодействия как внутри частей, так и с общевойсковыми армиями и авиацией. В свою очередь, начальник штаба армии генерал Шалин сообщил необходимые данные о противнике: вскрыл вражеские резервы как в тактической, так и в оперативной глубине обороны гитлеровцев.

Из опыта боевых операций мы знали, что подготовку к наступлению следует проводить в глубочайшей тайне. Планы предстоящих операций, приказы, распоряжения по созданию резервов всех видов довольствия печатать у нас запрещалось, последние отдавались только в устной форме. Радиостанции опечатывались. Запрещались телефонные разговоры.

Как тут было не позавидовать организаторскому таланту, распорядительности и исполнительности Михаила Алексеевича Шалина.

Несколькими днями позже провел совещание с членами Военных советов армий и командирами корпусов Белорусского фронта маршал Жуков, где подверг глубокому анализу предстоящую операцию на основе директив Ставки Верховного Главнокомандования.

Замысел фронтовой операции, — отметил Георгий Константинович, — сводится к тому, чтобы, прорвав оборону немцев на двух направлениях и разгромив варшавско-радомскую группировку, выйти на линию Радом — Лодзь. В дальнейшем наступать в направлении Познани, где и войти в тактическую связь с войсками 1-го Украинского фронта. Главный удар будет нанесен войсками фронта с магнушевского плацдарма силами 61, 5-й и 3-й ударных армий, 8-й гвардейской армии, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, 1-й армии Войска Польского, 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Вспомогательный удар с пулавского плацдарма нанесут 69-я и 33-я армии, 9-й и 11-й танковые и 7-й гвардейский кавалерийский корпуса.

Поскольку план предварительный, подчеркнул в заключение командующий фронтом, кое-что может измениться, имеется в виду не сокращение глубины фронтовой операции, а ее увеличение.

Далее он коротко, четко и ясно изложил группировку наших войск и войск противника по рубежам как в тактической зоне, так и в оперативной глубине вражеской обороны.

1-й гвардейской танковой армии в этой операции отводилась роль подвижной группы фронта. Она вводилась в прорыв на участке 8-й гвардейской армии с задачей развить наступление в направлении Нове-Място, Рава-Мазовецка и Кутно, а к исходу пятого дня операции планировалось овладеть районом Кутно, Домбе и в дальнейшем наступать в направлении Коло, Конин и Познань. (Архив МО, ф.229, оп.2356, д. 425, лл. 146-149.)

После проигрывания по картам возможных вариантов операции я выехал с командирами бригад на плацдарм для изучения района сосредоточения корпуса, предполагаемых маршрутов и рубежей ввода войск, а также организации взаимодействия с общевойсковыми соединениями, на участке которых наши бригады будут вводиться в прорыв. В целях маскировки командиры-танкисты переодевались в общевойсковую форму, избегали незапланированных встреч с личным составом, оборонявшим магнушевский плацдарм. Мы встречались с командирами корпусов, дивизий, на участке которых танки 8-го гвардейского механизированного корпуса вводились в прорыв, детально отработывали вопросы взаимодействия на всю глубину предстоящей операции.

Самым сложным и трудным является ввод танков и самоходно-артиллерийских установок на исходный рубеж и рубеж ввода в прорыв, так как эти перемещения, обычно, проводятся ночью, внезапно и вблизи переднего края обороны противника.

Отмечу, что магнушевский плацдарм достаточно высоко был насыщен войсками и боевой техникой. Плотность окопов, траншей, землянок, КП и НП, складов оказалась настолько большой, что, как говорится, негде было яблоку упасть. Все это свидетельствовало о сложности предстоящей задачи.

В свою очередь, командование корпуса, бригад и частей уделяло много внимания комплектованию экипажей банков и самоходок, опытные командиры учили их боевому мастерству. Чаше обычного проводились и партийно-комсомольские собрания с повесткой дня: об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях. Все были охвачены одним порывом — разгромить врага.

Контрольные командно-штабные игры, учения с войсками показали возросшее мастерство как командиров, так и штабов в управлении войсками, в ведении разведки и организации взаимодействия в ходе боя на всю глубину операций. Однако подготовка к боям не прекращалась. Личный состав корпуса отлично понимал, что нам предстояло не только наступать, но и уберечь от разрушений польские города и села.

Шел январь 1945 года. Корпус за этот период значительно обновился. Немного осталось среди нас участников обороны Москвы и Курской битвы, сражений за Украину и Польшу. Правда, командиры частей и подразделений корпуса постоянно поддерживали связь со своими подчиненными, где бы они не находились: то ли в армейском фронтовом госпитале, то ли в глубоком тылу; мы стремились к тому, чтобы каждый солдат, сержант и офицер возвратился после излечения в родную часть. Эта работа хорошо была поставлена у начальников политотделов полковников **Ружина, Солодахина, Картылева**, майоров **Шустова и Прошкина**.

Две ночи кряду не давал никому покоя гул танковых моторов.

Воспользовавшись сильным встречным ветром и артиллерийской дуэлью, боевые машины выходили на рубеж. Я перебрался на наблюдательный пункт командира 4-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Д.И. Рыжова. Его участок был для нас как бы трамплином.

Наступила последняя ночь перед боем. Редко кто спал в эти тревожные часы. Ведь на каждом из нас лежал высокий воинский долг и ответственность перед Родиной. Все было готово для боевого броска. Мы хорошо изучили маршруты и колонные пути, а также проходы в минных полях. Каждый ожидал сигнала для атаки. На плацдарме, словно перед бурей, наступила тишина. Все вокруг на какие-то несколько секунд замерло, притаилось.

Еще раз с генералом Шаровым мы окинули взглядом рабочую карту, где пестрели условные знаки немецких резервов как в тактической зоне, так и в оперативной глубине. Перед фронтом 8-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника В.И. Чуйкова на рубеже Варка — Грабув — Залески — Михалув оборонялись части и соединения 251-й и 6-й пехотных дивизий противника. Резервы 25-й и 19-й танковых дивизий гитлеровцев находились в Бялобжегах и Радоме, в городе Нове-Място — строительная бригада. В оперативной глубине были подготовлены к обороне рубежи по северному берегу Пилицы (города Скерневице, Рава-Мазовецка, Лович) и западному Джевички.

Задача нашего корпуса сводилась к тому, чтобы, развив успех на участке 4-го стрелкового корпуса, с ходу форсировать Пилицу и овладеть городом Нове-Място, отрезав таким образом противнику пути отхода на запад.

В 8.00 14 января 1945 года артиллерия 1-го Белорусского фронта возвестила о начале наступления. Плотные огневые струи выплеснулись вперед, кромсая вражескую оборону. Вспыхнуло багровое зарево и словно застыло на месте.

Только на второй день к часу дня был завершён прорыв главной полосы обороны гитлеровцев. Из-за тяжелых метеоусловий — снегопадов, тумана — наша артиллерия не смогла надежно подавить огневые точки противника в глубине его обороны. Кроме того, немецко-фашистскому командованию удалось ввести в бой крупные резервы, которые также оказали упорное сопротивление войскам 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова и задержали ввод в прорыв 1-й гвардейской танковой армии М.Е. Катукова.

1-я гвардейская танковая бригада гвардии полковника Абрама Матвеевича **Темника**, усиленная 400-м гвардейским самоходно-артиллерийским полком, 405-м гвардейским минометным дивизионом, двумя зенитными батареями, дивизионом 265-го гвардейского минометного полка, двумя понтонно-мостовыми батальонами и двумя саперными ротами, составили передовой отряд 8-го гвардейского Прикарпатского механизированного корпуса. Перед отрядом была поставлена задача: разгромить отходящего противника и к исходу 17

января 1945 года овладеть городом Нове-Място. Несколько правее 8-го гвардейского Прикарпатского механизированного корпуса предполагались действия передового отряда 11-го гвардейского танкового корпуса. За ним колонными путями рассыпались 20-я и 19-я гвардейские механизированные бригады полковников А. И. **Анфимова** и Ф. П. **Липатенкова**.

Порошит легкий снежок, маскирует следы бесчинств беспорядочного бегства фашистов на запад. Отступает противник быстро и неорганизованно, бросая на поле боя раненых, исправную боевую технику. На пути движения частей корпуса дымят немецкие склады, догорают танки, тягачи, машины, уткнувшись искореженными капотами в тщательно перепаханную снарядами, осколками землю.

В пробитую в обороне противника брешь ринулись, развивая наступление в направлении Нове-Място, корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Наша артиллерия довольно плотно обрабатывала вражескую оборону, обеспечивая тем самым ввод в прорыв ударной группировки фронта, и все же в первые минуты боя огневые точки противника кое-где огрызались. Я следил за прохождением наших боевых порядков, притиснув к уху телефонную трубку: вот-вот должен был прозвучать голос командарма.

Эфир гудел. Подавались команды, сыпались распоряжения.

— Иван Федорович, вы меня слушаете? — появился вдруг на проводе М.Е. Катукон.— Действуйте по плану.

Части корпуса наступали стремительно. Немцы не успевали организовать оборону на промежуточных рубежах.

В 20.00 15 января передовой отряд корпуса достиг Мойска, Домброва, Муршаты.

Стремясь остановить наше наступление, противник частью сил 25-й танковой дивизии предпринял контратаку. Но из этой затеи ничего не вышло. Контратака была отбита. Гитлеровцы оставили на поле боя 10 танков, 5 самоходных и 12 полевых орудий, около 200 автомашин и до двух рот пехоты.

К утру 16 января передовой отряд корпуса — 1-я гвардейская танковая бригада — прорвался к реке Пилица в районе Нове-Място и приступил к форсированию. Молниеносно оценив ситуацию, командир танка младший лейтенант А.Ф. **Бодров**, действуя в составе передового отряда корпуса, в числе первых осуществил переправу. Несмотря на огневое сопротивление немцев, танк стремительно пронесся через мост, который позже взлетел на воздух, и вступил в бой на улицах Нове-Място, громя живую силу и технику противника.

В городе поднялась паника. Опомившись, враги подожгли танк-одиночку и предложили экипажу сдаться в плен. Но офицер **Бодров** вместе со своими товарищами на горящем танке продолжал громить врага. В этом бою гвардейцы уничтожили батарею противотанковых пушек, три бронетранспортера и до роты пехоты.

Когда бойцы 19-й гвардейской механизированной бригады прорвались с боем к центру Нове-Място, на центральной площади города, усеянной разбитой вражеской техникой и трупами фашистов, недвижно застыл танк Бодрова. Бойцы оказали медицинскую помощь экипажу — механику-водителю И.Ф. Катареву, радисту-пулеметчику Е.Е. Суровцеву, заряжающему Ф.И. Коробову. Героев-бойцов эвакуировали в тыл вместе с погибшим командиром.

За проявленный подвиг экипаж танка удостоен высоких наград Родины, его командиру — младшему лейтенанту А.Ф. Бодрову — посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Гвардии младший лейтенант Владимир Петрович Тягунцев, командир танка Т-34 2-го танкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады, действуя в оперативной глубине противника, захватил мост и с ходу ворвался в Нове-Място. Огнем и гусеницами своей тридцатьчетверки уничтожил две противотанковые батареи, 5 зенитных пушек, 20 автомашин, до двух взводов пехоты.

Гитлеровцы взорвали мост через реку Пилица и подожгли танк Тягунцева. Экипаж продолжал сопротивляться, удерживая плацдарм на северном берегу Пилицы и обеспечивая форсирование реки своей бригаде. В неравном бою Тягунцев был ранен, обгорел, тяжелые ранения и ожоги получили и остальные члены экипажа танка.

За проявленные мужество и выдержку все члены экипажа награждены орденами. Гвардии младшему лейтенанту В. П. Тягунцеву присвоено звание Героя Советского Союза.

Под сильным огнем противника форсировал реку вброд, захватил плацдарм и обеспечил переправу своей роты экипаж старшего лейтенанта В.В. Беляева, командира танкового взвода. Гвардейцы отразили контратаку противника, подбили два вражеских танка и одну самоходку.

В ледяной воде переправил вброд свое орудие на самодельном плоту на северный берег реки Пилица и прямой наводкой расстрелял вражеские огневые точки и живую силу противника командир орудия артиллерийского дивизиона 19-й гвардейской механизированной бригады старшина Садыков Юсуф-Мадат-оглы. Метким огнем орудия старшина Садыков уничтожил до двух взводов пехоты, два артиллерийских орудия и три легких танка. Расходовав боезапас, находясь в критическом положении, он вызвал на себя огонь своего артиллерийского дивизиона и тем самым удержал плацдарм до подхода своих подразделений.

За героизм и воинскую доблесть старшему лейтенанту Беляеву В.В., старшине Садыкову Юсуф-Мадат-оглы присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы довольно-таки легко столкнули немцев с северного берега. Отмечу, что предварительно в нашем распоряжении имелись данные о реке Пилица и вражеской группировке. Так, рота гвардии капитана

Александра Васильевича Ваганова 20-й гвардейской механизированной бригады в период наступательных боев первой форсировала реку вброд и, обойдя противника с фланга, отрезала ему пути отхода. Гвардейцы уничтожили в Нове-Място три самоходных орудия, 4 орудия противотанковой артиллерии, около 300 автомашин, взяли в плен 35 гитлеровцев.

Блестяще выполнил свою задачу в наступательных боях с 15 по 18 января 1-й танковый батальон гвардия майора Владимира Александровича Жукова. Танкисты прорвали оборону гитлеровцев в районе Цыцеловки, уничтожив при этом три «тигра» и две артиллерийских батареи, взяли в плен до роты пехоты противника. Немцы, не выдержав стремительного удара танкового батальона, в беспорядке отступили.

Развивая преследование противника, танковый батальон форсировал Пилицу и совместно с передовым отрядом выбил фашистов из города Нове-Място, овладел плацдармом и обеспечил наступление остальным бригадам корпуса. Батальон оседлал шоссейную дорогу Томашув — Рава-Мазовецка, уничтожив при этом одну батарею, две зенитные пушки, 7 бронетранспортеров, 40 автомашин. За дерзкие боевые действия, мужество и героизм В.А. Жукову присвоено звание Героя Советского Союза.

18 января западнее города Нове-Място группа разведчиков гвардии сержанта Александра Николаевича Кунца, командира отделения разведывательной роты 21-й гвардейской механизированной бригады, обнаружила большой заслон противника. Разведчики атаковали врага с тыла, обеспечив возможность продвижения наших частей вперед.

В ночь на 25 января экипаж командира отделения Кунца, совершая очередной рейд в тыл врага, обнаружил аэродром. На полном ходу Т-34 врзался в гущу самолетов и 10 из них уничтожил. За проявленный героизм А.Н. Кунцу присвоено звание Героя Советского Союза.

Поскольку основной мост через Пилицу немцы разрушили, подошедшие примерно через час передовые подразделения 19-й и 20-й гвардейских механизированных бригад переправлялись по льду; пулеметы, артиллерию и другие тяжелые грузы перевозили на плотках. Местами лед не выдерживал, трескался. Многие уже успели выкупаться в ледяной воде, но переброска войск на тот берег не прекращалась, пока не навели мосты.

Я подъехал к Нове-Място, когда через мост полным ходом шли груженные автомашины, сновали туда и обратно с донесениями броневики и мотоциклы. Ударная группировка 1-го Белорусского фронта вырвалась на оперативный простор и отрезала пути отхода варшавской группировке немцев на запад.

За два дня боев потери гитлеровцев от огня 8-го гвардейского механизированного корпуса составили около пехотной дивизии. Наиболее ценной явилась трофейная находка командира 1-й

гвардейской танковой бригады полковника Темника. Его танкисты захватили автобус оперативного отдела штаба 9-й полевой армии немцев.

Обнаруженные карты, схемы, приказы ставки и другие оперативные документы были переданы в штаб фронта.

Погода стояла нелетная, и мои боевые спутники, командиры двух штурмовых авиадивизий, прямо скажем, скучали. На КП с докладом вошел командир 20-й гвардейской механизированной бригады полковник **Анфимов**. Покончив с делами, мы разговорились.

— Заметьте, товарищ генерал, — улыбнулся Анфимов, — гитлеровских офицеров словно подменили. Внешне опустились, о былом лоске и речи нет, больше не стучат каблуками. Открыто ругают Гитлера, которого не так давно обожествляли, и обвиняют его в том, что он стал допускать чрезмерно грубые ошибки, просчеты в военном планировании на Восточном фронте.

— Чем, по-вашему, можно объяснить такую резкую перемену в настроении личного состава гитлеровской армии?—вопрос задал начальник политотдела корпуса генерал-майор **Шаров**.

Глаза Анфимова гневно блеснули. Ответил сухо и у резко:

— Час расплаты близок. Теперь каждый начнет увиливать от ответа за те злодеяния, которые совершил в нашей стране, в других государствах Европы.

— Да,— согласился Шаров и вздохнул: — Велико преступление нацистской клики перед человечеством. Подумать только! Массовое уничтожение советских людей и других народов были политикой фашистского государства.

— Пленных накормили? — поинтересовался я, когда Анфимов уже собрался уходить.

— А как же,— устало усмехнулся он,— перед отправкой в тыл.

Мы вскоре расстались с полковником **Анфимовым**, скромным, немногословным, смелым командиром, на которого, я знал, в бою можно положиться.

Я доложил командарму о выполнении частями корпуса поставленной задачи, после чего двинулся в сторону села Бжезины. В течение двух суток наш корпус значительно потрепал отходящие части 19-й танковой и 6-й пехотной дивизий, продолжая наступать в направлении Бжезин. Отдельные стычки в оперативной глубине противника не прекращались ни днем ни ночью.

В небольшом хуторке я встретил заместителя командующего 1-й гвардейской танковой армией генерала А.Н. Слышкина. Увидев меня, он радостно пожал мне руку.

— Поздравляю, Дрёмов! Лопнул, как мыльный пузырь, вислинский оборонительный вал. Третьи сутки немчура бежит. Ехали в Россию на машинах, а из России врассыпную, пешком...

8-й гвардейский механизированный корпус продолжал наступать в

направлении населенных пунктов: Ежув, Александрув, Лодзь, Конин, имея боевой порядок в два эшелона. Впереди двигался передовой отряд— 1-я гвардейская бригада.

Возглавляющий разведотряд начальник разведки 1-й гвардейской танковой бригады капитан А.А. Манукян действовал с небольшой группой разведчиков в тылу гитлеровцев и взял в плен офицера 73-го немецкого мотополка 19-й танковой дивизии, давшего нам чрезвычайно ценные сведения о группировке противника.

В районе Поддембице, пользуясь темнотой и беспечностью оккупантов, гвардейцы проникли на станцию, сняли охрану и спокойно взяли в плен начальника станции. Перепуганный насмерть фашист передал советским разведчикам график движения поездов с ценными военными грузами.

17 января 1945 года группа капитана Манукяна подошла к городку Ежув. Глубокой ночью, рассредоточившись на выходах, по сигналу Манукяна тридцатьчетверки открыли внезапный огонь. Немцы бежали, оставив большое количество техники и грузов.

За умелое ведение разведки, личную храбрость и отвагу капитану Манукяну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Действуя тремя бронетранспортерами в оперативной глубине противника, командир разведывательного мотоциклетного батальона корпуса майор И.Г. Артемов 17 января 1945 года разгромил восточное города Александрув штаб немецкого пехотного полка и захватил важные документы и знамя части.

Забегая вперед, скажу, что майор Артемов лично задержал заместителя коменданта одного из польских городов. Переодетый в сутану польского ксендза, тот вез в крестьянской повозке с белым флагом на дуге довольно крупную сумму марок. На допросе этот отпетый нацист выкручивался, лгал, но было ясно: перед нами ко всему еще авантюрист и вор, присвоивший себе чужие деньги.

Любопытно отметить, насколько беспечны были в своих тылах немецкие гарнизоны. Ряд объектов не имел элементарной охраны. В городах, как обычно, работали кино, театры, рестораны. По улицам беззаботно слонялись пьяные немецкие солдаты. Военный гарнизон Згежа в этом отношении превзошел всех: его регулировщики регулировали вход советских войск в город, настолько внезапным и стремительным было наше наступление. Вскоре, правда, противник опомнился и вступил в бой.

В ночной схватке за Згеж пал смертью храбрых командир 19-й гвардейской механизированной бригады полковник Федор Петрович Липатенков. Горькая весть о его смерти молнией разнеслась по нашим боевым порядкам. У гроба героически погибшего офицера личный состав бригады, его боевые товарищи дали клятву жестоко отомстить врагу за гибель любимого командира.

19-ю гвардейскую механизированную бригаду принял гвардии

полковник Иван Васильевич **Гаврилов**.

Чем ближе части корпуса подходили к Лодзи, тем чаще прерывалась связь со штабом корпуса и штабом армии. 18 января связь окончательно исчезла. На мои запросы никто не отвечал. Не удалось связаться и с частями 11-го танкового корпуса, наступавшими правее нас. Левый фланг также оказался открытым. Все попытки установить контакты остались безуспешными — в наших тылах блуждали большие группы отступающих немцев. Разрыв между нами и соединениями общевойсковой пехоты постепенно увеличивался.

Это утро выдалось удивительно спокойным: не гремела артиллерии, не бороздили чистое небо «юнкеры» и «мессершмитты». В наступлении редко случаются такие минуты.

Я снова встретился с заместителем командующего армией генералом Афанасием Никитовичем **Слышкиным**. Вид у него был утомленный, измученный.

— За всю мою солдатскую жизнь не доводилось переживать такой ночи,— щуря воспаленные глаза, признался он. — А я ведь не новичок на фронте. Воевал и в первую мировую, и в гражданскую. Вы тот хуторок, где мы с вами вчера расстались, помните? Так вот, Там я чуть было не угодил в лапы к немцам. Приспичило мне, старому чудаку, отдохнуть, спокойно полежать. А тут стрельба прекратилась, тихо так вокруг. Ведь прошли и войска, и штабы, и резервы, и даже тылы. Вдруг слышу вблизи хутора частые автоматные очереди и крик адъютанта: «Немцы!». Едва успел выскочить на крыльцо, а тут уже рукопашная. Пришлось и мне вступить в бой с долговязым немецким офицером. В ход пошло все: пистолеты, автоматы, ручные гранаты, ножи. Дрались около часа. Восемь человек против взвода немцев. Хорошо, хоть темень вокруг. Фашисты не видят: каковы у нас силы. Обстановка тем временем усложняется. Убит мой ординарец, тяжело ранен шофер. Силы наши тают. Отходить некуда. По вспышкам автоматного огня ясно, что фрицы нас окружают. Внезапно метрах в двухстах от хуторка взорвался неизвестно откуда прилетевший снаряд. Гитлеровцы так спешно ретировались, что даже оставили раненых. В общем, поспать так и не пришлось, — вздохнул в заключение генерал, показывая простреленную в нескольких местах шинель и кровавое пятно на спине — след вражеской пули.

В течение минувших суток части корпуса продвинулись в глубь немецкого тыла на 70—80 километров. В освобожденных городах и селах Польши нас радушно встречали мирные жители, угощая всем, что удалось припрятать от немцев. Взрывы ухали уже в Лодзи.

По-прежнему отсутствовала связь с командованием армии. Неспокойной оставалась обстановка в наших тылах: мелкие группы немцев выходили из окружения.

К утру 18 января 1-я гвардейская танковая бригада корпуса вышла на рубеж реки Варта.

Командир танковой роты этой бригады гвардии лейтенант Юрий Григорьевич **Священко** получил боевую задачу — захватить переправу у городка Унеув. В этот же день, пройдя около 60 км по тылам врага, он внезапным налетом овладел переправой через Варту, разгромив выставленный немцами заслон из шести самоходных орудий, двух артиллерийских батарей и роты пехоты. Гвардейцы удержали переправу до подхода передовых частей бригады.

В этом бою гвардии лейтенант Ю.Г. **Священко** пал смертью храбрых. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Из боевых донесений следовало, что гитлеровцы бросили в районе Лодзи и Александрува большое количество складов с имуществом, продовольствием и техникой. В лесу севернее Лодзи застыло свыше тысячи боевых и транспортных машин разных марок. Стояли заколоченными переполненные вином и кондитерскими изделиями склады.

— Вот мародеры! Да этим вином можно горы затопить, — возмущались наши танкисты.

Следует отметить, что гитлеровское командование предпринимало отчаянные меры к удержанию в своих руках крупного промышленного центра — Лодзи.

Еще до подхода частей корпуса к городам Александров, Лодзь корпусной разведкой был установлен факт переброски противником из глубины обороны свежих резервов (21-й армейский корпус). Но и резерв по частям был наголову разбит.

Стремительное продвижение советских танков было неожиданным и довольно неприятным сюрпризом для имперского представительства по эвакуации промышленных предприятий из Польши. Одного из его сотрудников задержала у переправы через Варту и вежливо препроводила к нам в штаб корпусная разведка.

К утру четвертого дня операции связь со штабом армии была восстановлена. Первым представителем прибыл к нам начальник политотдела армии генерал А.Г. **Журавлев**. Спокойный взгляд и добродушная улыбка располагали к откровенной и задушевной беседе. Генерал подробно информировал нас об обстановке, о танковом корпусе гвардии полковника Бабаджаняна, который наступал правее нас.

С утра подул южный ветер, выглянуло солнце, и тонкий слой молодого снега на полях потемнел. Я только закончил по радио свой разговор с командармом Катуковым. Михаил Ефимович благодарил за выполнение боевой задачи, отчитав слегка за потерю связи.

Бригады корпуса после непродолжительной паузы развивали стремительное наступление в направлении городов Конин и Познань. Гитлеровцы откатывались к Познани. Сюда же спешили и мы. Опередить врага, упредить его намерения закрепиться на прежней границе — вот что волновало наших гвардейцев.

В течение суток, к 20 января, 1-я танковая и 19-я механизированная гвардейские бригады овладели рядом сел и подошли к восточной окраине города Конин.

Это был крупный опорный пункт немецкой обороны на реке Варта. Каменные здания позволяли организовать сопротивление в каждом доме. Подступы к городу, улицы, перекрестки простреливались артиллерийским и минометным огнем. Вдоль шоссе в окопах засели фаустники.

С ходу взять Конин не удалось. Создав несколько штурмовых групп, мы снова и снова атаковали противника. Не выдержав наших ударов, гитлеровцы в спешке стали отходить.

Нельзя не сказать о той помощи, которую нам оказывало польское население. Старики и подростки добровольно садились на танки и бронетранспортеры, показывали немецкие огневые точки. Досадно, что я не запомнил имен и фамилий этих мужественных патриотов Польши.

Темпы наступления корпуса не снижались. Пушечные и автоматные залпы то вспыхивали, то внезапно затихали, но неизменным оставался рокот танковых моторов.

Перерезана основная магистраль шоссе Варшава — Познань. Впереди — Познань со старой мощной крепостью и рекой Варта, которую предстоит форсировать.

Основательно потрепанные части 25-го армейского корпуса немцев, не получая подкрепления, продолжают отступать. При подходе к Познани я получил приказ — незамедлительно овладеть городом.

Приступать к штурму Познани с ходу было довольно рискованно, не имея полных и точных данных о группировке немецких войск и долговременных инженерных сооружениях. Однако приказ требовал безоговорочного выполнения.

22 января в 15.00 передовые части корпуса подошли к пригороду Познани и авангардными батальонами произвели разведку боем.

Атака с ходу и последующие бои не дали желаемых результатов. Наступление застопорилось. Немцы вели прицельный обстрел, и по режиму огня можно было сделать вывод, что крепость и город обороняли не тыловые части, а регулярные и отборные войска. Позднее это подтвердилось.

Бригады корпуса дважды пытались ворваться в город, но всякий раз откатывались назад, неся значительные потери.

Вскоре я получил боевое распоряжение начальника штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковника М.С. Малинина. От имени командующего фронтом маршала Георгия Константиновича Жукова он приказывал прекратить лобовые атаки. Предполагалось обойти Познань с юга и продолжить наступление на город Швибус, обтекая одной бригадой Познань с запада.

Не лучше обстояли дела и в 11-м танковом корпусе гвардии полковника Бабаджаняна. Правда, он несколько позже подошел к

северной окраине Познани и без промедления вступил в бой.

Разведчиками гвардии майора Шустова был захвачен язык — немецкий офицер, который при первом же допросе показал, что город Познань имеет два обвода. Внешний идет по фортам старой крепости, переоборудован и приспособлен к современной обороне: много дотов, дзотов и подземных ходов сообщения. Сам город состоит из фортов и опорных пунктов. Гарнизон насчитывает около 45 тысяч солдат и офицеров. Пленный также сообщил, что в Познани функционирует оборонная промышленность. Работают заводы боеприпасов, стрелкового и пулеметного вооружения, авиационный и много ремонтных мастерских. Сведения эти подтвердили польские граждане, рабочие и служащие заводов.

Решение командующего фронтом в данном, конкретном случае было правильным. Лобовые атаки ничего не давали корпусу, кроме задержки. А это позволило бы гитлеровцам подтянуть крупные резервы из глубины обороны и прочно закрепиться в Мезеритцком укрепленном районе.

— Наши успехи неоспоримы, — заметил, размышляя вслух над картой, Василий Михайлович Шаров. — Даже дух захватывает. Трехсоткилометровое расстояние от магнушевского плацдарма мы преодолели почти за пять суток.

После некоторой перегруппировки части корпуса южнее Познани форсировали Варту, развив наступление в направлении Мезеритцкого укрепленного района. В особо приподнятом настроении мы приближались к границе Германии. Нас разделяли уже не тысячи — десятки километров.

Впереди наступал передовой отряд корпуса — 1-я гвардейская танковая бригада, справа — 21-я, слева — 20-я гвардейские механизированные бригады.

Командованию 11-го танкового корпуса было приказано перегруппироваться в район Чепуры, переправиться через Варту по наведенным мостам 8-го гвардейского корпуса и двигаться в направлении Мезерятца, оставив часть сил для блокировки Познани с севера. Командование блокирующими войсками командарм возлагал на моего заместителя гвардии полковника В.М. Горелова.

Тем временем разведгруппа 20-й гвардейской механизированной бригады под командованием майора Миронова, обойдя Познань с юго-запада, в районе Ловиц разгромила действующий вражеский аэродром. Всего частями корпуса на аэродромах юго-западнее города Познани захвачено около 700 боевых самолетов. Докладывая об этом командарму Катукону, я уловил в его голосе недоверие.

— Не спешите, товарищ генерал-майор, с выводами, — мягко предупредил он, — хорошенько перепроверьте, а уж потом доложите.

Как оказалось, разгром окруженной немецкой группировки в городе Познань был возложен командующим фронтом на 8-ю гвардейскую и 69-

ю общевойсковые армии генералов В.И. Чуйкова и В.Я. Колпакчи.

Нескончаемый поток техники тянулся на запад. Замыкали его походные кухни, выпуская в хмурое зимнее небо тонкий серпантин дыма. Если на протяжении минувшей недели немцы не применяли боевой авиации, то на переправах Варты, южнее Познани, начались массированные налеты.

Я доложил командарму о проведенной перегруппировке, благополучном форсировании Варты и о захвате юго-восточнее Познани на товарной станции большого количества эшелонов с продовольствием и другим военным имуществом.

Наше продвижение к немецкой границе продолжалось успешно. Из скудных, обрывочных данных было известно, что Мезеритцкий укрепленный район в ходе войны переоборудован и приспособлен к нуждам современной обороны. Готовясь к Висло-Одерской операции, мы, конечно, не забывали о пограничных укреплениях, хотя сама германская граница утратила для нас оперативно-стратегическое значение.

Что же представлял собой Мезеритцкий укрепрайон? Первая линия его обороны проходила по реке Одер и системе озер и болот. Главная полоса тянулась между городом Мезеритц (Мендзыжеч) и сплошной системой дзотов и танковых ловушек. Некоторые доты и дзоты соединялись подземными ходами. Система озер была не чем иным, как резервуарами для затопления определенных участков обороны.

Не совсем полными данными располагали мы и о немецких резервах, которые могли осесть в укрепрайоне. Предполагалось, что против нас будут действовать уже битые ранее немецкие части 21-го армейского корпуса. Не исключался и вариант переброски свежих резервов из Германии.

Укрепив на лошадиных упряжках красные флажки, из лесов в город потянулись вереницы беженцев.

— Как жизнь, папаша? — поинтересовался генерал Шаров у пожилого поляка, державшего в руке обрывок красной ленты в знак приветствия освободителей.

— Ой, пане, какая там жизнь! С приходом немцев — были одни слезы...

Боевые порядки 8-го гвардейского механизированного отмеряли последние километры польской земли.

— Интересно сравнить темпы наступления: наши и противника, — глубокомысленно проговорил заместитель начальника оперативного отдела корпуса гвардии майор Коваленко, просматривая отчеты командиров.

— Не будем сейчас заниматься арифметикой, — сухо заметил генерал Шаров. — Дел невпроворот. Жизнь покажет.

Еще засветло передовые части корпуса подошли к местечку Бомст Мезеритцкого укрепленного района. Разведчики Шустова и Графова,

передовой отряд гвардии полковника **Темника** с ходу захватили городок и широким фронтом подступили к вражеской обороне.

Быстро наплывали вечерние сумерки. Командиры бригад докладывали о данных разведки. Фиксировались обнаруженные доты, дзоты, капониры, полукапониры, словно вписанные в окружающую местность. В значительной степени нас связывало отсутствие схем, карт, планов, описаний железобетонных сооружений. Пришлось воспользоваться показаниями пленных, которые, надо сказать, и сами имели весьма смутное представление о своих пограничных укреплениях. Выручил прославленный разведчик первой танковой бригады А.А. **Манукян**. Захваченные им в плен трое гитлеровцев имели при себе схемы одного из участков укрепленного района. Этот документ мы срочно отправили в штаб армии. Положение усложнялось еще и тем; что пехота значительно поотстала и в ближайшее время оказать нам реальной помощи не могла.

С наступлением темноты был произведен артиллерийский и танковый огневой налет, возвестивший о штурме границ фашистской Германии.

Вечерний бой, к сожалению, не принес желаемых результатов. Правда, танкисты майора **Жукова**, подполковника **Гаврилюка** и дивизион «катюш» майора **Геленкова** все же прорвали первую линию укреплений и завязали бой на подступах к городу Либенау. Они руководили боем своих подчиненных четко и твердо, проявили личную смелость и мужество.

Под утро части корпуса, используя успех танкистов **Темника и Анфисова**, вплотную подошли ко второй линии укреплений.

Позже мы установили: рубежи города Бомст гитлеровцы обороняли силами офицерской и двух унтер-офицерских школ, батальоном СС и двумя батальонами боевой группы «Бранденбург».

Едва стихли выстрелы, из железобетонных укреплений показались гитлеровские вояки с белыми флагами в руках. В это утро сдались в плен несколько тысяч солдат и офицеров.

Опустевшие улицы пограничного местечка постепенно заполнялись местными жителями, многие из которых скрывались в лесу, подвалах домов, ямах. Они выходили из укрытий небольшими колоннами, группами, неся в руках белые флаги. Плотным кольцом нас окружили русские, украинские, белорусские женщины, находившиеся в немецкой неволе. От радости все они плакали.

Удивительно резко менялась погода: солнце то выглядывало, то пряталось за густую пелену грязно-серых облаков. По радио я доложил командарму об успешном прорыве минувшей ночью германской границы, захвате большого количества пленных и безостановочном продвижении частей в направлении Франкфурта. Катюков высказал удовлетворение нашими боевыми рейдами и в заключение сообщил, что по нашему следу пойдут части гвардии полковника Бабаджаняна.

Оказывается, они не смогли пробиться за своим передовым отрядом.

Сравнительно легко преодолев Мезеритцкий укрепрайон, мы уверенно приближались к седому Одеру.

29 января 1945 года. До городов Штеттина (Щецин), Франкфурта оставалось не более сотни километров.

— Еще одно усилие, — заметил генерал Шаров, — и мы окажемся на западном берегу Одера.

— По коням! — скомандовал генерал Мясоедов, и наши «виллисы» понеслись с ветерком по гладкому асфальту.

Вскоре оперативная группа пересекла железную дорогу.

Хорошее настроение не покидало нас. Гитлеровцы и не предполагали, что советские танковые войска с ходу прорвут укрепленную пограничную полосу, построенную еще в 1937 году по всем правилам военно-инженерной науки, модернизированную и перестроенную в 1943—1944 годах, прикрытую с востока Мезеритцким укрепленным районом и крупным водным рубежом — Одером.

В истории наших войн еще не было примера, когда бы укрепленные рубежи прорывала танковая армия. Обычно укрепления разрушали огнем тяжелой артиллерии, авиацией, а уж потом саперы и стрелковые части завершали уничтожение долговременных огневых точек.

Казалось, фронт поставил перед 1-й гвардейской танковой непосильную задачу — прорвать укрепленный район. Однако наступательный порыв наших войск был настолько высоким, что любое, даже самое сложное, задание оказывалось нам по плечу.

Радость успеха омрачила горькая весть о гибели в районе Познани моего заместителя, Героя Советского Союза гвардии полковника В.М. Горелова, одного из талантливых, мужественных и храбрых командиров-танкистов. Владимир Михайлович прошел с боями от Москвы до Познани, всегда был впереди, там, где всего труднее и опаснее. Одна только его фамилия наводила ужас на гитлеровцев. Он был любимцем в бригаде, корпусе, армии. О боевых подвигах В.М. Горелова знала вся страна.

Прах Героя Советского Союза гвардии полковника В.М. Горелова захоронен на кургане Славы в городе Львове, и одна из улиц этого города названа его именем.

Гитлеровское командование, стремясь предупредить наступление советских войск на левом берегу Одера, заблаговременно создало прочную глубокоэшелонированную оборону на берлинском направлении, основу которой составляли Кюстринский и Франкфуртский укрепленные районы.

Бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин в своих послевоенных мемуарах, касаясь Висло-Одерской операции, писал: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со

времени гибели Римской империи...»

Основой успеха боевых действий наших танковых армий было применение принципа сосредоточения сил и средств. В.И. Ленин писал: «Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте в решающий момент». (*Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 34, с. 383.*) Это ленинское положение искусно претворялось в жизнь в годы Великой Отечественной войны.

Темп нашего продвижения нарастал, и я был уверен, что к исходу дня корпус захватит плацдарм на Одере. Проскочили очередной переезд посмеялись. На нем уныло застыл пассажирский поезд, поджидая пассажиров на Франкфурт. Желающих ехать не было.

Стемнело. Мы остановились в приодерской лесной чаще в доме лесника. Бригады корпуса безостановочно наступали в направлении Франкфурта в значительном отрыве от общевойсковой пехоты. Едва корпус втянулся в приодерский лес, как поступил доклад от гвардии полковника А.М. Темника. В районе Кунерсдорфа разгорелся жестокий бой. Бригада Темника приняла на себя основной удар частей 5-го горнострелкового корпуса немцев. Аналогичное сообщение поступило от гвардии полковников А.И. Анфимова и П.Е. Лактионова. Они столкнулись с противником южнее Кунерсдорфа. На подходах к Одере завязались ожесточенные схватки.

Позже непосредственные участники этого боя рассказывали, как части горнострелкового корпуса, внезапно попавшие на марше под губительный огонь наших танков, длительное время не могли открыть ответного огня. Моторизованные колонны гитлеровцев не успели развернуться.

В районе Кунерсдорфа враг был разбит и отброшен к юго-западу, захвачена прибрежная зона Франкфурта. Трофеев не сосчитать — автомашин, орудий, пулеметов, боеприпасов и др.

В этом бою героически погиб начальник политотдела 1-й гвардейской танковой бригады полковник А.Т. Ружин, не раз возглавлявший ночные танковые атаки.

И опять не удалось связаться со штабом корпуса и армии. Утешало единственное: мы успешно завершили небывалый боевой рейд к Одере и в прибрежном районе полностью уничтожили немецкий корпус. Он так и не успел выйти к границе и прочно осесть в Мезеритцком укрепленном районе.

В ночь на 1 февраля передовой отряд корпуса наголову разбил свежий горнострелковый корпус СС. Именно на этом рубеже в августе 1759 года русский полководец Петр Салтыков разгромил превосходящие силы прославленного в те времена полководца — прусского короля Фридриха II. В том бою впервые проявил себя 30-летний полковник Суворов. Здесь же, говорят, Фридрих II произнес, отчаявшись, следующее: «Русского солдата мало убить, его еще и повалить надо...»

1 февраля к 14 часам 20-я гвардейская механизированная бригада с

боями вышла к Одру в районах Райпцига и Ауритца. Первая танковая вела тяжелые бои за Кунерсдорф. До Франкфурта оставалось всего около трех километров. Один танковый бросок — и город был в наших руках, но отсутствие горючего и боеприпасов вынудили приостановить продвижение. Части корпуса перешли к обороне.

Кунерсдорфская битва явилась последней вехой для нашего корпуса в Висло-Одерской операции.

При подходе войск 1-го Белорусского фронта к Одру горячие головы предлагали не делать оперативной паузы, а продолжать наступление, чтобы захватить Берлин с ходу. Ничего не скажешь, идея заманчивая. Попытаться ее осуществить? Но со стороны «Померанского балкона», где сгруппировалось около сорока дивизий противника, назревала реальная угроза правому крылу 1-го Белорусского фронта. Кроме того, в наших тылах находились крупные окруженные вражеские группировки в Шнайдемюле (Пила), Познани, которые не складывали оружия.

К тому же, полагать, что вооруженные силы Германии к моменту выхода советских войск к Одру ослаблены и гитлеровскому командованию нечем оборонять свою столицу, было бы наивным.

Вечером я установил прочную связь с командующим армией М.Е. Катуковым, который информировал меня о предстоящих боевых действиях.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ОТ ОДЕРА К ГДЫНЕ

До фашистского логова оставалось около 100 км. Успешное продвижение Советской Армии и ее вступление на территорию гитлеровской Германии вызвали панику и растерянность в стане врага. Гитлеровское военное командование принимало все меры, чтобы остановить наше наступление мощным ударом из Восточной Померании, где была сосредоточена крупная группировка, разгромить советские войска, вышедшие на Одер, и тем самым упрочить свое положение на берлинском стратегическом направлении. Ставка Верховного Главнокомандования вовремя разгадала замысел врага и приняла меры к ликвидации восточно-померанской группировки немцев. Разгром этой группировки возлагался на войска 2-го Белорусского фронта с привлечением части сил 1-го Белорусского. Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков выделил для разгрома и ликвидации немецко-фашистской группировки две танковые и две общевойсковые армии, а также армию Войска Польского. Советским войскам предстояло разгромить группировку врага, насчитывающую в своем составе около 40 пехотных и бронетанковых дивизий.

Заканчивался бесснежный январь. Предполагалось развить военные действия вдоль Одера на север, в сторону Балтийского моря. Свой прежний боевой рубеж мы передали войскам генерала Чуйкова. Расчеты командования армии и командиров корпусов подверглись значительной корректировке, поскольку реальная боевая обстановка заставила нас почти без паузы и восстановления понесенных в Висло-Одерской операции потерь продолжить наступление на новом направлении.

22 февраля 1-я танковая армия получила боевую задачу: после прорыва дивизиями 3-й ударной армии главной полосы обороны развить наступление на север и к исходу третьего дня операции выйти на побережье Балтийского моря, с ходу овладеть городом Кольберг (Колобжег).

Войскам предстояло наступать в трудных природных и погодных условиях. На территории Померании много болот, озер, узких проходов и мало дорог с твердым покрытием. Тревожило также, что населенные пункты, города приспособлены к длительной обороне. Все опорные

пункты и узлы сопротивления прочно опоясаны инженерными заграждениями.

По предварительным разведанным, в полосе нашего наступления на заранее подготовленных рубежах оборону держали две пехотные дивизии противника. В резерве находилась 7-я танковая дивизия СС, 911-я бригада штурмовых орудий и 503-й батальон тяжелых танков.

1 марта после упорной 45-минутной подготовки войска ударной группировки 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. К 11.00 они прорвали первую позицию главной полосы обороны противника и продвинулись на 1,5—2 км. Для наращивания удара и завершения прорыва командование ввело в бой передовые отряды 1-й гвардейской танковой армии, которые сломали сопротивление немцев и к исходу дня вышли на рубеж Гросс-Зее, Неренберг.

Вражеская оборона на шифельбайнском и кольбергском направлениях была полностью прорвана, и к утру 3 марта 1945 года открылся путь к Балтийскому морю, Бросая технику, оружие, раненых, разбитые войска противника отходили в разных направлениях, но более всего стремились за Одер.

Оценив сложившуюся обстановку, генерал Катукوف приказал мне овладеть Драмбургом, Бельгардом, Керлином и перейти к обороне, не допуская отхода противника на запад. В задачу танкового корпуса гвардии полковника Бабаджаняна входило к исходу 3 марта овладеть городами Кольберг, Трентов, Гросс-Естин, после чего перейти к обороне и быть готовыми к отражению ударов противника с запада.

Действуя на территории врага, мы по-прежнему уделяли много внимания вопросу управления войсками в ходе боя, особенно в оперативной глубине противника. В нашем оперативном искусстве в ходе войны уже сложилась стройная система организации управления войсками, и хотя она полностью оправдала себя, мы всегда учитывали фактор времени, вносили необходимые коррективы. Так, штабы стали маневренными и мобильными. Хотя, сказать по правде, их трудно было скрыть от противника. И потому следовало принимать своевременные меры к рассредоточению и маскировке, иначе штаб мог стать легкой добычей вражеской авиации.

Под напором войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов гитлеровцы спешно отходили на запад за Одер, группировались в Восточной Померании и в прибрежных районах Балтийского моря, угрожая правому флангу 1-го Белорусского фронта.

Корпус, имея впереди танковую бригаду полковника **Темника** и на флангах уступом назад механизированные бригады полковников **Анфимова, Гаврилова и Лактионова**, двигался на север. Погода не улучшалась: небо все время было затянуто-дождевой пеленой. На поддержку авиации рассчитывать не приходилось.

Чем ближе мы подходили к Шифельбайну (Свидвин), тем чаще вспыхивали у нас боевые столкновения с немцами. Накал схваток

постепенно нарастал. Бригады корпуса спешно разворачивались и поочередно вступали в бой.

Давали себя знать потери в Висло-Одерской операции. Все было на счету: танки, самоходки, орудия, снаряды, патроны и, главное, — горючее.

Наступила тревожная ночь 4 марта. С одной стороны, я упорно отбивался от наседающих немцев, с другой, — от командования, требовавшего немедленных успехов. В такие минуты я завидовал необыкновенной выдержке начальника политотдела В.М. Шарова. Несмотря на то, что обстановка с каждым часом усложнялась, держался генерал-майор удивительно ровно.

Считаю подарком судьбы встречу и совместный труд с Василием Михайловичем — высокообразованным, талантливым политработником, смелым, волевым, энергичным человеком. Не помню его усталым, безразличным. Он всегда подтянут, бодр, жизнерадостен. В обращении с людьми корректен. Требовательного к себе и подчиненным В.М. Шарова — человека редкой душевной чистоты — любили не только начальники, но и подчиненные, за личную исполнительность, трудолюбие и усердие в работе.

Атаки немцев следовали одна за другой. Широким фронтом противник стремился преодолеть нашу оборону, пытаясь вырваться из восточно-померанского «мешка», который прочно завязывали перед Одером войска 1-го Белорусского фронта.

Неблагоприятно для нас развивались события юго-восточнее Шифельбайна, где немцам в первое время удалось несколько потеснить наши войска. Но вскоре положение на этом участке выправилось.

Время от времени по радио поступали доклады командиров бригад. Настроенные бодро, по-боевому, они все же просили помощи.

Я вышел во двор. Встретил командира зенитной батареи, разговорились.

— Не пойму никак, товарищ генерал,— признался молодой офицер. — Там, где я раньше воевал, все было по-другому, ясно и четко, без всяких там хитрых и туманных маневров. Мы вот уже скоро месяц кружимся, вертимся в тылу врага. А наступали бы по прямой, давно разгромили б фашистское логово...

Подобные рассуждения не удивляли нас своим откровением. Этот командир прибыл к нам из общевойсковой армии и впервые получал боевое крещение в танковых войсках в оперативной глубине противника.

Ночной бой бушевал с нарастающей силой. Казалось, пламя с горящего города перебросилось на своды туманного мартовского неба. Стало светло, как днем. Мы сидели с Шаровым в узкой холодной комнатухе немецкого домика и внимательно выслушивали доклады подчиненных. Начальники штабов бригад Богомолов, Геллер, Василевский и другие запрашивали, куда и как направлять военнопленных, которых скопилось великое множество. Я

посочувствовал начальнику разведки корпуса подполковнику А.В. **Андрияко**. Пожалуй, такой «урожайной» ночи у нас еще и не было. Только на рубеже юго-восточнее Шифельбайна части корпуса захватили в плен около 12 тысяч немецких солдат и офицеров, 56 артиллерийских орудий, 27 танков, 300 автомашин, не считая подбитой, сгоревшей военной техники.

Выполняя указания командарма, во второй половине дня 4 марта я приказал 20-й механизированной бригаде блокировать город Керлин (Карлино), остальным двум бригадам атаковать Бельгард (Бялогард). В очередном ночном бою сопротивление немцев было сломлено. Гитлеровцы бежали, бросив при отступлении большое количество военной техники и складов. В боях за Бельгард погибла отважная и смелая украинская девушка А.Г. **Самусенко** — заместитель командира 1-го танкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады. Она была участницей боев в Финляндии, прошла славный боевой путь в Великой Отечественной войне и пала смертью храбрых на подступах к Балтийскому морю.

Несколько позже начальники штабов бригад Н.В. **Богомолов** и Е.П. **Катыркин** доложили, что в городе Бельгард пленено около двух тысяч немцев.

Все приморские города и населенные пункты переполнены гражданским населением разных национальностей: здесь чехи, поляки и французы, датчане и югославы, эстонцы и латыши, белорусы и украинцы, много русских. Истощенные, истерзанные люди, длительное время просидевшие в фашистских тюрьмах и лагерях, направляются на сборные пункты для отправки на родину.

Утром 5 марта оперативную группу внезапно атакует немецкая колонна. Поединок длится около часа. Враг бежит, оставив несколько штабных машин, где находятся секретные документы, карты, а также знамена частей 315-й пехотной дивизии.

5 и 6 марта 19-я и 21-я механизированные бригады продолжают вести бои на шифельбайнском рубеже. С отчаянием обреченных здесь прорывается из восточно-померанского «мешка» на запад 10-й армейский корпус противника. Вскоре к нам на подмогу в район Шифельбайна подходит 364-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии. 1-я танковая и 20-я механизированная бригады в это время ведут бои с немцами на побережье Балтийского моря.

При подходе к Керлину я получаю дополнительное боевое распоряжение из штаба армии, в котором говорится, что, овладев городом, корпус должен повернуть на восток и развивать наступление в направлении Данцигского коридора.

С поворотом боевых действий на восток оперативное построение нашей армии не изменилось. Левее действовали части 11-го гвардейского танкового корпуса полковника Бабаджаняна, правее, вдоль морского побережья, наступали части 8-го гвардейского

механизированного корпуса, усиленного танковой бригадой Войска Польского.

Во второй половине дня 6 марта на окраине Керлина полковники **Темник и Анфимов** доложили мне о капитуляции приморского гарнизона. Тут же я ознакомил командиров с новой боевой задачей. Следует отметить, что Висло-Одерская операция явилась классическим образцом использования подвижных групп танковых армий в крупных фронтовых операциях.

— Немецкое командование и не предполагало, — заметил генерал **Шаров**, — что мы, подойдя к Одру, повернем на восток, навстречу их отходящим войскам.

— Будем считать, что сюрприз удался, — улыбнулся я.

В ходе боевого рейда нас предварительно известили, что бригады будут наступать на Гдыню и Сопот. Последние дни мы продвигались почти без помех со стороны гитлеровцев и вскоре соединились с частями 2-го Белорусского фронта. В связи с резким поворотом боевых действий в сторону Данцигского коридора 1-я гвардейская танковая армия М.Е. Катуква поступила в оперативное подчинение 2-го Белорусского фронта.

Утром 9 марта Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский приказал обогнать 19-ю армию и к исходу дня передовыми отрядами захватить переправы на реке Леба в районах Фиргенкатера и Витцига, 10 марта нанести удар в направлении города Нойштадт (Вейхерово) и не позже 12 марта выйти севернее Гдыни к побережью Данцигской бухты (ныне Гданьская бухта).

Весна хоть и была в разгаре, но солнце редко выглядывало из-за облаков, чаще небосвод закрывали плотные дождевые тучи.

Корпус продолжал наступать в направлении Нойштадт, Яново. К исходу 10 марта завязались бои за Нойштадт, который был превращен противником в крупный узел сопротивления. 20-я и 21-я гвардейские механизированные бригады отражали в это время атаки фашистов с юга.

С ходу взять Нойштадт не удалось, только после перегруппировки сил в ночь на 13 марта корпус вновь атаковал противника, нанеся рассекающие удары в нескольких направлениях: 1-я танковая бригада наносила удар с востока, 19-я гвардейская механизированная — с юго-запада, 1-я Польская танковая бригада — с севера и тыла. Немцы, опасаясь полного окружения, спешно покинули Нойштадт, оставив много военной техники и большое количество складов. Особенно отличилась в бою 1-я Польская танковая бригада. Она блестяще совершила маневр и внезапно нанесла сокрушающий удар по гитлеровцам с тыла.

Утром 14 марта 19-я гвардейская механизированная бригада совместно с 1-й Польской танковой бригадой завязали бой за Яново, где проходил передний край главной полосы обороны укрепленного района. Противник, заняв заранее подготовленные позиции, оказывал упорное

сопротивление. Даже с подходом главных сил корпуса нам не удалось прорвать оборонительный рубеж.

Еще 13 марта 1-я гвардейская танковая армия М.Е. Катукова получила новую задачу: ударом 8-го гвардейского механизированного и 11-го гвардейского танкового корпусов с северо-востока, совместно с 19-й общевойсковой армией, прорвать Гдынский укрепленный район, разгромить немецко-фашистские войска и освободить Гдыню.

Гдынский укрепленный район являлся крепким орешком, и немецкое командование не случайно на протяжении ряда лет совершенствовало его по всем правилам инженерного искусства. Имелся внешний обвод, главная полоса обороны. Основу обороны составляли доты и дзоты с плотностью 4—6 единиц на километр фронта. Все подступы к ним прикрывали минные поля, железобетонные надолбы, рвы и проволочные заграждения. Вся эта железобетонная система как бы вписывалась в резко пересеченную местность, где преобладали холмы, овраги, сопки, поросшие лесом. Все кирпичные здания были приспособлены к длительной круговой обороне.

Нашим танковым войскам предстояло действовать не только в сложных погодных условиях, но и на пересеченной местности, где до предела был ограничен маневр. К тому же, войска, обороняющие Гдыню и Гдынский укрепленный район, поддерживались береговой и морской артиллерией противника.

Мне бы хотелось несколько слов сказать о незнакомой польской девушке, которая довольно неожиданно вручила мне ранним утром топографическую военную карту. На карте опытной рукой были нанесены все железобетонные укрепления крепости Гдыня. Девушка пояснила, где наиболее уязвимые места в крепости и с какого направления ее лучше атаковать. Сказать по правде, вначале я принял этот дар за фашистскую провокацию, но, как потом выяснилось, карта была подлинной и оказала нам немалую услугу в овладении Гдыней. Спустя годы, я узнал от маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова, что польская патриотка, вручившая мне карту, являлась активным членом подпольной организации и действовала по ее указанию.

Распоряжением штаба фронта 1-ю гвардейскую танковую бригаду и самоходно-артиллерийские полки 8-го гвардейского механизированного корпуса приказано было использовать для непосредственной поддержки дивизий 24-го стрелкового корпуса, а механизированные бригады ввиду их малочисленности вывести в резерв. Причем Польскую танковую бригаду передать в подчинение командира 11-го гвардейского танкового корпуса полковника Бабаджаняна.

После некоторой перегруппировки войска 1-й гвардейской танковой и 19-й армий возобновили наступление с целью прорыва главной полосы обороны Гдынского укрепленного района. Завязались ожесточенные бои. Распутица, резко пересеченная местность, бездорожье связывали боевые действия советских войск. Наши танки

наступали вдоль дорог, и попытки развернуться, отойти от дороги приводили к тому, что машины застревали и становились легкой добычей противотанковой артиллерии и минновзрывных заграждений гитлеровцев.

Чем ближе мы подходили к Гдыне, тем сильнее возрастало сопротивление немцев, любой ценой они стремились удержать в своих руках крупную военно-морскую базу.

23 марта войска 1-й гвардейской танковой и 19-й общевойсковой армий овладели Клайн-Катцем (Малы Кацк) и вышли к Данцигской бухте. Они рассекли 2-ю армию врага на две части и поставили ее в тяжелое положение. Только после этого нашим воинам удалось овладеть Гдыней.

26 марта закончились боевые действия 1-й гвардейской танковой армии в Восточно-Померанской операции. Наш корпус прошел с боями около 300 км, захватил в плен 16 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, 156 танков, 285 артиллерийских орудий, 45 бронемашин и транспортеров и много другого военного имущества. (*Архив МО СССР, ф. 299, оп. 3070, д. 712, л. 57.*)

За проявленный героизм, мужество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками 3200 человек удостоены орденов и медалей СССР. Все соединения и части корпуса награждены орденами.

По окончании боев 1-я гвардейская танковая армия по приказу штаба 2-го Белорусского фронта передавала боевой участок 19-й армии, после чего комбинированным маршем 30 марта сосредоточивалась южнее города Ландсберга (Гожув-Велькопольски), поступив в подчинение командующего 1-м Белорусским фронтом.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ВПЕРЕДИ — БЕРЛИН

После разгрома гитлеровской группировки в Восточной Померании 1-я гвардейская танковая армия М.Е. Катукова знакомой тропой вернулась к заросшим берегам Одера. Весть о том, что нам предстоит принять участие в штурме Берлина, вызвала у личного состава небывалый подъем.

Готовясь к берлинским боям, командование корпуса четко представляло себе все трудности, с которыми будет связана завершающая операция Великой Отечественной войны. Мы понимали, что гитлеровское командование поставит на карту все, чтобы оттянуть конец. Они, как смертники, будут отчаянно сопротивляться до последнего солдата, до последнего патрона, а километры немецкой обороны от Одера до Берлина окажутся плотно начиненными войсками, боевой техникой, разными инженерными сооружениями, поскольку эта стокилометровая полоса имеет тактическую и оперативную зоны обороны. Мы предвидели также, что ее небольшая глубина в сочетании с долговременными и дерево-земляными сооружениями и заграждениями не позволит танковым войскам осуществить в ходе наступления широкий маневр. Каждый окоп, траншею, каждый дот и дзот, каждую огневую точку придется брать в тесном взаимодействии с общевойсковой пехотой. А это, прямо скажем, не лучший способ применения подвижных войск в крупной операции.

«Если по прямой, — подсчитывали бойцы оставшиеся километры, — то меньше сотни, по кривой — сотня с гаком».

Близилась победа, но, мы знали это, — решающая схватка еще впереди. Часто в эти дни Одер затягивала пелена тумана. Здесь ни на минуту не прекращались бои, и эхо артиллерийской и авиационной канонады стремительно несло в сторону столицы гитлеровского рейха.

Никто не думал о длительной передышке, хотя необходимость в ней была. По непрерывному потоку боевой техники и личного состава, следовавших на укомплектование частей корпуса, безошибочно можно сделать вывод о сокращенных сроках подготовки к предстоящей операции.

Всюду мне и генералу Шарову бойцы задавали вопрос: «Скоро ли начнутся бои за Берлин?» Каждый чувствовал, что завершающие события уже назрели.

Берлинская операция была для нас пока как задача со множеством неизвестных, мы знали плацдарм, направление, с которого войска 1-го Белорусского фронта начнут наступление. Знали, что город на Шпрее, имеющий 4 миллиона жителей и 600 тысяч зданий, будет превращен в неприступную крепость. Понимали, что противник хоть и ослаблен, сломлен морально, но

драться в своем логове может с особым упорством и остервенением.

Обстановка поторапливала. Предварительно изучая по описаниям, картам и планам вероятные направления боевых действий, мы всякий раз обращались к Берлину. Не имея конкретных данных о вражеской группировке и инженерных сооружениях на берлинском направлении и в самом Берлине, командование корпуса все же не сидело сложа руки: изучались дороги, рубежи, полосы обороны, водные преграды, опорные пункты, вероятная плотность войск и техники в тактической и оперативной зонах. Начальник штаба корпуса гвардии полковник Владимир Парфенович **Воронченко** с карандашом и курвиметром в руках до дыр протирал карты и планы берлинских направлений, детально их исследуя.

Я не знал, когда спали мои товарищи по работе — **Воронченко, Коваленко, Андрияко, Урбанович** и другие офицеры штаба корпуса, отдыхал ли начальник политотдела корпуса генерал-майор Василий Михайлович **Шаров**. Все работали, как одержимые. Мы понимали, что путь на Родину лежит через Берлин.

Предметом особой заботы командования корпуса в подготовительный к берлинским боям период явилось разъяснение обращения Военного совета армии к воинам—гвардейцам, где говорилось, что, несмотря на огромную ненависть к врагу, мы должны быть гуманными. Советский воин на вражеской территории обязан вести себя с достоинством. Советская Армия призвана уничтожить фашизм и немецкий милитаризм, жестоко отомстить гитлеровским преступникам за все злодеяния, но месть эта ни в коей мере не может быть обращена против мирного населения Германии.

...Голубое апрельское небо дышит спокойствием. Яркое солнце потоком вливается в огромные окна и осыпает золотыми искрами сидящих. Члены военных советов армий и командиры корпусов молча застыли у своих развернутых карт, пристально всматриваясь в лицо командующего 1-м Белорусским фронтом. В центре огромного зала стоит макет Берлина, стены увешаны картами. Красные стрелы на них направлены к Берлину. Несколько секунд маршал Жуков рассматривает макет города, затем переводит взгляд на сидящих перед ним генералов.

— Военно-политическая обстановка, — Георгий Константинович говорит негромко, в раздумье, — поторапливает нас. Ставке известно, что союзники под видом помощи Советской Армии планируют в апреле разгром рурской группировки немцев и захват городов Лейпциг, Дрезден и Берлин. Верховному Главнокомандующему известно также, что захват Берлина до подхода наших войск — давнишняя мечта генерала Эйзенхауэра. Гитлера это устраивает. Они всюду оказывают советским войскам отчаянное сопротивление, а союзникам сдают города и села почти без выстрела. Взгляните, товарищи, на план операции. Это расстояние нужно преодолеть за двое суток, несмотря на плотность огневых средств обороны. Хочу предупредить — эти небольшие километры будут для нас тяжелыми и не в меру сложными.

Затем маршал Г.К. Жуков передал слово начальнику штаба фронта генералу М.С. Малинину.

— Помимо прочных инженерных сооружений, — начал он, — Гитлер в

полосе нашего фронта сосредоточил около миллиона солдат и офицеров, более десяти тысяч орудий, две тысячи танков, три миллиона фаустпатронов, не считая боевой авиации. От Одера до Берлина немцы создали мощные оборонительные полосы...

Еще раз удалось Гитлеру и Геббельсу при помощи лживых заверений мобилизовать огромное количество резервистов, сосредоточить небывалую плотность боевой техники на один километр фронта. Геббельсовская пропаганда распространяла в армии и среди населения слухи о противоречиях в лагере западных держав и скором распаде их союза с русскими. Много говорилось о новом «чудодейственном» оружии, о грандиозном наступлении в Силезии и Померании, которое должно нанести сокрушительный удар советским войскам.

Из доклада начальника штаба фронта мы узнали, что в Берлине созданы три укрепленных обвода, построено много дотов, дзотов, инженерных «сюрпризов».

В перерыве все плотным кольцом обступили макет Берлина с сетью водных путей, шоссе, дорог и промышленных объектов. Перед нами предстал в миниатюре город с 30 вокзалами, 120 железнодорожными станциями, протянувшийся с запада на восток на 45 километров, а с севера на юг — на 40. Город во многих местах пересекали каналы реки Шпрее, имевшие ширину до ста метров. На восемьдесят километров разветвилась под землей линия метрополитена.

Слушая доклады выступающих с мест командармов, командующий фронтом тут же, по ходу, вносил поправки в их предложения.

— Это не экзамен, не формальная проверка, а деловой разговор, — удовлетворенно заметил командарм Н.Э. Берзарин, когда совещание закончилось и присутствующие на нем командиры спешно укладывали в портфели карты и покидали штаб фронта.

Все было, на мой взгляд, детально разработано, отточено и увязано. Неизвестными оставались лишь день и час наступления.

— Судьба подымает нас на гребень истории, — сидя в автомашине, многозначительно произнес генерал Шаров. — Приятно сознавать, что мы — непосредственные участники этой решающей битвы.

Я согласился с ним.

Готовясь к берлинским боям, наш корпус в составе 1-й гвардейской танковой армии прошел с боями не одну тысячу километров, действуя чаще всего в оперативной глубине противника. Путь этот был суровым и длительным. Боевое мастерство гвардейцев ковалось на полях Подмосковья, под Орлом, Курском, Белгородом, в степях Украины, в Польше, на берегах Балтийского моря и Одера.

— Не будем закрывать глаза на действительность, — тревожился в эти дни Шаров, — мы не имеем достаточного опыта ведения боя в крупных городах. Восполнить этот пробел можно только дерзостью, смелостью и высоким мастерством.

— Василий Михайлович прав, — поддержал Шарова гвардии полковник **Воронченко**, — придется приспособливаться к новой обстановке. Танкистам генерала Богданова предстоит нанести удар вдоль северной кромки Берлина, нам

же следует вбить клин почти в самый центр.

...В помещении штаба неутомно трещат телефоны, мы с минуты на минуту ждем приказа о наступлении. Под шум кипящего тульского самовара подолгу изучаем по картам и планам направления водных каналов, улиц, наличие баррикад, опорных пунктов, подземные инженерные сооружения Берлина, подсчитываем концентрацию живой силы и техники на километр обороны противника.

Мы готовились терпеливо, старательно, пристально всматривались в каждую складку местности, в каждую улицу, каждый дом, отчетливо сознавая, что все это превратится в опорные пункты. Большое внимание на занятиях уделялось подготовке и выучке личного состава. Каждый солдат должен не только обнаружить, отыскать вражескую цель, но и определить способы ее ликвидации. А значит, уметь вести разведку и бой всюду, в любых узлах сопротивления — в домах, на этажах, на чердаках, в подвалах, на лестничных клетках.

На созданном в нашем тылу полигоне была сосредоточена вся трофейная техника гитлеровской армии: «тигры», «пантеры», орудия разных калибров, фаустпатроны. Все это не являлось для нас какой-то новинкой. Мы видели ее в боях и успешно боролись с нею. Но не все знали, как использовать эту технику против врага. Уметь бить противника его собственным оружием — весьма сложная задача.

Заслуживает большой похвалы работа командующего артиллерией корпуса гвардии полковника Константина Ахиллесовича Паппа. Почти все орудийные расчеты противотанковой артиллерии прошли через его руки. Он старательно учил, как нужно стрелять по вражеским танкам, артиллерийским орудиям, дотам, дзотам, как нужно поддерживать огнем, сопровождать танки и самоходки в ближнем бою.

К моменту выхода танковых войск на плацдарм, к рубежу ввода в прорыв, общевойсковая пехота должна освободить маршруты, колонные пути и районы выжидания. Танковые и механизированные войска, как правило, выдвигались на плацдарм в ночь перед атакой. Наша задача в этом конкретном случае — сохранить внезапность. Однако взаимодействие танковых подразделений с общевойсковой пехотой и авиацией на этом не кончалось. Мы организовывали взаимодействие по времени и рубежам на всю глубину планируемой операции и боя. С нами наступали и постоянно находились рядом приданные артиллеристы и авианаводчики, которые в любую минуту могли вызвать в нужное место огонь артиллерии и авиации.

Призыв Военного совета нашей армии бороться за честь первым открыть огонь по Берлину и первым ворваться в Берлин еще выше поднял боевой дух соревнования среди личного состава корпуса. Пример, как и всегда, показывали коммунисты и комсомольцы, которых в составе боевых экипажей и расчетов было большинство. Многие гвардейцы ускоренными темпами изучали немецкий язык. Мы, как школьники, зубрили на память особо ходовые слова и фразы. Записывали в блокноты трудно запоминающиеся названия рубежей, опорных пунктов, через которые потянутся на Берлин наши боевые порядки.

Как никогда ранее были предусмотрены все детали, все мелочи, которые могли бы повлиять на успех боя, детально отработаны с командирами бригад и их штабами возможные варианты построения боевых порядков, организация взаимодействия и управления как внутри наших войск, так и со стрелковыми соединениями, на участке которых нам предстоял ввод в прорыв. Окончательно были отработаны и увязаны вопросы взаимодействия с соединениями генерала Чуйкова. Подробно изучены маршруты, колонные пути до плацдарма и районов сосредоточения. Заканчивались последние приготовления к решающей схватке.

...Кюстринский плацдарм, с которого ударная группировка 1-го Белорусского фронта вот-вот начнет наступление, до отказа забит войсками и техникой. Не спят солдаты, не спит вся Советская страна, с затаенным дыханием ожидая начала последней завершающей битвы. По замыслу фронтового командования танковые армии будут вводиться в прорыв только после захвата общевойсковыми армиями второй полосы обороны противника — Зееловских высот.

В ночь перед атакой и вводом в прорыв никто из нас ни на минуту не смыкает глаз. Прижавшись к песчаным сыпучим буграм, я со своей оперативной группой — командующим артиллерией корпуса полковником К.А. Паппа и двумя офицерами оперативного отдела штаба корпуса — напряженно ждем сигнала для атаки. Мысленно представляю командиров бригад и полков, мчащихся по полю боя на своих неустойчивых танках — полковников Темника, Анфимова, Гаврилова, Лактионова, мастеров ближнего боя майоров Жукова, Шустова, Графова...

Стрелки часов уверенно приближаются к заветной цифре. Ночь, как по заказу. Темень непроглядная. Изредка постреливает артиллерия.

Еще раз проверяю по телефону готовность бригад и докладываю о ней командарму Каткову.

Московское время — 5.00. Берлинское — три часа ночи. Оглушительные раскаты артиллерийских залпов возвещают о начале Берлинской операции. Десятки тысяч орудий, тысячи «катюш» приступают к мощной методической обработке немецкой обороны...

История войн еще не знала такой плотности артиллерийских средств на километр фронта обороны, как в этой операции. От грохота артиллерии, продолжавшегося минут тридцать, дыбила земля. Тугая взрывная волна взметала к небу гигантские клубы пыли, дыма. Рассеиваясь, они наполняли чистый весенний воздух удушливым запахом пороховой гари. Казалось, боевая канонада все заслонила: не слышно ни людских голосов, ни телефонных звонков, ни тревожных позывных радиостанций. После артобработки свое слово сказала авиация.

Внезапная подсветка позиций противника ослепительными лучами прожекторов послужила сигналом общей атаки на кюстринском плацдарме. Вперед двинулись танки непосредственной поддержки пехоты, за ними, припадая к земле, устремились бойцы, уничтожая уцелевшую в окопах и траншеях вражескую живую силу.

К 12 часам войска 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова прорвали

первую полосу обороны, но в районе Зееловских высот встретили сильное сопротивление противника. Продвижение вперед застопорилось.

Сложившаяся неблагоприятная обстановка вынудила командующего фронтом Г.К. Жукова преждевременно ввести в бой 1-ю гвардейскую танковую армию. Было ясно: нельзя дальше допускать затухания атаки. Для развития общего успеха в прорыв должны безостановочно вводиться танки и пехота.

В 14.00 первый эшелон 8-го гвардейского мехкорпуса выступил с исходного рубежа и обогнал пехоту 28-го стрелкового корпуса в районе высоты 11,9; к 15.30 ударом с фронта и фланга овладел населенным пунктом Захсендорф. При дальнейшем продвижении бригады корпуса встретили упорное сопротивление на рубеже Зееловских высот.

В течение дня противник шесть раз контратаковал наши части, но выбить нас из Захсендорфа ему не удалось. Немцы потеряли убитыми 700 человек, пленными 300, было подбито 12 «тигров» и сожжено три самоходки, захвачено 10 орудий. Эхо боя все сильнее и настойчивее пробивалось к Зееловским высотам. Танкисты генерала Катукова и пехота Чуйкова дружно шли в атаку, отсчитывая последнюю сотню предберлинских километров.

К сожалению, наш маневр был ограничен: танки и пехота двигались почти впритык. В первый день боя нам так и не удалось прорвать тактическую зону и проникнуть в оперативную глубину. Прав был командующий фронтом, когда предупреждал нас: чем ближе наши войска будут подходить к Берлину, тем ожесточенней будет сопротивление немцев.

Перед густой сетью окопов, ходов сообщений, минных полей и других инженерных сооружений полевого типа грозно нависли Зееловские высоты — ключевая позиция немецкой обороны. В жестоком бою невероятными усилиями танкистов, мотопехоты и артиллерии частей Анфимова, Темника, Гаврилова был прорван один из участков обороны противника, и части корпуса вышли на рубеж западнее местечка Зеелов.

Натиск с нашей стороны усиливался, но возрастало и сопротивление немцев. Танки в упор расстреливали огневые точки противника, с большим трудом выковыривая словно бы вросших в землю фашистских пехотинцев. Предпринятая немцами еще одна контратака силами до двух полков и сорока танками из района западнее населенного пункта Дольгелин успеха не имела.

Вторые сутки на дальних подступах к Берлину шли кровопролитные бои. С полным напряжением сил приходилось брать каждый метр земли, каждую складку местности. Личный состав бригад проявлял отличную выучку и незаурядное мужество. Даже раненые—солдаты и офицеры не покидали поле боя.

В отражении вражеских контратак отличился мотострелковый батальон майора А.М. Кунина из 20-й Залещицкой механизированной бригады. Батальон уничтожил 4 легких танка, самоходку и до роты пехоты благодаря хладнокровию, выдержке и смелости его командира.

Батальон Героя Советского Союза капитана Владимира Александровича Бочковского прямой наводкой подбил 9 танков, уничтожил артиллерийскую батарею, несколько автомашин и до роты вражеской пехоты. Особенно

отличился рядовой этого батальона В.К. Крутаков. Устроившись на корме танка Т-34, он наблюдал за передвижением фашистского фаустника, который замаскировался на нашем пути. Боец Крутаков соскочил с танка, незаметно приблизился к фаустнику и забросал его гранатами.

За проявленное мужество В.К. Крутаков награжден орденом Красного Знамени.

Храбро дрались при отражении контратак врага артиллеристы отдельного дивизиона «катюш» под командованием майора Ю.С. Геленкова. Прямой наводкой, почти в упор, залпами расстреливали они танки и живую силу противника. Дивизион уничтожил более 100 танков и до двух батальонов пехоты.

Танковый батальон гвардии майора Графова для отражения контратак врага занял фланговое положение. Когда фашисты двинулись в контратаку, их прямой наводкой расстреляли танкисты Владимира Сергеевича Графова. В этом бою было уничтожено 15 танков, артиллерийский дивизион и до роты пехоты.

Несмотря на тяжелые, непрерывные бои, некоторые неудачи, среди личного состава корпуса, как я заметил, царил атмосфера уверенности, собранности и деловитости.

18 апреля вторая половина дня обозначилась некоторым успехом. Части корпуса преодолели мощный заслон на Зееловских высотах и овладели населенными пунктами Зеелов и Фредерсдорф. Пала еще одна важная позиция немецкой обороны на ближних подступах к Берлину. Впереди плотным поясом лежала река Шпрее, голубели водоканалы, горбились многочисленные полосы инженерных оборонительных сооружений полевого и долговременного типа.

К исходу дня части корпуса успели отбить еще одну вражескую контратаку. Наступление развивалось медленно, немцы вводили в бой все новые и новые резервы, и корпус так и не выполнил дневной задачи: глубокая и плотная оборона противника не позволяла нашим войскам вести широкий маневр.

Наплывала темнота. На нашем направлении затихали выстрелы. Местами еще полыхали пожары и сверлили темное небо сигнальные ракеты. Западнее Зеелова начиналась холмистая местность с большим количеством лесных массивов, которые прикрывали отход немецких войск. Здесь дымились землянки, догорали склады; тщательно замаскированные в мелком кустарнике, сиротливо стыли брошенные солдатские кухни. Наши «виллисы» на большой скорости неслись к развилке дорог, где задержалась моя оперативная группа.

— Товарищ генерал-майор, — подскочил ко мне майор Коваленко, — командарм Катюков требует ускорить темп наступления и к исходу суток доложить о выполнении поставленной задачи. Дополнительные боевые распоряжения бригадам отданы, связь с соседями восстановлена.

Наступил рассвет. По всему фронту заговорили танковые пушки и артиллерия, потянулись эскадрильями на вражескую столицу советские бомбардировщики, грозно сверкая серебристыми крыльями в безоблачном небе.

Вскоре командиры 1-й гвардейской Чортковской танковой и 20-й гвардейской Залещицкой механизированной бригад полковники Абрам Матвеевич Темник и Алексей Игнатьевич Анфимов по радио доложили о том,

что плотная лавина танков и пехоты противника из района Макенсдорф обрушилась на смежные фланги их бригад. В тяжелом положении оказались танкисты подполковника **Гаврилюка**, майора **Жукова** и мотострелковый батальон майора **Кунина**, которые отбивали яростные атаки врага.

Получив тревожную радиограмму, я выехал в Макенсдорф к Темнику. Первое, что бросилось в глаза, — это лавина огня. Пламя быстро расплзлось по крышам домов немецкого селения, заливало улицы. Любой ценой гитлеровцы пытались приостановить наше продвижение на запад. Введенная мною в бой из второго эшелона корпуса механизированная бригада полковника **Гаврилова** нанесла по противнику удар с северо-запада.

После двухчасового напряженного боя вражеская группировка начала отход, недосчитавшись более двух десятков подбитых и сгоревших танков, сотен солдат и офицеров.

Закончив по радио разговор с командармом, я пришел к выводу, что Катукوف доволен предварительным итогом боевого дня.

Вечерело. Части корпуса по пятам преследовали отходящего противника. Сырой упругий ветер старательно относил на запад глухие раскаты канонады. Под стальными гусеницами мощных КВ и Т-34 дрожала земля. Грозные машины одна за другой перекатывались через окопы и траншеи немецкой обороны, которые в панике покинули гитлеровские вояки.

Наконец, гвардии полковник Владимир Парфенович **Воронченко** доложил мне, что разведчики 20-й механизированной бригады переправились через реку Шпрее у города Фюрстенвальде и захватили плацдарм. Но особо отличились гвардейцы майора **Графова**. Его отряд в составе пяти танков, трех самоходных артиллерийских установок, четырех бронетранспортеров и роты автоматчиков получил приказ занять город Эркнер, захватить мосты через канал между озерами Фланкен-зе и Демериц-зе. Разведчики внезапным ударом с тыла овладели Эркнером, пленив пятитысячный гарнизон. Едва определив, что ведущая к железнодорожному мосту дорога не заминирована, Графов принял решение прорваться туда на большой скорости. Дерзкий замысел был успешно осуществлен. Разведчики отразили три вражеских атаки, стойко удерживая ключевые позиции до подхода основных сил корпуса. За эту блестяще проведенную операцию Владимир Сергеевич **Графов** был удостоен звания Героя Советского Союза.

Итак, началась битва за подступы к Берлину. Буквально на глазах столица фашистской Германии там, где проходила линия обороны, превращались в груды развалин. Наша пехота — царица полей — вместе с саперами, поддерживаемая краснозвездными танками, самоходками и артиллерией, прокладывала путь от дома к дому. Не просто бой — сражение шло за каждый подвал, этаж, комнату, чердак. Горели и рушились здания, в которых прочно засели гитлеровцы.

«Неужели такой ад, начавшийся в январе этого года, может столь долго продолжаться? — недоумевал в своих показаниях пленный фашистский офицер. — Невозможно осознать всего того, что произошло между Вислой и Одером, Одером и Берлином. Сорок пятый год — это последний акт величайшей трагедии моего народа», — признал он в заключение.

Гитлер загнал в окопы, как показали последние бои, не только нестроевых солдат и седовласых стариков, но и безусых юнцов. Заметно падал боевой дух вояк немецкой армии, служащих государственных учреждений, постепенно развеивался фашистский угар и среди гражданского населения.

Помню, корпусной разведчик подполковник **Андрияко** зачитал нам как-то отрывки из писем немецких офицеров и солдат: «Милая Моника! — писал в одном из своих, очевидно, последних, посланий некий Ганс Ш. из Мюнхена. — Пишу тебе, видимо, последнее письмо. Я погиб! Нет жизни нам ни на земле, ни на небе. Все горит и рушится. Русские наступают, и вряд ли какая сила остановит их».

«Мой ангел! — это отрывок из второго письма. — Мы с другом потеряли счет суткам. Русские беспрерывно атакуют. Пропал и аппетит и сон: Мы обросли, оборвались. Не видно конца этой проклятой жизни. Часы мои остановились. Вот так, ангел мой, может остановиться мое сердце, и ты не будешь знать, где похоронен твой любимый муж...»

Безысходной тоской, разочарованием веет и от письма рядового Ш., уроженца Гамбурга: «Милая! Жизнь моя висит на волоске. Русские прижимают нас к Берлину. Отступить некуда...»

20 апреля 1945 года мотострелковый батальон 21-й гвардейской механизированной бригады под командованием капитана Казимира Адамовича **Томашевского**, проявляя исключительное мужество, первым форсировал Шпрее и захватил плацдарм на ее противоположном берегу. Отразив контратаку немцев, он обеспечил форсирование реки остальным подразделениям бригады. В этом бою капитан К.А. Томашевский был тяжело ранен, но не покинул поле боя, руководил батальоном до полного разгрома гитлеровцев на плацдарме.

Командир танковой роты разведывательного мотоциклетного батальона старший лейтенант Александр Петрович **Долгов**, действуя в составе разведывательного отряда майора **Графова** по захвату города Эркнера и переправ через каналы, стремительным броском овладел в тылу врага железнодорожной станцией Ханхельберг, перерезал железнодорожную магистраль Фюрстенвальде—Берлин. 21 апреля его рота овладела переправой через канал, соединяющий озера Демериц-зе и Фланкен-зе, и вышла к двухколейному железнодорожному мосту длиной в 120 метров, проходившему через канал. Уничтожив охрану, рота заняла оборону и успешно отразила контратаку врага. В течение двух часов танкисты совместно с десантом пехоты вели жаркий бой с численно превосходящими силами противника и удержали мост до подхода передовых частей корпуса.

За оперативное решение поставленных задач, проявленные в боях воинскую доблесть и мужество офицерам-гвардейцам **Томашевскому** Казимиру Адамовичу и **Долгову** Александру Петровичу присвоено звание Героя Советского Союза.

21 апреля части корпуса пересекли кольцевую берлинскую автостраду, преодолев последние опорные пункты перед Берлином — Кёпеник и Адлерсхоф. На пятый день наступления первый эшелон корпуса — 1-я гвардейская танковая, 20-я и 21-я гвардейские механизированные бригады вышли на окраину Берлина.

Боевая канонада не стихала. Наша авиация массированно бомбила Берлин, расчищая путь войскам.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ШТУРМ ФАШИСТСКОГО ЛОГОВА

В ночь на 22 апреля корпус овладел Марцаном, а к исходу дня завязался бой за Берлин.

К столице третьего рейха, охваченной пламенем пожаров, непрерывно подтягивались войска. На рассвете я долго всматривался в жилые кварталы Берлина, сличая их с планом города. Ориентироваться в таком огромном, ежеминутно меняющем свой облик городе первое время было довольно трудно: полыхали и на глазах рушились дома, обваливались крыши, превращались в щебень кварталы. Казалось, небо вздрагивало, заслонялось от земли густой багрово-черной завесой огня, дыма и пыли.

Все ж я увязал свои боевые действия с правым соседом—частями 11-го гвардейского танкового корпуса нашей армии — и с левым — соединениями 25-го гвардейского корпуса — и тут же доложил командарму Катукovu о начале штурма Берлина.

На окраине города, на улице Бергштрассе, я заметил машину заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом генерала армии В.Д. Соколовского. Весьма обрадовался встрече. Василий Данилович был спокоен, рассудителен, как всегда, несмотря на сложность обстановки. Один его вид подбадривал. Стряхнув с себя тревогу, внутренне собравшись, я коротко доложил о положении. Генерал внимательно выслушал мой доклад, дал исчерпывающие указания и уехал на соседний участок.

Бой шел несколько часов. Письменные донесения и устные доклады пока не радовали. Части корпуса с большим трудом, неся тяжелые потери, вгрызались в городские кварталы. Наступление развивалось медленнее, чем можно было ожидать. Командиры бригад жаловались, что обнаружить огневые точки противника не только тяжело, но порой вообще невозможно. Стреляли каждый этаж, каждое окно и даже развалины. И опять-таки до предела был ограничен маневр танков и самоходных артиллерийских установок. Дворы, улицы и переулки города, забаррикадированные, плотно прикрытые противотанковым огнем, минами и фаустпатронами, приходилось брать штурмом.

— Вас вызывает «верх», товарищ генерал, — отрапортовал радист.

Я взял трубку.

— Доложите обстановку, — послышался недовольный голос командарма.

Моих оправданий рассерженный Катукov как бы не слышал, и только заверение, что поставленную задачу выполним, очевидно, смягчило гнев

Михаила Ефимовича. Голос его дрогнул.

— Выполняйте и не роняйте свою боевую репутацию, генерал-майор.

Штурмовые отряды и группы медленно продвигались вдоль горящих улиц. Узкие переулки легко простреливались пушками, прострачивались пулеметами и автоматами. Активные и настойчивые атаки в первый день городского боя не дали нам нужных результатов: части корпуса продвинулись с боями на незначительное расстояние. Пришлось, как говорится, на ходу перестраиваться, пересматривать формы и методы ведения ближнего боя в условиях большого города.

Ширина улиц не позволяла сосредоточивать большие силы войск и техники, каждый квадратный метр площади находился под губительным вражеским огнем. Засевшие в дотах, дзотах, домах, подвалах гитлеровцы вели прицельный огонь. В сложном лабиринте многоэтажных укреплений безошибочно отыскать огневую точку, а затем уничтожить ее было нелегко.

В этих условиях увеличивались трудности ведения боя и управления войсками, но одновременно возрастала роль одиночного бойца, отделения, расчета, взвода, роты. Ближний бой потребовал от каждого из нас небывалой инициативы, изобретательности и выдержки.

Засевших в жилищах немцев приходилось выбивать огнем, гранатами, штыком. Особую опасность для наших танков, самоходок и артиллерии представляли вражеские фаустники, укрывшиеся в труднодоступных местах. Сделав выстрел, они, как правило, меняли позицию.

Как оказалось, основная масса жителей не покинула столицы и отсиживалась теперь в подвалах, бомбоубежищах, в метрополитене. Из окон некоторых зданий свисали белые полотнища флагов, означающих капитуляцию гражданского населения.

Уже к концу дня был установлен контакт с жителями освобожденной части Берлина. Первыми выбрались из укрытий детишки и старики и, убедившись в нашем миролюбии, потянули за собой остальных. Обычно мирное население стекалось к солдатским кухням, поэтому поварам приходилось работать почти круглосуточно. Мы не только кормили берлинцев, но и оказывали больным и раненым медицинскую помощь.

Штурм Берлина продолжался. Атаки шли волной — одна за другой. Под ураганным огнем разбирались заграждения, блокировались доты и дзоты. Крики «ура» не смолкали в рокоте городского боя.

На второй день части корпуса и наши соседи по-прежнему медленно продвигались вперед, ведя изнурительные бои. В лучшем случае за день мы преодолевали 700—900 метров. Наконец, штурмовые группы 1-й гвардейской танковой и 20-й гвардейской Залещицкой механизированной бригад прорвались на Берлинерштрассе.

Уличные бои в таком крупном городе, как Берлин, требовали от нас приблизить управление войсками во всех звеньях боевого порядка. Главным и основным было постоянное личное общение командира с бойцами, начальника с подчиненными. Правда, мы не отказывались и от радио, телефона, подвижных средств.

Корпус отвоевывал у противника улицу за улицей, дом за домом, имея общую задачу наступать в направлении Кайзерфридрихплац, Шезенауштрассе, Наркштрассе, Бюловштрассе, Клейнештрассе и зоологического сада.

Двухсуточный боевой опыт показал, что немцы умело приспособивали к устойчивой обороне многоэтажные дома, нередко ставили минновзрывные заграждения в коридорах, на лестничных клетках, балконах, в комнатах и оконных проемах, — всех узких местах зданий. Поэтому нам предварительно приходилось изучать каждый атакуемый объект, и затем уже принимать окончательное решение: обойти его, заблокировать или, как крайний случай, уничтожить. Для этого поддерживали постоянную связь с авиацией. Разрушать старались как можно меньше: завалы из кирпича и бетона преграждали путь, создавая дополнительные неудобства для успешного продвижения.

Прогнозы и предположения командования относительно завышенных норм суточного расхода боеприпасов всех видов для берлинских боев полностью оправдались. Первые бои в Берлине показали, что особенно много расходуется ручных и противотанковых гранат, винтовочных, автоматных и пулеметных патронов, танковых и артиллерийских снарядов разных калибров, осветительных ракет, дымовых шашек, мин разных систем и марок, а также взрывчатки.

Мы внимательно изучали в ходе боя тактику в разных условиях дня и ночи.

Трудно было ориентироваться и в лабиринтах полуразрушенных домов и подземных убежищ. Ко всему этому, мы двое суток не видели солнца. Не потому, что оно не показывалось, а потому, что его лучи не могли пробиться через толстую пелену дыма, огня и пыли.

Если шестидесятикилометровое расстояние до Берлина наши войска покрыли за пять суток, то на штурм самого города, как показали первые уличные бои, потребуется времени куда больше. С каждым днем противник активизировал свои действия, но и мы уже накопили кое-какой опыт. Перед штурмом укрепленных объектов предварительно наносился огневой удар по местам вероятного скопления живой силы. Под прикрытием огневых средств устремлялись вперед группы разграждения, состоявшие из саперов и разведчиков-наблюдателей, которые указывали цели сигнальными ракетами. Затем вводились главные силы штурмовой группы: танкисты, самоходчики, артиллеристы, мотопехота. Группы прикрытия вели огонь по входным дверям, подъездам, окнам, балконам и баррикадам.

Командующий фронтом маршал Жуков приказал 1-й гвардейской танковой армии захватить аэродромы Адлерсхоф и Темпельхоф, где находился личный резерв военно-воздушных сил фюрера. В его состав входили лучшие фашистские асы. Задание было сложным, требовало от исполнителей особого риска и решительности.

Аэродром Адлерсхоф раскинулся в трех километрах от наших передовых позиций, а центральный аэродром Темпельхоф — в 15 километрах. Проведение этих дерзких по замыслу операций было поручено командиру разведывательного мотоциклетного батальона майору В.С. **Графову**. Штурмовую группу усилили танковым батальоном майора Героя Советского Союза В.А. **Жукова** из состава

1-й гвардейской Чортковской танковой бригады.

Под покровом темноты гвардейцы начали рейд. Вскоре радиосвязь с ними прервалась. Танки будто канули в ночь. Однако на рассвете Графов отозвался и бодро доложил, что благополучно форсировал Шпрее и после короткой стычки захватил аэродром Адлерсхоф, в бою уничтожено около 70 самолетов.

Следом за Графовым дал о себе знать майор Жуков: «Преодолею Тельтовканал, веду бой». Спустя полчаса поступило тревожное донесение от Графова: «Окружен. Веду бой. Держусь. Связи с Жуковым нет». Вскоре Графов с Жуковым соединились и совершили бросок к Темпельхофу, который был расположен в четырех километрах от рейхстага.

Более двадцати часов группа вела тяжелый бой с превосходящими силами противника. Все наши попытки пробиться и выручить смельчаков оказывались безуспешными. И все-таки в самый критический момент к Темпельхофу с боем прорвался батальон майора М.К. Шестакова и несколько экипажей тридцатьчетверок 20-й гвардейской механизированной бригады. В этом бою был смертельно ранен бесстрашный офицер-танкист Герой Советского Союза Владимир Александрович Жуков.

Пали смертью храбрых, не дожив до светлого и радостного дня Победы, боевые командиры 8-го гвардейского механизированного корпуса полковники Петр Ефимович Лактионов, Абрам Матвеевич Темник, Иван Васильевич Гаврилов.

Командир 21-й гвардейской Ярославской механизированной бригады гвардии полковник Петр Ефимович Лактионов сражался еще в гражданскую войну. Великую Отечественную начал с первого ее дня. Был опытным и знающим свое дело командиром, храбрым, настойчивым, требовательным во время боя, всегда находился в боевых порядках частей и подразделений. Под его руководством бригада первой ворвалась в Берлин и успешно продолжала громить врага. В одном из уличных боев за Берлин комбриг Лактионов был смертельно ранен. Несмотря на все попытки врачей спасти героя, он скончался от тяжелых ран в госпитале.

За умелое руководство боевыми действиями, личную храбрость и отвагу ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Командир 1-й гвардейской Чортковской танковой бригады гвардии полковник Абрам Матвеевич Темник — участник халхингольских событий 1939 года. На фронтах Великой Отечественной — с первых дней. В трудных изнурительных боях проявил себя как исполнительный, смелый, инициативный командир. Возглавлял бригады передового отряда корпуса.

Личной храбростью, упорством, настойчивостью и умением Абрам Матвеевич добился на своем направлении полного успеха и на плечах отступающих гитлеровцев ворвался в Берлин. Действовал, как всегда, решительно и смело, личным примером воодушевлял бойцов на подвиг. Осколок вражеской мины оборвал жизнь прекрасного человека и командира. Посмертно гвардии полковнику А.М. Темнику присвоено звание Героя Советского Союза.

Командир 19-й гвардейской Лодзинской механизированной бригады гвардии полковник Иван Васильевич Гаврилов — участник гражданской и

Отечественной войн. Опытный, блестяще подготовленный офицер. В последних боях за Берлин гвардии полковник Гаврилов постоянно находился в боевых порядках бригады. Его любили все бойцы и командиры за беспримерное мужество, отвагу, смелость, за воинский талант и самоотверженность.

Посмертно гвардии полковнику И.В. Гаврилову присвоено звание Героя Советского Союза.

Под сильным огнем противника стрелковый взвод 21-й гвардейской механизированной бригады под командованием младшего лейтенанта Ивана Спиридоновича **Мякишева** форсировал реку Шпрее и захватил плацдарм на вражеском берегу. Гвардейцы-пехотинцы обеспечили форсирование реки другим частям. Взвод отразил две контратаки противника, в одной из которых Мякишев был тяжело ранен, но не покинул плацдарм, продолжая управлять боем.

24 апреля первым на нашем участке прорвался к Тельтов-каналу мотострелковый батальон 20-й гвардейской мехбригады майора М.К. **Шестакова**. Мосты противник предусмотрительно взорвал. Остался только один — узкий пешеходный проход, который, к тому же, простреливался сильным прицельным огнем. Майор бросился вперед через мост, увлекая за собой остальных. Сквозь свинцовый ливень гвардейцы Максима Кузьмича пробились-таки на плацдарм и, заняв оборону, обеспечили тем самым благополучную переправу через Тельтов-канал наступающих частей.

Бой в многоэтажных объектах в несколько раз сократил расстояние между обороняющимися и наступающими войсками и до предела усложнил боевые действия. Групповые и одиночные схватки на этажах, чердаках, лестничных клетках, в подвалах имели свою природу, свои приемы, наконец, свою тактику, которыми наши гвардейцы овладевали в ходе суровой берлинской битвы.

Танки и самоходки, прижавшись к жилым зданиям, разили прямой наводкой огневые точки противника во дворах и баррикады на улицах. Затем их огонь переносился на окна, чердаки, лестничные клетки зданий. В последнюю очередь в ход шли гранаты и штыки. После захвата дома подавались сигналы ракетами, и группы огневого обеспечения тотчас же переносили огонь на очередной объект.

Так шаг за шагом, дом за домом мы пробивались к центру Берлина. Порой невозможно было точно установить, где фронт, а где тыл.

После 30-минутного огневого налета части корпуса приступили к форсированию Тельтов-канала. Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, в 13.00 нашим подразделениям удалось переправиться на северный берег канала и просочиться к домам. Саперы приступили к наведению паромных переправ. С выходом танков и артиллерии на плацдарм положение передовых частей значительно облегчилось и продвижение ускорилося. Вскоре бой шел уже в глубине улиц.

Теперь перед корпусом стояла новая задача: выйти на Зейштрассе и Германерштрассе, а к исходу дня перерезать железную дорогу с выходом на Бюловштрассе.

Фаустники, пулеметчики и автоматчики, засевшие в зданиях и развалинах,

подпускали наши подразделения на близкое расстояние и били в упор. Гитлеровцы выбирали для обороны такие места в домах, откуда можно вести фланговый и прицельный огонь. Это, в свою очередь, обязывало нас систематически вести наблюдение за противником и разведку. Некоторая часть гражданского населения выводила фашистов в тыл советских частей и после обстрела прятала их. Соппротивление гарнизона было настолько ожесточенным, что нашим танкам и артиллерии порой приходилось полностью разрушать строение, превращая его в развалины.

Продолжая наступление, бригады вышли к железной дороге на Метернштрассе, где также встретили упорное сопротивление противника. Лишь после перегруппировки штурмовые группы бригад возобновили наступление в направлении южной части зоосада. Немцы нехотя отходили, прикрываясь огнем и минновзрывными заграждениями.

Летели бессонные ночи. Седьмые сутки части корпуса вели кровопролитные уличные бои. Мы ели и спали на ходу. По-прежнему отсутствовала четкая линия фронта и тыла. Все смешалось и шло вопреки параграфам военных уставов. Штаб корпуса, штабы бригад и полков сутками находились в боевых порядках своих подразделений, организуя бой и осуществляя контроль. Не раз они попадали в огневые клещи противника, вели бои в лабиринтах полуразрушенных зданий и выходили победителями.

Выделялась особой четкостью работа штаба 21-й гвардейской механизированной бригады и, в частности, гвардии майора Менделя Хаимовича **Геллера**, который бесперебойно обеспечивал устойчивое управление частями и подразделениями в бою.

Под стать ему была и его жена Зинаида Андреевна **Геллер**, вынесшая на своих руках не одну сотню раненых солдат и офицеров. На второй день войны девушка поступила на курсы медсестер. Прошла с боями от Москвы до Берлина. С виду хрупкая, нежная, Зина честно и мужественно выполняла свой воинский долг перед Родиной.

За добросовестное отношение к своим обязанностям, бесстрашие и личную доблесть З.А. Геллер награждена двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Инициативными, настойчивыми показали себя офицеры оперативного отдела штаба корпуса майоры **Коваленко** и **Бондарь**. Работали они с повышенной точностью и высоким знанием своего дела.

Поразительно кипучую деятельность развернул в эти дни гвардии полковник П.И. **Солодахин**. Помню, мы почти все валились с ног от усталости, а ему будто все нипочем. Умел держать себя в руках. В берлинских боях блестяще, оперативно организовывал и проводил политическую работу с солдатами и офицерами бригады по выполнению боевых задач.

Похвально, с точки зрения военного мастерства, в организации ближнего боя танковых штурмовых групп действовал начальник штаба 1-й гвардейской танковой бригады полковник Е.П. **Катыркин**. Всегда грамотно оценивал боевую обстановку, молниеносно принимал правильные решения.

Боевая жизнь показала, что разрыв между наступающими войсками и

штабами в условиях крупного города исчислялся не километрами, а сотнями и десятками метров. Основным средством управления была радиопроводная связь, а больше всего личное общение.

Приближался знаменательный праздник — День 1 Мая. И хотя мы не видели зеленой травы, цветов, совсем не ощущали запаха свежего весеннего воздуха, но даже в пороховом дыму предчувствовали близость радостных перемен.

Упорные бои продолжались. Все чаще встречались вмурованные в баррикады пушки и танки. Справиться с ними могли только артиллеристы. Они расстреливали их из тяжелых систем прямой наводкой. Довершали дело отряды разграждения, имеющие в своем распоряжении танковые тягачи.

Штурм центральной части Берлина был намечен приказом командующего фронтом на 29 апреля. Задача корпуса оставалась прежней.

Не успело апрельское солнце подняться из лабиринтов уцелевших многоэтажных домов, как на позиции противника обрушился мощный шквал артиллерийского и танкового огня, штурмовые группы и отряды корпуса бросились в атаку. И тотчас же ожили огневые точки противника в развалинах, на баррикадах, в зданиях.

Однако части корпуса вскоре овладели Ангальтским и Потсдамским вокзалами. В центральной части города огневое сопротивление противника значительно возросло. На пути встали вмурованные в развалины противотанковые пушки, которые вели губительный огонь.

Мне с полковником **Анфимовым** хорошо было видно, как штурмовые группы ликвидировали отдельные очаги сопротивления в тылу Ангальтского вокзала, мешавшие дальнейшему продвижению наших частей вперед. Наконец, я доложил командарму Катукovu о ликвидации вражеских групп в освобожденной части города.

К концу дня усилилась артиллерийская канонада на северной окраине — это соединения генерала Кузнецова начали штурм рейхстага.

Сломив сопротивление гитлеровцев на своем направлении, корпус развернул боевые действия на подступах к зоологическому саду.

Из приказа командарма следовало, что штурм зоологического сада планируется совместными усилиями двух гвардейских армий — 1-й танковой и 8-й общевойсковой.

1 мая в 18 часов стало известно, что Геббельс и Борман отвергли требование Советского правительства о безоговорочной капитуляции. В ответ на это заговорили тысячи орудий. Гитлеровцы с отчаянием обреченных прилагали последние усилия, пускали в ход все средства современной обороны, чтобы остановить наступательный порыв советских войск. Но исход сражения был предрешен. История отсчитывала последние минуты существования фашистской Германии.

2 мая пали рейхстаг и гитлеровская канцелярия. Доживала последние минуты вражеская оборона в зоологическом саду. Отборные эсэсовские отряды медленно отходили, устилая трупами прилегающие к саду улицы.

Шел одиннадцатый день штурма Берлина. Командование армии торопило

нас с ликвидацией группировки в зоологическом саду. Командиры бригад бросили в бой все резервы. Натиск усилился. Через проделанные танками, артиллерией и саперами проходы в обороне врага хлынули штурмовые группы, блокируя и уничтожая огневые точки и живую силу неприятеля уже в самом зоологическом саду.

Телефонный звонок командарма был для меня неожиданным. Я плотно прижал к уху трубку и сквозь грохот разрывов едва расслышал охрипший голос Катукова.

— Иван Федорович, — кричал он, — немедленно прекрати огонь! Немцы капитулировали!

Наступившая тишина была какой-то необычной. Затухали сами собой пожары. Весеннее небо медленно сгоняло с себя пороховую гарь. Дым, копоть оседали на изуродованную снарядами и осколками землю. Из подвалов уцелевших домов, из развалин, понурив головы, грязные, оборванные, заросшие, выползали и сдавались в плен гитлеровские солдаты и офицеры. Вид у них был, прямо скажу, жалкий. Их строили в колонны и отправляли на сборные пункты.

Не верилось, что эта звенящая тишина — надолго, что кончилась война. Охватившая всех радость быстро перешла во всеобщее бурное ликование. Солдаты и офицеры обнимали и поздравляли друг друга. Кто-то плакал от радости. Эти волнующие минуты я запомнил на всю жизнь.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

МИР НА ЗЕМЛЕ

2 мая 1945 года было самым радостным и долгожданным для советского народа днем. В это майское солнечное утро командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг по предложению советского командования подписал приказ берлинскому гарнизону прекратить сопротивление и сложить оружие. Пал Берлин — логово фашизма, цитадель германского империализма, который подготовил и развязал на протяжении жизни одного поколения две мировые войны. При кайзере этот разбой, возведенный в ранг государственной политики Германии, именовался битвой за «место под солнцем», при Гитлере — «борьбой за жизненное пространство».

Постепенно Берлин оживал. Расчищались от завалов улицы, растаскивались баррикады, заграждения, разминировались проходы в переулках. На уцелевших зданиях, вышках, колоннадах пламенели знамена, водруженные советскими воинами во время боев. Всюду в знак капитуляции маячили белые флаги, которые крепили, где только можно, мирные жители.

Советское командование в первые минуты мирной жизни города тотчас принялось за организацию питания, медицинского обслуживания и патрульной службы. Удивительно, сколько блуждало гражданских немецких лиц в нашей зоне. Двигались пешие и конные, на машинах и велосипедах, с котомками за плечами.

На улицах Берлина прочно установилась мирная тишина. Однако в моих ушах еще долго звучала артиллерийская канонада, стук пулеметных и автоматных очередей и раздирающий душу вой авиабомб.

За годы войны почти каждый из нас привык реагировать на малейший шорох, крик, стук, выстрел. Длительное время я спал, не раздеваясь, часто просыпался, хватался за оружие или телефон.

9 мая 1945 года мы праздновали День Победы. Митинги, торжественные обеды, вручение боевых наград...

После Дня Победы 1-я гвардейская танковая армия вышла из Берлина и расквартировалась в его пригороде. В новом районе дислокации мы усиленно готовились к строевым смотрам, приводили в порядок боевую технику, снаряжение, обмундирование. Отыскивали и строили полигоны, танкодромы, стрельбища и тирсы для учебно-боевых стрельб и вождения.

Кое-кто шутил, что, дескать, не мешало б после таких суровых испытаний хорошенько отоспаться. Но военно-политическая обстановка не позволяла нам расслабляться.

Бежали дни за днями. Мы много общались с мирным населением, помогали ему. В районе наших частей за весь период пребывания войск не было никаких жалоб со стороны немецкого населения на недостойное поведение, проступки кого бы то ни было из воинов. Прямо скажем, личный состав соединения держал себя с достоинством.

С помощью советского командования налаживалось снабжение жителей городов, открывались торговые предприятия, заработал транспорт. С каждым днем улучшались бытовые условия городского и сельского населения.

Налаживалось местное самоуправление. В людей вселилась надежда на лучшее будущее. Они убедились, что Советская Армия не пришла воевать с мирным населением, как об этом кричала геббельсовская пропаганда.

Не раз мне приходилось сталкиваться с различными категориями населения Германии. Должен сказать, немецкий народ отличается трудолюбием, организованностью, расчетливостью. Умеет работать и отдыхать.

И вот уже закончилась победная весна, наступило первое мирное лето. Многие поговаривали об увольнении из рядов Советской Армии, кто помоложе — об отпусках и долгожданных встречах с семьями, родными, близкими. Сжималось от боли сердце при мысли, скольким сиротам, вдовам придется оплакивать своих кормильцев, которые не вернулись с войны, полегли в бою, защищая любимую Родину.

Вскоре решил вопрос с отпусками домой. И, как ни странно, самыми, пожалуй, тягостными днями в нашей послефронтной жизни стали расставания с боевыми друзьями, товарищами по совместным суровым боям с врагом, с кем делили и последний сухарь, и горечь утрат, и радость побед.

Уходили из Вооруженных Сил в запас опытные, закаленные в боях солдаты, служившие костяком наших частей. Особенно тяжело было разлучаться с теми, с кем довелось пройти нелегкий путь от Москвы до Берлина.

Отбывающие гвардейцы стройными рядами замерли у боевых знамен части. Они клялись своим товарищам, павшим и живым, не ронять чести воинской славы, быть на переднем рубеже мирного строительства, поддерживать постоянную связь со своей частью, где бы она ни находилась.

Все меньше оставалось в нашем боевом коллективе ветеранов. Заметно обновлялись офицерские кадры, которые частично увольнялись в запас, отправлялись на учебу, перемещались на другие должности.

В моей личной жизни также произошло знаменательное событие. Из Берлина ночью мне сообщили по телефону, что приехала жена с детьми. Через час я был в полуразрушенной гостинице берлинского вокзала. Услышав доклад дежурного: «Товарищ генерал, ваша жена с маленькой девочкой и сыном разместились на втором этаже в двадцатом номере», — я на мгновение оцепенел от ужаса.

«Сын! Что-то случилось со вторым сыном... — мелькнуло в голове. — Откуда взялась девочка?»

Не помню, как поднялся на второй этаж, как подошел к двери номера. В висках стучало, сердце колотилось от волнения. Дверь открылась, и в моих объятиях оказались жена и двое сынишек.

Наконец, после длительной разлуки мы снова вместе.
Не верилось, что все осталось позади: переживания, горечь разлуки.

* * *

Незаметной чередой бежали мирные дни. Уже рождались дети нового, послевоенного времени. Росло молодое поколение, которое не знало ужасов войны. Признаться, я скучал по родной земле, спал и видел родной край.

Около трех лет после войны я прослужил в Восточной Германии. Был командирован в Москву на учебу. Позже по приказу Министра обороны работал на командных должностях.

Годы берут свое. Уйдя в отставку, я внимательно слежу за тем, как несут сегодня службу молодые воины. И с гордостью повторяю слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Обороны СССР Маршала Советского Союза товарища Леонида Ильича Брежнева, сказанные им с трибуны XXVI съезда КПСС: «Теперь в рядах защитников Родины стоят уже сыновья и внуки героев Великой Отечественной войны. Они не прошли суровых испытаний, выпавших на долю их отцов и дедов. Но они верны героическим традициям нашей армии, нашего народа».

Лучше не скажешь: безопасность Отечества — в надежных руках!

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Никогда не забуду прощания воинов с полковыми знаменами. Под ними мы не раз ходили в атаку и побеждали. Закаленные в боях солдаты и офицеры не могли удержаться от слез, прощаясь навсегда с тем, что уходило от них в историю.

Более трех с половиной десятилетий прошло с той поры. Судьба разбросала нас в разные уголки нашей необъятной Родины, заметно поредели шеренги убеленных сединой ветеранов.

С некоторыми боевыми товарищами я и поныне продолжаю поддерживать связь. Нет такого участка работы в нашем социалистическом хозяйстве, где бы не трудились уволенные в запас ветераны.

Так, к примеру, бывший начальник штаба 21-й механизированной бригады гвардии подполковник М.Х. **Геллер** закончил после демобилизации аспирантуру Ленинградского зоологического института Академии наук СССР. Свою судьбу связал с изучением и освоением Крайнего Севера. Трудится сейчас в научно-исследовательском институте заведующим отделом промысловой биологии, является председателем городского совета ветеранов войны. Его жена Зинаида Андреевна **Геллер** после войны закончила Ленинградский стоматологический институт. Работает заведующей лечебным отделением городской поликлиники, вырастила детей — сына и дочь.

Офицер запаса И.Д. **Дьяченко**, бывший разведчик 47-й механизированной бригады, теперь начальник крупнейшей стройки в городе Тирасполь. За особые заслуги в труде удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. Коммунист, член горкома партии, заслуженный строитель Молдавии, он проводит большую патриотическую работу среди молодого поколения.

Старшина И.Я. **Носай**, участник парада Победы в Москве, уволился в запас, работает на Днепропетровском шинном заводе слесарем по ремонту сложного оборудования. Хороший производственник, не раз награждался грамотами, ценными подарками дирекции, парткома и профсоюзной организации.

— Я и по сей час, — говорит товарищ Носай, — храню как бесценную реликвию свою военную форму, которая напоминает мне о грозных годах войны.

Бывший начальник штаба минометного полка майор **Косульков** после войны уволился в запас. Работал секретарем Киевского райкома партии города Москвы, в настоящее время — председатель комитета народного контроля.

Большую общественно-политическую работу в Днепропетровске ведет подполковник в отставке, Герой Советского Союза И.С. **Андрощук**. Часто выступает с воспоминаниями о боевых делах 8-го гвардейского

механизированного корпуса в институтах, школах, на заводах и фабриках.

По решению ЦК ВЛКСМ в марте 1979 года в Белгороде состоялся слет ветеранов-танкистов Вооруженных Сил СССР, а в июле 1980-го по приглашению правительства Польши в городе Сандомире была организована встреча с ветеранами польской танковой бригады.

Некоторые товарищи остались в рядах Советской Армии. В частности, командир мотоциклетного взвода 8-го разведывательного батальона лейтенант Александр Яковлевич **Барсуков**. Еще до берлинской операции за мужество и храбрость ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А.Я. Барсуков продолжает служить в Вооруженных Силах. После войны он закончил военную академию, получил звание полковника. Ныне Александр Яковлевич проводит большую политическую и воспитательную работу среди офицеров и воинов Советской Армии.

Есть среди нас и «отставники». В прошлом прославленный разведчик, бывший командир 8-го разведывательного батальона нашего корпуса Владимир Иванович **Музыкантов**. Сейчас — генерал-майор в отставке, живет в Симферополе. Но по-прежнему такой же энергичный, ведет большую воспитательную работу среди молодежи.

Большим авторитетом среди рабочих и служащих железнодорожного депо города Дмитрова Московской области пользуется бывший механик-водитель танка старший сержант В.Г. **Волков**. За мужество и отвагу в Великой Отечественной войне он награжден несколькими правительственными наградами, на мирном фронте получил звание «машиниста 1-го класса». В.Г. Волков — хороший общественник, добрый наставник молодежи.

По-прежнему продолжают служить в армии наши прославленные боевые товарищи в период войны — бывший командир дивизиона «катюш» Ю.С. **Геленков** и командир танкового батальона В.А. **Бочковский**, которые успешно закончили военные академии и оба стали генералами.

Личный состав корпуса за отличные боевые действия в период Великой Отечественной войны получил 17 благодарностей в приказах Верховного Главнокомандующего. Десятки тысяч наших воинов были награждены боевыми орденами и медалями, многим из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Боевые знамена корпуса, его бригад и частей украсили 44 боевых ордена.

Бессмертен подвиг гвардейских соединений и частей 1-й танковой армии в Великой Отечественной войне, не померкнет в веках слава о тех, кто отстоял свободу и независимость Родины от посягательств немецко-фашистских захватчиков.

* * *

Дописана последняя страница книги. Возможно, рассказ мой о подвигах однополчан получился неполным. О многом уже сказали мои боевые товарищи, прославленные военачальники, об упущенном, надеюсь, напишут будущие авторы — участники событий, коллеги.

Мои сослуживцы, ветераны минувших сражений, боевые друзья помогли восстановить многие имена, фамилии бойцов и командиров, воссоздать эпизоды, в которых в полной мере проявилось воинское мастерство, стойкость советского солдата, его верность Родине, Коммунистической партии, превратившей идейно-политическое единство нашего народа во всепобеждающую силу. Всем им я приношу глубокую благодарность.

Дрёмов И.Ф.
Наступала грозная броня

Киев, Политиздат Украины, 1981. —168 с.,4 л. ил.

Приложение

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
воины 8-го гвардейского механизированного корпуса
1-й гвардейской танковой армии

		Дата указа о присвоении звания Героя Советского Союза
Дважды Герой Советского Союза		
БОЙКО Иван Никифорович	полковник	10.1.1944 г. 26.4.1944 г.
Герои Советского Союза		
АНТИНЯН Авак Вартанович	старшина	23.9.1944 г.
БАБАДЖАНЯН Амазасп Хачатурович	полковник	26.4.1944 г.
БАРСУКОВ Александр Яковлевич	лейтенант	31.5.1945 г.
БЕЛЯЕВ Вячеслав Васильевич	старший лейтенант	27.2.1945 г.
БОДРОВ Алексей Федорович	младший лейтенант	27.2.1945 г.
БОЧКОВСКИЙ Владимир Александрович	капитан	26.4.1944 г.
БУШИЛОВ Михаил Иванович	старшина	10.1.1944 г.
ВАГАНОВ Александр Васильевич	капитан	31.5.1945 г.
ГАВРИЛОВ Иван Васильевич	полковник	31.5.1945 г.
ГАВРИШКО Николай Иосифович	майор	26.4.1944 г.
ГИЗАТУЛИН Минулла Сунгатович	рядовой	23.9.1944 г.
ГОРБАЧ Феодосий Родионович	младший сержант	31.5.1945 г.
ГОРЕВ Алексей Ильич	рядовой	23.9.1944 г.
ГОРЕЛОВ Владимир Михайлович	полковник	26.4.1944 г.
ГРАФОВ Владимир Сергеевич	майор	31.5.1945 г.
ГРИБОЛЕВ Петр Филиппович	лейтенант	10.1.1944 г.
ДОЛГОВ Александр Петрович	старший лейтенант	31.5.1945 г.
ДРЕМОВ Иван Федорович	генерал-майор	26.4.1944 г.
ДУХОВ Алексей Михайлович	старший лейтенант	27.2.1945 г.
ЖУКОВ Владимир Александрович	майор	27.2.1945 г.
ЗАКУРДАЕВ Степан Алексеевич	ефрейтор	26.4.1945 г.

КАБАЛИН Николай Петрович	сержант	26.4.1944 г.
КАЛЕНДЮК Иван Хрисанфович	старший сержант	26.4.1944 г.
КОРОЛЬКОВ Иван Федорович	младший сержант	26.4.1944 г.
КОЧЕРОВ Василий Григорьевич	старший сержант	26.4.1944 г.
КРОТОВ Михаил Иванович	старшина	26.4.1944 г.
КУНЕЦ Александр Николаевич	сержант	31.5.1945 г.
ЛАКТИОНОВ Петр Ефимович	полковник	31.5.1945 г.
ЛАПЕНКОВ Иван Адамович	старший лейтенант	23.9.1944 г.
ЛИПАТЕНКОВ Федор Петрович	полковник	6.4.1945 г.
МАНУКЯН Андроник Александрович	капитан	27.2.1945 г.
МИРОНЕНКО Виктор Арсентьевич	капитан	3.6.1944 г.
МЯКИШЕВ Иван Спиридонович	младший лейтенант	31.5.1945 г.
НЕСТЕРОВ Сергей Егорович	старший сержант	23.9. 1944 г.
ОСИПОВ Семен Дмитриевич	капитан	26.4.1944 г.
ПИГАРЕВ Николай Григорьевич	рядовой	26.4.1944 г.
ПОДГОРБУНСКИЙ Владимир Николаевич	старший лейтенант	10.1.1944 г.
САДЫКОВ Юсуф-Мадат-оглы	старшина	31.5.1945 г.
СВЯЩЕНКО Юрий Григорьевич	лейтенант	31.5.1945 г.
СИНИЦЫН Александр Павлович	старший сержант	26.4.1944 г.
СИРИК Дмитрий Иванович	старший лейтенант	26.4.1944 г.
СУЛИМА Андрей Михайлович	лейтенант	26.4.1944 г.
ТЯГЕНЦЕВ Владимир Петрович	младший лейтенант	27.2.1945 г.
ТЕМНИК Абрам Матвеевич	полковник	31.5.1945 г.
ТИХОМИРОВ Александр Васильевич	старший сержант	27.2.1945 г.
ТОМАШЕВСКИЙ Казимир Адамович	капитан	31.5.1945 г.
ТРУНКИН Павел Ефимович	рядовой	24.5.1944 г.
УСТИМЕНКО Степан Яковлевич	младший лейтенант	26.4.1944 г.
ФАДЕЕВ Александр Данилович	майор	31.5.1945 г.
ЧЕРГИН Виктор Степанович	сержант	26.4.1944 г.
ШЕСТАКОВ Максим Кузьмич	майор	31.5.1945 г.
ЗЕМЛЯНОВ Андрей Егорович	сержант	24.5.1944 г.
ИГНАТЬЕВ Андрей Николаевич	младший лейтенант	25.5.1944 г.